

ОБЩЕСТВО

и ЭКОНОМИКА

НАУКА
— 1727 —

9

2024

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№ 9, 2024

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор журнала –
Е.Б. Ленчук, доктор экономических наук

Редакционная коллегия: д.э.н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П. Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д.э.н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д.э.н. **Е. Ясин.**

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Татьяна Чубарова, Елена Шестакова. Финансирование здравоохранения в странах ядра БРИКС: формирование смешанной системы	5
Александр Тюриков, Диана Кунижева. Оценка финансово грамотного поведения: от повышения финансовой грамотности к формированию финансовой культуры	27

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Игорь Балук. Особенности и основные тренды развития современного мирового финансового рынка	38
Андрей Волынский, Мария Круглова. Китайские инвестиции в России в контексте внешнеэкономической стратегии КНР	57
Дарья Динец. Противоречия в развитии транспортно-логистической инфраструктуры Монголии	73
Ксения Дармина. Технологические направления цифрового развития промышленного сектора Германии	83
Наталья Корж, Алёна Василенко. Укрепление экономических связей между Беларусью и Россией: перспективы и вызовы	93

CONTENTS

SOCIAL ISSUES

T. Chubarova, Ye. Shestakova. Healthcare financing in core countries of BRICS: developing a mixed system	5
A. Tyurikov, D. Kunizheva. Assessment of financially literate behavior: from increasing financial literacy to forming financial culture	27

WORLD ECONOMY

I. Balyuk. Modern global financial market: features and main development trends	38
A. Volinsky, M. Kruglova. Chinese investments in Russia in the context of China's foreign economic strategy	57
D. Dinets. Contradictions in the development of transport and logistics infrastructure of Mongolia	73
K. Darmina. Technological trends in the digital development of the industrial sector in Germany	83
N. Korzh, A. Vasilenko. Strengthening economic ties between Belarus and Russia: prospects and challenges	93

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки);
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2024

УДК: 336.5; 369

Татьяна Чубарова

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: t_chubarova@mail.ru)

Елена Шестакова

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: eeshestakowa@gmail.com)

ФИНАНСИРОВАНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СТРАНАХ ЯДРА БРИКС: ФОРМИРОВАНИЕ СМЕШАННОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассмотрены проблемы финансирования здравоохранения в странах ядра БРИКС в современных условиях многоаспектного кризиса, подробно затронуты два аспекта, а именно: общие объемы финансирования и организационные рамки, в которых оно осуществляется. Показано, что в рассматриваемых странах, несмотря на различия социально-экономической ситуации, государство придает важное значение развитию систем здравоохранения, и при сочетании государственного и частного финансирования общей тенденцией является усиление государственного участия. Это должно способствовать решению проблемы фрагментарности здравоохранения в контексте необходимости обеспечения всеобщего доступа населения к медицинскому обслуживанию. Вместе с тем соотношение применяемых форм финансирования различается по странам, преобладающей тенденцией является широкое использование механизма социального медицинского страхования, в секторе частного финансирования снижается доля прямой оплаты из собственных средств населения (платежей «из кармана»). Сами процессы активного реформирования систем здравоохранения в государствах ядра БРИКС находятся на различных стадиях реализации, и многие поставленные задачи еще далеки от выполнения.

Ключевые слова: финансирование здравоохранения, страны ядра БРИКС, общественные расходы, частные расходы, социальное медицинское страхование.

DOI: 10.31857/S0207367624090017, EDN: ANDDJO

Введение. Современное мировое хозяйство переживает сложный этап постоянного многоаспектного кризиса, затрагивающего все основные сферы жизнедеятельности общества и связанного с наложением глобальных рисков. Пандемия и ее последствия показали не только недостатки используемых моделей организации и финансирования здравоохранения, но и слабость координации усилий государств в области охраны здоровья населения.

Особый интерес в плане развития сотрудничества в укреплении национальных систем здравоохранения и совместного решения глобальных проблем охраны здоровья представляют государства ядра БРИКС, куда входят РФ, Бразилия, КНР, Индия и ЮАР. На территории рассматриваемых стран проживает 40% населения Земли, а их доля в мировом ВВП достигает $\frac{1}{3}$.

Развитие национальных систем здравоохранения в рассматриваемых странах в глобальном контексте сталкивается с рядом схожих проблем, связанных с необходимостью:

- обеспечения приоритета здравоохранения при формировании стратегий социально-экономического развития общества;
- преодоления существенных территориальных и социальных диспропорций и достижения сочетания экономической эффективности и социальной справедливости в сфере здравоохранения;
- снижения заболеваемости как неинфекционными, так и такими инфекционными заболеваниями, как ВИЧ/СПИД, туберкулез, гепатит.

Во многом эти задачи определяются общемировыми процессами, в том числе целями устойчивого развития, выдвигаемыми ООН. Одной из магистральных тенденций является усиление роли здравоохранения в обеспечении конкурентоспособности стран, в том числе — на основе понимания инвестиций в здоровье как важнейшего детерминанта успешного развития экономики.

Вместе с тем страны ядра БРИКС различаются между собой по параметрам социально-экономического развития, что безусловно отражается на развитии национальных систем здравоохранения, их способности отвечать на глобальные и национальные вызовы. Государства данной группы имеют разный эпидемиологический профиль, влияющий на заболеваемость и смертность, в них по-разному идут процессы реформирования систем охраны здоровья населения и др.

В данной статье рассматриваются вопросы финансирования здравоохранения в странах ядра БРИКС. Исходя из общих подходов к проблеме, поставлена задача: с одной стороны, проанализировать основные макроэкономические параметры финансирования здравоохранения в этих странах, а с другой — рассмотреть организационные рамки, в которых такое финансирование осуществляется. Это позволит понять те проблемы, которые предстоит решить данным государствам на пути финансового обеспечения нужд системы охраны здоровья населения.

Здравоохранение стран ядра БРИКС: постановка проблемы. В последнее время возрос интерес исследователей к проблематике БРИКС, причем как в России, так и в зарубежных странах. При этом эксперты исходят из понимания того, что обеспечение охраны здоровья населения является одной из важнейших функций современного государства.

Специалисты рассматривают разные аспекты данной проблемы; существует немало работ, посвященных финансово-экономическим и организационным аспектам развития систем здравоохранения отдельно по странам, входящим в ядро БРИКС, анализу их опыта в обеспечении здоровья населения [9, 11, 14, 18, 19]. В этих работах рассматриваются основные вопросы — такие как общий уровень финансирования, механизмы сбора и распределения средств на здравоохранение, роль медицинского страхования и государственных финансов в ресурсном обеспечении здравоохранения [17, 22, 24, 26]. Важной проблематикой исследований является анализ связи уровня финансирования и результатов систем здравоохранения, что все чаще рассматривается в контексте детерминантов (факторов) здоровья населения [27, 28, 30]. Ряд исследований посвящен проблемам сотрудничества стран БРИКС, позиция рассматриваемых стран на

мировой арене анализируется в контексте глобализации [1, 5]. Исследователи обращают внимание на растущую роль стран БРИКС на мировой арене в области сбережения здоровья в других государствах [2, 4, 7, 8].

В период пандемии повысилась актуальность проблем, связанных с развитием фармацевтической отрасли, в том числе производством и распределением вакцин [3, 23]. Почти все отмечают важную роль в этом процессе стран ядра БРИКС с точки зрения как лидерства в разработке вакцин, так и усилий по обеспечению равного доступа к ним во всем мире [21]. Вместе с тем отмечается, что сегодня рассматриваемые государства скорее действуют как отдельные страны, а не как объединение [6]. Поэтому есть потенциал для дальнейшего развития сотрудничества.

С момента образования БРИКС стали активно развиваться сравнительные исследования систем здравоохранения стран-участниц [14]. В этой области ситуация сложная, но когда речь идет об организации и финансировании здравоохранения, то Россия, Китай и Бразилия в основном упоминаются как передовики, тогда как Индия и ЮАР — как отстающие. Следует отметить, что чаще всего сравниваются показатели финансирования, хотя исследователи отмечают, что только финансами нельзя объяснить сходства и различия между странами, важную роль играют и другие факторы [29]. Несмотря на многообразие проблем и вызовов, стоящих перед рассматриваемыми государствами, они в целом смогли существенно увеличить инвестиции в здравоохранение [25].

Важным аспектом исследований стало определение общих проблем, которые стоят на глобальной повестке развития здравоохранения, в этом плане страны ядра БРИКС мало отличаются. Прежде всего следует отметить недостаточное финансирование, дефицит кадров и ограниченные возможности государства в условиях многоаспектного кризиса. Сходным для рассматриваемых стран является использование смешанной государственной и частной ответственности и финансирования, хотя в каждой из них действуют разные комбинации конкретных механизмов [15].

В данной статье будут подробно рассмотрены два вопроса, а именно:

- общий уровень финансирования здравоохранения в разрезе государственного и частного секторов;
- механизмы финансирования, с акцентом на формирование государственно-частных систем финансирования здравоохранения и роли государства.

Авторами использован подход, основанный на традиционном разделении источников финансирования здравоохранения на две группы, а именно: общественные (бюджет и социальное медицинское страхование) и частные (добровольное медицинское страхование (ДМС) и плата «из кармана», «у источника», т.е. в момент получения медицинской помощи). Довольно часто в российских исследованиях общественное финансирование отождествляется с государственным, что в целом допустимо, хотя при этом следует учитывать экономические различия налогов и взносов на социальное медицинское страхование.

Важность рассмотрения вопросов финансирования для развития систем здравоохранения определяется получившим эмпирическое подтверждение положением о наличии положительной связи между, с одной стороны, объемом

ресурсов, выделяемых на охрану здоровья, и, с другой стороны, показателями здоровья, прежде всего — продолжительностью жизни населения.

В качестве основных эмпирических данных была использована специальная база данных ВОЗ — *The Global Health Expenditure Database (GHED)*, которая дает сравнительные данные по финансовым аспектам здравоохранения более чем 190 стран—членов ВОЗ, начиная с 2000 г. Она определила выбор показателей и временного периода для настоящего исследования.

Расходы на здравоохранение в странах ядра БРИКС: сочетание государственного и частного финансирования. Общий уровень финансирования является одной из основополагающих характеристик системы здравоохранения. Как показано на рис. 1, хотя в целом за 2000–2021 гг. уровень финансирования в рассматриваемых странах был различен, наиболее высоким он был у Бразилии (10% ВВП), к 2021 г. отмечается некоторый рост общих расходов во всех странах, кроме Индии, где они несколько снизились.

Анализ соотношения в общих расходах государственного (вместе с социальным страхованием) и частного финансирования в целом позволяет выявить тенденцию к увеличению роли государства в финансировании здравоохранения стран ядра БРИКС, особенно в период пандемии (рис. 2). Вместе с тем, если в России доля государственных расходов на здравоохранение наиболее высока и достигла в 2021 г. 71% общих текущих расходов на здравоохранение, то в Индии она самая низкая, хотя и увеличилась за период 2000–2021 гг. с 21 до 34%. В Китае наблюдался наибольший рост рассматриваемого показателя по странам ядра БРИКС, который достиг 54% к 2021 г., т.е. увеличился более чем в 2 раза с 2000 г. Рост наблюдался в целом и в ЮАР — с 34% в 2000 г. до 60% в 2021 г. В Бразилии доля государственных расходов на здравоохранение за рассматриваемый период была достаточно стабильной и колебалась в диапазоне 41–46%. Показательно в этом плане сравнение с группой развитых стран, где в целом уровень государственного вмешательства при оказании медицинских услуг достаточно высок, достигает например, в среднем по ОЭСР более 70% общего объема финансирования.

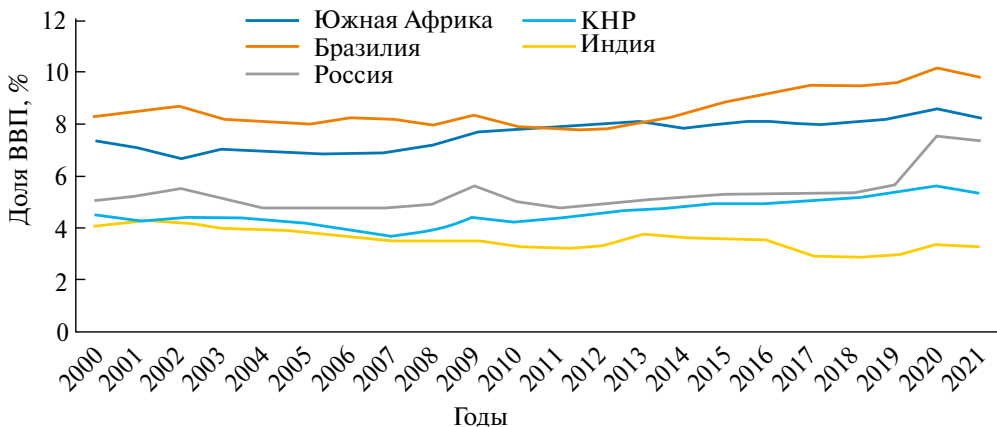

Рис. 1. Расходы на здравоохранение в странах ядра БРИКС, % ВВП

Источник: WHO The GlobalHealth Expenditure Database (GHED) (дата обращения 01.08.2024).

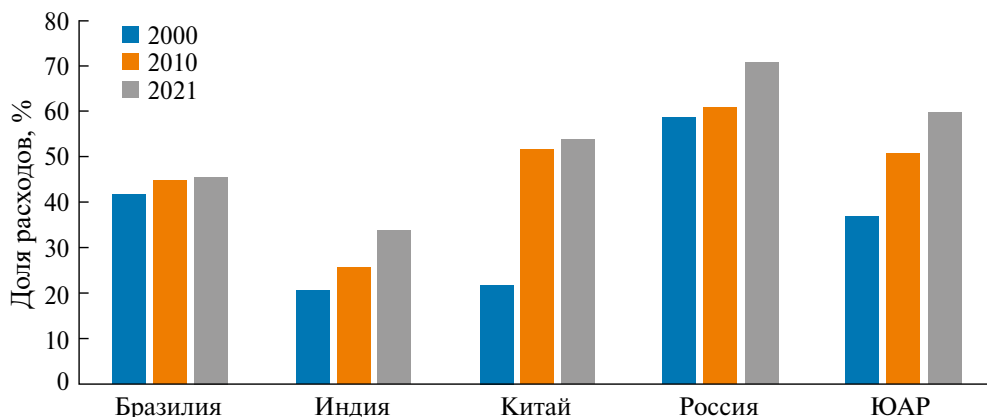

Рис. 2. Государственные расходы на здравоохранение, % от текущих расходов на здравоохранение

Источник: WHO The GlobalHealth Expenditure Database (дата обращения 01.08.2024).

При этом интересно изменение доли обязательного, или социального, медицинского страхования. Она осталась почти на нуле в ЮАР и Бразилии, колебалась в небольшом диапазоне в Индии (с 2% до максимум 6%, в настоящее время вернулась к 2%). Иные уровни и динамика фиксировались в РФ и КНР: в России доля обязательного медицинского страхования росла с 24 до 37% в 2019 г. и снизилась до 28% в 2021 г., в Китае она стабильно растет, увеличившись за рассматриваемый период с 10 до 37%.

Важным показателем, свидетельствующим о приоритетности здравоохранения, является его доля в общих государственных расходах (рис. 3). Здесь на первое место выходит ЮАР, где в среднем она составляла 10–15%, причем это довольно высокий показатель по мировым меркам, а не только для стран БРИКС. К этому уровню приближаются Бразилия (здесь доля здравоохранения достигла 11% государственных расходов

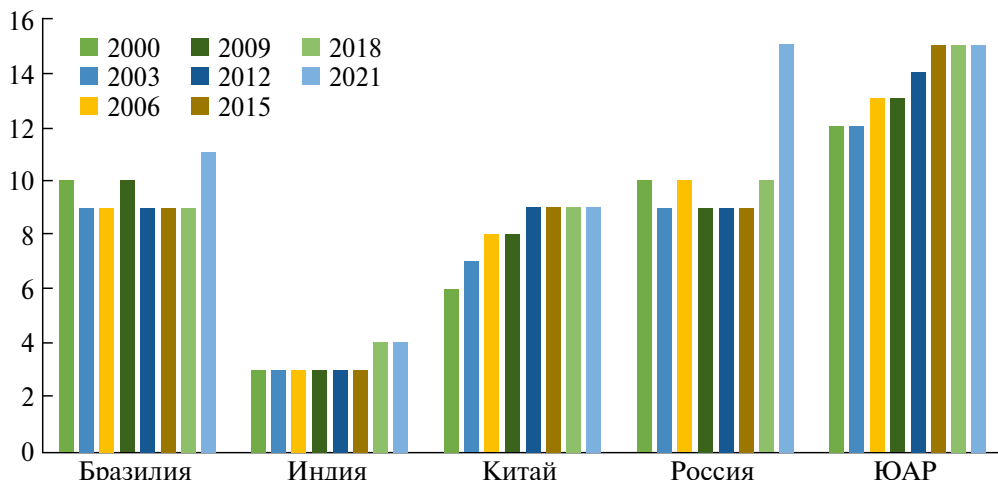

Рис. 3. Государственные расходы на здравоохранение (% от общих государственных расходов)

Источник: WHO The GlobalHealth Expenditure Database (дата обращения 01.08. 2024).

в 2021 г.) и Китай, где она стабильно держится на уровне 9%. На другом полюсе расположилась Индия: в стране данный показатель довольно низкий и в течение рассматриваемого периода составлял всего 3–4%. В России здравоохранение также устойчиво занимало 9–10% госрасходов, хотя его доля выросла до 14–15% в период пандемии в 2020–2021 гг. (рис.4).

Противоположная тенденция проявляется в отношении динамики частных расходов, что можно увидеть на рис. 5. Отмечается прежде всего устойчивое снижение доли расходов «из кармана» в текущих расходах на здравоохранение: в ЮАР – более чем в 2 раза (с 14 до 6%), в Китае – тоже почти в 2 раза (с 60 до 34%), в Индии – с 72 до 50%; в Бразилии – с 37 до 23%, в России доля прямой оплаты пациентами услуг до пандемии выросла с 30 до 40%, но в годы пандемии резко сократилась до 27% (в 2021 г.).

Доля ДМС, другого важного источника частных расходов, довольно существенно различается по странам. Например, в ЮАР она составляет 43% от текущих расходов, правда, это свидетельствует не о широком охвате добровольным страхованием основной массы населения, а скорее о значительной дифференциации расходов в государственном и частном секторах здравоохранения страны. Растет доля частного медицинского страхования в Бразилии (его доля увеличилась с 20 до 28% текущих расходов), а также в Индии и КНР (почти с нуля до 8 и 9% соответственно). А вот в России она незначительна и даже уменьшилась за рассматриваемый период с 3 до 1%.

В итоге наиболее резкий скачок доли государственного финансирования здравоохранения произошел в КНР, в то время как в других странах она тоже росла, но более плавно. Самые низкие показатели государственного финансирования

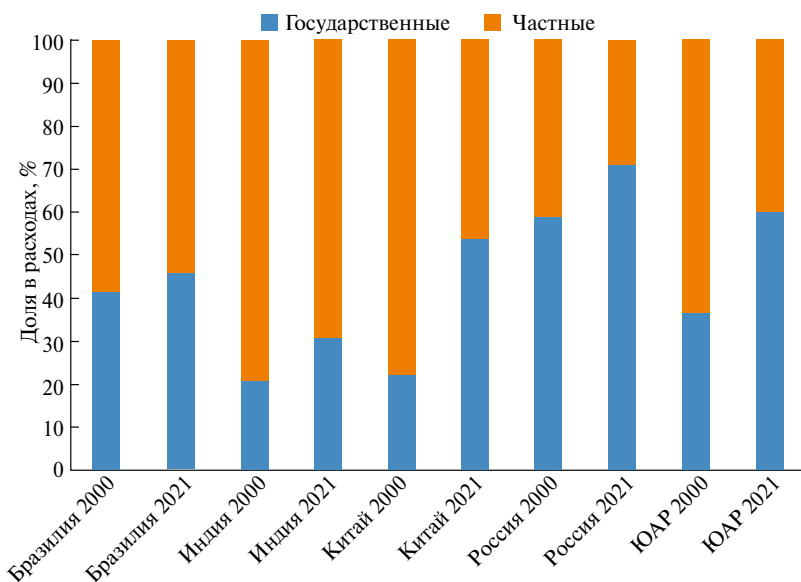

Рис. 4. Государственные и частные расходы в текущих расходах на здравоохранение, %

Источник: WHO The GlobalHealth Expenditure Database (дата обращения 01.08.2024).

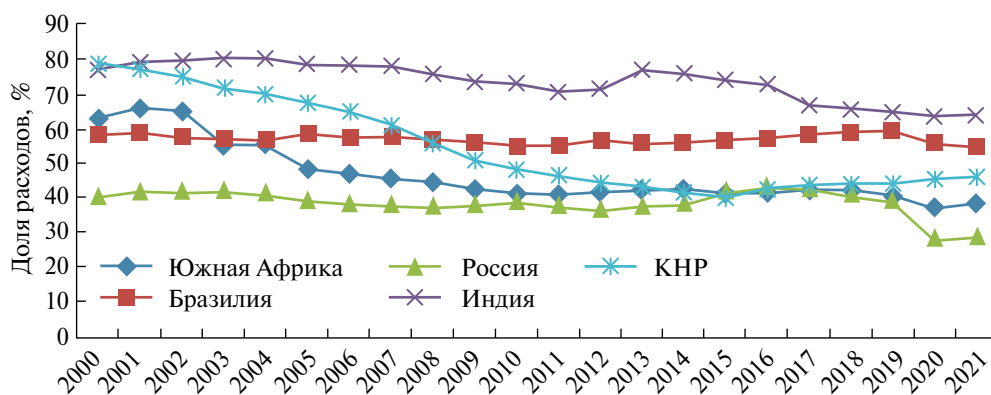

Рис. 5. Изменение доли частных расходов в общих расходах на здравоохранение, %

Источник: WHO The GlobalHealth Expenditure Database.

здравоохранения из всех стран ядра БРИКС сохраняются в Индии, хотя они тоже увеличиваются, но с гораздо более скромной базы.

В целом, рост общественного финансирования (государственного и обязательного страхования) позитивно отражается на результатах функционирования систем здравоохранения, при этом необходимо учитывать, что само по себе финансирование не способно решить всех проблем (табл. 1). Среди позитивных тенденций – повышение продолжительности жизни, в том числе и здоровой жизни, рост охвата населения услугами системы здравоохранения. По оценкам ВОЗ, Бразилия и КНР по многим показателям здравоохранения, включая вакцинации населения, охват базовыми медицинскими услугами, лечение ВИЧ и туберкулеза, санитарно-эпидемиологические условия, вошли в группу стран с наиболее высокими показателями. В то же время в ЮАР при высоких расходах на здравоохранение ситуация с медицинским обслуживанием пока существенно не улучшилась, хотя среди рассматриваемых стран у нее была самая низкая база.

Организационные аспекты финансирования здравоохранения в странах ядра БРИКС. Для лучшего понимания ситуации рассмотрим более детально, как организовано финансирование в странах ядра БРИКС.

Таблица 1

Отдельные показатели здравоохранения стран ядра БРИКС

Страна	Индекс универсального охвата (от 1 до 100)		Ожидаемая продолжительность жизни, лет		Ожидаемая продолжительность здоровой жизни, лет	
	2000	2019	2000	2019	2000	2019
Бразилия	68	80	71,5	75,9	61,7	65,4
Россия	54	79	65,3	73,2	57,3	64,2
КНР	47	81	71,6	77,4	63,7	68,5
ЮАР	43	71	55,8	65,3	48,5	56,2
Индия	33	63	62,1	70,8	52,9	60,3

Источник: WHO Global Health Observatory.

В КНР до середины 2000-х годов, в условиях сохранения курса на экономический рост и финансовую либерализацию, доля государства в финансировании здравоохранения снижалась, что привело к обострению проблем с доступностью медицинской помощи. Если в середине 1980-х годов она составляла 40%, то к 2000 г. снизилась до 15% от общих расходов на здравоохранение [28]. С началом реформ 2009 г. был принят курс на обеспечение безопасного, эффективного и доступного здравоохранения, а главной целью стало предоставление базового пакета услуг всем гражданам вне зависимости от доходов, места проживания и других характеристик [18]. В последующий период существенно увеличились абсолютные и относительные показатели государственного финансирования медицины. Среднегодовые темпы роста государственных расходов с 2008 по 2020 г. составили 16,3% (см. рис. 2). В стране начался процесс активного формирования и укрепления инфраструктуры и обеспечения кадрами первичного звена — сельских медицинских пунктов, городских и поселковых медицинских центров, небольших стационаров (до 100 коек). Это привело к резкому сокращению доли личных расходов населения в финансировании здравоохранения и к снижению относительной численности пациентов, которые не могли получить необходимого лечения по финансовым причинам¹. Руководством страны поставлена задача к 2030 г. снизить долю выплат «из кармана» в общих медицинских расходах до 25%.

В рассматриваемый период значительный импульс получила система медицинского социального страхования. После введения в 2016 г. Новой медицинской корпоративной сельской страховой схемы и Страховой медицинской схемы для горожан и их последующего объединения в Программу медицинского страхования городских и сельских жителей (*Resident's Basic Medical System*) уровень охвата населения страны медицинским страхованием увеличился до 95%, а доля социального страхования в общих медицинских расходах выросла до 37%.

В то же время, в силу существенных природных и социально-экономических различий между отдельными регионами страны, дифференциации доходов и образа жизни населения, сохраняется различие в структуре финансирования и объемах предоставляемых медицинских услуг. Базовая схема медицинского страхования наемных работников (*Employees' Basic Medical Insurance System*) финансируется в основном за счет взносов социальных партнеров (6% заработной платы выплачивает работодатель, 2% на персональный счет вносит работник). При этом региональные власти наделены правом вводить дополнительные страховые платежи. Расходы второй схемы — для занятых в сельском хозяйстве и для городских жителей (*Resident's Basic Medical System*) в основном покрываются из государственных средств и в меньшей степени — за счет фиксированных взносов застрахованных (50–500 юаней в зависимости от доходов участников). Самозанятые могут присоединяться к одной или другой системе, но в первом случае должны делать общий взнос за работодателя и работника. Объем средств, поступающих в фонды медицинского страхования из бюджетных источников,

¹ В период 2008–2013 гг., по данным социологических опросов, доля лиц, нуждающихся в стационарном лечении, которые не могли себе этого позволить, сократилась с 17,6 до 7,4%, а не получивших (по причине высокой стоимости) консультаций у специалистов и амбулаторного лечения — с 27 до 16%.

существенно отличается по провинциям: в бедных регионах он достигает 80% от расчетной величины подушевого финансирования базового пакета медицинских услуг. Объем базового пакета и нормы финансирования ежегодно определяется центральным правительством страны [33. Р. 14].

Соплатежи и прямые выплаты из собственных средств значительно выше для лиц, включенных в программу страхования городских и сельских жителей, теоретически покрывающую до 70% в основном стационарных расходов, чем в схему для наемных работников. Средства фондов базового медицинского страхования наемных работников используются прежде всего для покрытия расходов на стационарное и дорогостоящее поликлическое лечение, а поступления за счет средств самого работника на персональные медицинские счета — на соплатежи и покупку лекарств. Действующая система скидок и доплат за услуги зависит от категории медицинского учреждения. Однако в среднем базовая страховая схема для наемных работников обеспечивает покрытие до 80% общих расходов на основные услуги государственных или заключивших с государством договоры на обслуживание граждан частных стационаров и поликлиник [26. Р. 4].

Начиная с 2016 г. быстрыми темпами развивается поддерживаемое государством ДМС. В результате его доля в общей структуре расходов увеличилась до более чем 9% в 2021 г. [28. Р. 13].

Несмотря на безусловный прогресс, особенно в плане формирования всеобщей системы медицинского страхования, перед здравоохранением КНР стоит ряд серьезных задач, в том числе и в области финансового обеспечения и регулирования. Основными зонами внимания государства на современном этапе становятся цены на медицинские услуги и лекарства, структура доходов больниц и специалистов, диспропорции финансирования по каналам медицинского страхования. При существенном повышении значения общественных источников финансирования медицинских услуг и относительном снижении доли личных расходов граждан, в абсолютном выражении последние с середины 2000-х годов росли темпами 10,8% в год. В результате доля расходов домашних хозяйств на медицинские услуги и лекарства увеличилась за этот период с 6,9 до 8,8%. По разным оценкам, 12–16% граждан сталкиваются с так называемыми «катастрофическими»² расходами на медицинские услуги при возникновении серьезных проблем со здоровьем, из них только небольшая часть (2,5% населения, или около 35 млн человек) получает помощь для покрытия медицинских расходов (около 12% от средних расходов на госпитализацию) [10. Р. 16].

С началом реформ в КНР проводится политика использования нулевых наценок на основные лекарственные средства, что способствует снижению расходов населения на лекарства, но одновременно повышаются расценки на диагностику и лечение, особенно с использованием высокотехнологичного медицинского оборудования в крупных стационарах и в целом расходы населения не сокращаются. В зависимости от категории и местоположения медицинского учреждения стоимость услуг обеспечивает 40–90% получаемых им доходов, а государственные субсидии — 10–50% [32. Р. 22]. Кроме управляемых и финансируемых

² Катастрофическими в КНР считаются расходы, которые составляют 40% и более от нетто доходов домашнего хозяйства, после осуществления основных расходов.

из бюджетных средств больницы, предоставляющих основной объем стационарной медицинской помощи, растет сеть некоммерческих и коммерческих медицинских учреждений разного профиля, часть из которых заключает договоры с государственными структурами на оказание медицинских услуг для отдельных льготных категорий граждан. Есть успешные примеры передачи под частное управление государственных стационаров. Кроме того, врачи и средний медицинский персонал государственных медучреждений имеют право осуществлять свою профессиональную деятельность одновременно в разных медицинских учреждениях, включая частные.

Сохраняется существенный дисбаланс в спросе и предложении медицинских услуг, влияющий на их стоимость и темпы роста медицинских расходов. Центральным звеном системы медицинского обеспечения в КНР остаются стационары, которые берут на себя весь спектр задач от амбулаторных консультаций специалистов до госпитализации и реабилитации, тогда как пункты и центры первичной медицинской помощи нередко недоукомплектованы и далеко не всегда пользуются доверием населения [30]. Исторически больницы в стране финансируются не только на основе государственных субсидий, но и через оплату услуг и продажу лекарств, что стимулирует сохранение практики, при которой врачи стационаров выписывают большое количество рецептов на продаваемые с наценкой лекарства и госпитализируют пациентов, даже когда в этом нет необходимости (число госпитализаций в КНР 182 на 1 тыс. населения значительно выше среднемировых показателей) [10. Р. 16]. По-прежнему среди населения и даже медицинского сообщества пользуются спросом услуги организаций и врачей традиционной китайской медицины.

Реформирование системы стационарного обслуживания в стране является одной из наиболее сложных задач, так как требует обеспечения необходимого баланса учета интересов всех заинтересованных сторон. Несмотря на существенное укрепление роли государства в системе здравоохранения, в условиях повышения уровня жизни и роста спроса населения на качественные и разнообразные медицинские услуги сохраняется и механизм конкуренции, расширяется спектр медицинских организаций.

Относительно меньше достижений и иной подход к финансированию здравоохранения в другой крупнейшей стране мира и ядра БРИКС – **Индии**, которая находится на этапе кардинальных трансформаций в экономической, демографической и эпидемиологической сферах. Среднегодовые темпы роста ВВП в расчете на душу населения в течение последних 30 лет составляют 5%, страна перешла в нижний сегмент государств со средним уровнем социально-экономического развития. В отличие от быстро стареющей КНР Индия еще долго будет находиться в условиях так называемого «демографического дивиденда» роста численности и доли населения трудоспособного возраста. Относительно невысокие показатели результатов деятельности общественного здравоохранения соседствуют в Индии с прогрессивными формами медико-инновационной деятельности, лидирующей позицией в мире в разработке и производстве лекарственных средств.

В Индии действует смешанная система предоставления медицинской помощи, включающая большой спектр различных государственных и коммерческих

поставщиков и организаций «традиционной» (альтернативной) медицины (аюрведа, йога, гомеопатия, натуропатия). Лечение в основном осуществляется частными врачами и в негосударственных (некоммерческих и коммерческих) медицинских учреждениях с очень разными показателями качества и стоимости предоставляемых услуг³. По данным национального обследования положения домашних хозяйств в 2017–2018 гг., доля услуг, получаемых у частнопрактикующих специалистов или в негосударственных стационарах, составляла 70% от общего числа визитов в поликлинические учреждения и к семейным врачам и 58% случаев лечения в стационарах [13. Р. 49].

Действующая модель финансирования характеризуется высокой степенью фрагментации и низким уровнем объединения рисков, что не соответствует современному уровню экономического развития страны. Основным источником финансирования здравоохранения выступают прямые выплаты домашних хозяйств, доля которых составляет половину общих расходов на здравоохранение, или более 58% частных расходов. При этом $\frac{2}{3}$ расходов из собственных средств граждан идут на медикаменты и анализы из-за выписки большого числа рецептов и тестов.

Если сравнивать, например, структуру медицинских расходов в КНР и Индии, то в Китае 78% общих расходов идет на лечение и реабилитацию, 8% – на медицинские товары, а в Индии на лечение и реабилитацию поступает только 55% средств, на медицинские товары и вспомогательные услуги (анализы и тесты) – 28%, причем в стране существенно выше и административные расходы в секторе медицины: 6–7% [12. Р. 132].

Следует отметить, что $\frac{2}{3}$ государственного финансирования приходится на средства штатов, которые, согласно Конституции страны, несут основную ответственность за организацию медицинского обслуживания на своих территориях. Возникает дисбаланс средств и полномочий: центральное правительство страны располагает более значимой базой для получения налоговых доходов, чем штаты, которые несут основную ответственность по многим социальным направлениям, включая и здравоохранение. Каждые пять лет государственная Финансовая комиссия (Finance Commission) выступает с рекомендациями по распределению между центром и штатами налоговых поступлений и по размерам трансфертов из федерального бюджета штатам, которые они могут использовать в соответствии с определенными приоритетами (15-я Финансовая комиссия сохранила на период 2021–2026 гг. ранее действовавший уровень трансфертов для штатов).

Кроме того, центральное правительство выделяет средства штатам на национальные программы в сфере здравоохранения, в том числе на такие как Национальная миссия в области здравоохранения (National Health Mission) и Национальная миссия сельского здравоохранения (National Rural Health Mission). Первая программа, нацеленная на формирование инфраструктуры первичных

³ Действующая система регулирования частного сектора в сфере медицины существенно отличается по штатам. Большинство штатов находятся только в процессе внедрения положений Закона о клинических учреждениях (Clinical Establishments Act) 2010 г., который предусматривает использование минимальных стандартов качества при осуществлении диагностики и лечения в частных медицинских учреждениях.

медицинских услуг и, в теории, на предоставление базового пакета медицинской помощи самым широким слоям населения, финансируется на 60% из средств федерального бюджета и на 40% – из бюджетов штатов. Число государственных медицинских учреждений, включенных в программу, и объем предоставляемых ими услуг существенно различаются по штатам. Приоритетом второй программы являются вопросы репродуктивного здоровья женщин и детей, а также предупреждение и лечение опасных инфекционных заболеваний. В ее рамках с 2005 г. на селе формируется трехуровневая система организации первичной медико-санитарной помощи, включающая медицинские пункты, общественные пункты здоровья, региональные центры оказания акушерско-гинекологической помощи и ухода за новорожденными, а также оказания экстренной медицинской помощи.

Система социального медицинского страхования в стране исторически ограничивалась относительно небольшими сегментами формально занятых наемных работников частного и государственного секторов экономики и госслужащими. Действующая программа для наемных работников (Employee's State Insurance Act, ESIS) финансируется за счет средств работодателей (3,25% заработной платы) и работников (0,75% заработка, причем наемные работники, зарабатывающие менее 137 рупий в день, освобождены от уплаты своей доли взносов, за них это делает штат), государство, в свою очередь, покрывает $\frac{1}{8}$ годовых медицинских расходов данной схемы (до установленного лимита 1500 рупий на участника в год). Программа обеспечивает страхование расходов на стационарное и поликлиническое лечение, включая рождение детей и профессиональные заболевания, для 132 млн наемных работников и их иждивенцев. Застрахованные по программе могут пользоваться широкой сетью государственных и частных медицинских учреждений. В страховую программу для федеральных госслужащих (Central Government Health Scheme, CGHS) основной объем взносов поступает от работодателя-государства из федерального бюджета, работники выплачивают фиксированные суммы (от 50 до 500 рупий в месяц) в зависимости от получаемого дохода. Число участников данной программы по национальным меркам небольшое и составляет 3,4 млн действующих работников Центрального государственного аппарата, членов их семей и вышедших на пенсию работников, которые пользуются наиболее широким набором различных медицинских услуг. Специальные страховые схемы и своя медицинская инфраструктура обслуживают военных, работников портов и железных дорог. Доля взносов на добровольное (коллективное и индивидуальное) медицинское страхование в покрытии общих расходов составляет около 2%.

В последние годы в стране взят курс на введение общенациональных страховых схем с государственным участием для бедного и малообеспеченного населения, занятого в неформальном секторе экономики. С 2018 г. в ряде штатов вступила в действие интегральная схема медицинского страхования Pradhan Mantri Jan Aarogya Yojana (PM-JAY), предусматривающая предоставление застрахованным пакета услуг на сумму 500 тыс. рупий на домохозяйство в год, которая, по предварительным оценкам, должна охватить около 500 млн человек. Данная программа касается прежде всего стационарного обслуживания, и пока сложно оценить, насколько ее введение способствовало снижению собственных расходов

населения на медицинское обслуживание, особенно если учитывать, что до 70% расходов «из кармана» населения идет на оплату услуг частных врачей в поликлиниках. Свои собственные программы социального медицинского страхования, направленные исключительно на наиболее уязвимые слои населения, действуют и в ряде штатов. Есть и многочисленные примеры создания своеобразных обществ взаимного страхования (страховых кооперативов соседских общин, с низкими, даже по национальным меркам, размерами страховых премий 10–200 рупий в год), защищающих небольшие группы людей, например страховые кооперативы самозанятых женщин и их семей в штате Гуджарат.

На страховом рынке Индии работает 28 страховых компаний, предлагающих широкий спектр страховых продуктов по линии как государственного, так и частного (коллективного и индивидуального) страхования, хотя большинство договоров касается только стационарного лечения. Премии в размере до 25 тыс. рупий на индивидуальное медицинское страхование вычитаются из налогооблагаемой базы при расчете налогов на доходы, предусмотрены и льготы для работодателей, заключающих договоры коллективного страхования сотрудников. Однако пока среди городского населения частные медицинские страховки имеет 3,8%, сельского – 0,2%, даже среди наиболее обеспеченных горожан (20% с наиболее высокими доходами) доля застрахованных находится на уровне 12%, среди сельских жителей с высокими доходами этот показатель составляет только 0,8%. Средний размер индивидуальной страховой премии для гражданина в возрасте 25–40 лет составляет 5 тыс. рупий при страховом покрытии 500 тыс. рупий. Для семьи из 4 человек (2 взрослых и 2 детей) размер премии при том же покрытии увеличивается до 25–30 тыс. рупий. Для сравнения: премия с аналогичным покрытием по государственной программе РМ-JAI для такой же семьи, в зависимости от размеров ее дохода, будет находиться в пределах 450–1500 рупий [13. Р. 112].

В Бразилии, в соответствии с принятой в 1988 г. Конституцией страны, действует Единая система здравоохранения (EC3, *Systema Unico de Sande*, SUS), формально предоставляющая всему населению одинаковый объем услуг и финансовую защиту от высоких личных расходов при возникновении потребности в получении медицинских услуг. Основными провозглашенными принципами деятельности EC3 являются: 1) всеобщее право на медицинское обслуживание всех уровней (а не только первичного); 2) распределение ответственности за организацию и финансирование системы между 3 уровнями управления (федеративным, штатами и муниципалитетами); 3) участие общественности и социальных партнеров в формировании и реализации политики в сфере здравоохранения через советы по здоровью и медицинские конференции, состоящие на 50% из представителей местных сообществ, на 25% из поставщиков медицинских товаров и услуг и на 25% – из руководителей системы управления здравоохранением в регионах.

В рамках EC3 финансируется широкий круг как государственных, так и частных медицинских организаций, имеющих договоры с муниципалитетами и штатами. Частные медицинские организации могут получать статус «некоммерческих» и пользоваться значительными льготами по налогообложению, если 60% своей деятельности они осуществляют в отношении пациентов EC3. При этом государство является единственным донором как для организаций первичного

медицинского обслуживания, так и для структур, осуществляющих наиболее дорогостоящие виды услуг: трансплантацию, лечение онкологии и ВИЧ, дорогостоящее лекарственное сопровождение. Государство предоставляет гражданам широкий комплекс медицинских услуг, включая наиболее сложные и высокотехнологичные, без установления обязательных соплатежей. Однако допускаются определенные выплаты из собственных средств пациентов за выписку рецептов и получение ряда товаров и услуг, не включенных в основной пакет или приобретаемых вне сети ЕСЗ. Формирование общенациональной системы медицинского обеспечения, прежде всего успешное внедрение системы многопрофильных медицинских бригад в отдаленных районах, способствовало увеличению охвата медицинским обслуживанием наиболее бедных слоев населения и повышению основных показателей общественного здравоохранения. Схемы государственного финансирования покрывают 47% расходов на стационарное лечение населения страны, 58% расходов на услуги врачей в поликлиниках, более 33% — на стоматологическую помощь и протезирование и 9% расходов на медикаменты [24. Р. 68].

Ключевым элементом государственной поддержки выступает система первичной медицинской помощи, состоящая из более чем 43 тыс. многофункциональных медико-социальных команд, обслуживающих районы с численностью населения около 4 тыс. человек. Формирование данной системы началось в стране с 1994 г. после утверждения Стратегии семейного здоровья (Family Health Strategy). Данное звено медицинского обслуживания страны финансируется в основном из средств муниципалитетов (более 60%) и федерального правительства (около 33%). Согласно оценкам специалистов, благодаря реализации данной программы были достигнуты значительные успехи в снижении детской смертности и в сокращении показателей стандартной госпитализации в расчете на 10 тыс. человек населения (на 45% за 2001–2016 гг.) за счет оказания первичной помощи больным сердечно-сосудистыми заболеваниями, астмой, диабетом и др. [27. Р. 14].

Среди наиболее обсуждаемых нерешенных вопросов бразильского здравоохранения — нехватка врачей-специалистов, особенно в наиболее бедных северных штатах страны. В небольших муниципальных районах с числом жителей менее 5 тыс. обеспеченность врачами составляет в среднем 0,3 на 1 тыс. человек, а в крупных, с численностью более 500 тыс. — 4,3 на 1 тыс. жителей. Еще одна сложность — «двойная практика»: врачи делят свое время между пациентами государственных и частных структур. Почти 50% медиков страны имеют двойные договоры, лишь около 22% работают только в государственной системе (в основном, это либо молодые специалисты без опыта работы, либо лица пенсионного возраста), что может создавать пациентам государственных организаций проблемы с доступом к услугам, если деятельность врачей соответствующим образом не контролируется и не регулируется [20].

На эффективность всей системы медицинской помощи существенно влияет нехватка персонала и нестабильное качество услуг, приводящие к возникновению такой проблемы непосредственно первичного звена, как ограниченный круг населения, пользующегося услугами многопрофильных команд семейной медицины — 65% населения (большая доля населения страны традиционно обходит первичный уровень и напрямую обращаются в медучреждения более

высокого уровня). С 2020 г. для изменения данной ситуации реализуется новая модель финансирования первичного обслуживания (*Previne Brasil*), основанная на подушевом финансировании с учетом социально-экономического положения регионов, стимулирующая увеличение зарегистрированных участников системы.

Бразильское законодательство дает штатам, и особенно муниципалитетам, большой объем прав в планировании и управлении услугами ЕСЗ. Изначально, согласно Конституции, на здравоохранение должно идти не менее 30% социального бюджета страны. В соответствии с поправками, внесенными в основной документ страны, для повышения стабильности функционирования ЕСЗ были определены минимальные размеры участия штатов (12% от их доходов) и муниципалитетов (15% доходов) в финансировании государственной системы. В реальности муниципалитеты в среднем направляют на финансирование государственного медицинского обслуживания 22,5% своих доходов, и за период с середины 90-х годов XX в. до 2020 г. их доля в общем государственном финансировании увеличилась с 16 до 31%, штатов — с 21 до 26%, а доля федеральных средств сократилась с 63 до 43% [24. Р. 67]. В то же время в силу децентрализации управления ЕСЗ $\frac{2}{3}$ федеральных расходов на медицину идут непосредственно штатам и муниципалитетам. Основные блоки федерального финансирования ЕСЗ: первичное обслуживание, услуги среднего и высокого уровней сложности в государственных стационарах, поликлиническое обслуживание, мониторинг общественного здоровья, лекарственное обеспечение, инвестиции в инфраструктуру.

Особенностью бразильской модели финансирования является высокий уровень участия населения в системе добровольного медицинского страхования, соответствующий из рассматриваемых стран уровню ЮАР. ДМС может рассматриваться как дублирующее, так как оно охватывает практически все те же виды услуг, которые предоставляет ЕСЗ. Полисами ДМС в стране располагает чуть более 24% населения, из которых основная масса (до 70%) получает их по месту работы [16]. Застрахованные имеют возможность пользоваться услугами как специальных частных медицинских учреждений, так и аккредитованных государственных организаций. В среднем на пациента ЕСЗ приходится две консультации врача (2019 г.), что является относительно невысоким уровнем потребления услуг, а в системе частного страхования — 6 медицинских консультаций [24. Р. 51]. На страховом рынке страны, который существовал до формирования ЕСЗ, работает огромное число страховых компаний, некоммерческих медицинских кооперативов, специальных структур сетей медицинских поставщиков и благотворительных организаций, предоставляющих широкий спектр страховых продуктов от полного комплекса амбулаторных и поликлинических услуг до финансирования только определенных видов лечения и стоматологической помощи.

Государство поддерживает данную систему через льготное налогообложение, предоставляя вычет из налогооблагаемой базы страховых взносов и медицинских расходов, причем без установки верхних лимитов (даже на дорогостоящие пластические операции), что является одним из факторов, объясняющих, почему частное страхование очень распространено у наиболее обеспеченной части населения. Среди населения более экономически развитых и богатых штатов

юго-востока страны в различных схемах частного страхования участвует 35% населения, в наиболее отсталых Северных провинциях — 11%, и во всех регионах прослеживается значительная разница между потреблением услуг частных медицинских учреждений и участием в коммерческом страховании, между населением городов и сельской местности.

Можно выделить несколько причин не только сохранения, но и некоторого увеличения за рассматриваемый период доли лиц, участвующих в ДМС, несмотря на введение ЕСЗ, и высокого уровня участия в нем представителей среднего класса и наиболее обеспеченных слоев (среди представителей высшей по доходам квинтильной группы в систему частного страхования включено не менее 65%, нижней — 5,5%) [24. Р. 77]. Во-первых, это — невысокий уровень качества обслуживания, нехватка специалистов и длительные сроки ожидания приема в определенной части государственных медицинских учреждений; во-вторых — действенность традиций потребления медицинских услуг частных врачей и медицинских организаций; и наконец, наличие существенных налоговых льгот на частное медицинское страхование.

Рынок частного страхования в Бразилии серьезно отличается от рынков других государств с универсальными системами здравоохранения, в которых также популярно дублирующее частное страхование — например в Великобритании, Австралии или Испании. В этих странах сектор частного страхования ограничен выбором определенных поставщиков и не играет существенной роли в финансировании общих медицинских расходов (доля частного страхования в общих расходах составляет, например, в Австралии — 14%, в Испании — 7%, в Великобритании — 2,5%). В Бразилии дублирующее частное страхование формально выступает в роли замещающей его разновидности, когда $\frac{1}{4}$ населения страны не использует своего конституционного права на бесплатное медицинское обслуживание. Частные поставщики играют важную роль в обеспечении доступа пациентов ЕСЗ к медицинскому обслуживанию, особенно стационарному. Набирает популярность и передача под частное управление ряда государственных медицинских организаций, что позволяет повысить гибкость при найме персонала. Конкуренция государственных и частных структур за кадры далеко не всегда положительно сказывается на качестве и доступности услуг для пациентов. Нет однозначного ответа на вопрос о том, способствует ли увеличение объема частных медицинских расходов повышению эффективности системы в целом или, наоборот, ведет к избыточному потреблению ресурсов (например, число использования процедур МРТ на 1 тыс. населения (179) в 2,3 раза превышает соответствующий средний показатель ОЭСР).

Прямые выплаты на медицинскую помощь в большей степени затрагивают наиболее бедные слои населения, причем их большая часть идет на покупку лекарств. Расходы домашних хозяйств на медицинские услуги и медикаменты составляют около 13% общих расходов домохозяйств (их относительная величина несущественно отличается по доходным группам: в верхних по доходам 10% населения — 14%, в нижних 10% населения — 12%). Медицина формирует четвертую по величине группу расходов бразильских семей после жилья и коммунальных услуг (36,6%), транспорта (18,1%) и питания (17,5%) [9. Р. 87].

Для контроля за деятельностью частных медицинских учреждений и производства медицинских товаров в Бразилии образованы два квазиавтономных агентства: Национальное агентство по дополнительному медицинскому обеспечению, основной задачей которого является защита интересов граждан, получающих услуги через систему частного медицинского страхования, и Национальное агентство в сфере медицины, занимающееся мониторингом производства медицинских услуг и товаров, включая лекарства. Сложная децентрализованная система управления ЕСЗ и большая роль частного сектора в медицинском обслуживании влекут за собой существенное увеличение доли административных расходов — до 6% от общих расходов на здравоохранение в стране.

Система здравоохранения **ЮАР** находится в процессе кардинальной трансформации, результаты которой пока сложно оценить. Вместо двух не связанных между собой, параллельно действующих государственной и частных схем финансирования и организации медицинского обслуживания поставлена задача создания единой страховой системы медицинского обеспечения. Действующие власти страны и ведущие профсоюзы полагают, что высокая загруженность и низкая эффективность работы государственного сектора здравоохранения делают необходимым его реформирование. Конституция ЮАР гарантирует доступ к медицинскому обслуживанию всем жителям, включая мигрантов и беженцев. При этом государственное здравоохранение сталкивается с комплексом серьезных проблем: острой хронической нехваткой кадров, особенно среднего звена, недостаточным техническим оснащением медицинских учреждений и качеством лечения, наличием больших очередей на фоне высокого уровня заболеваемости, фактически эпидемиями ВИЧ/СПИДа (18% населения), бактериальной диареи, брюшного тифа, туберкулеза (468 случаев на 100 тыс. населения), гепатита А и В, высокими уровнями детской заболеваемости, насилия и травматизма.

Государственными медицинскими учреждениями (поликлиниками, стационарами, скорой помощью и пунктами первичной медицинской помощи) постоянно пользуются более 80% населения, но в них работают только $\frac{1}{5}$ от общей численности медицинского персонала страны и расходуется около 40% от общего объема средств, идущих на медицинское обслуживание [29]. Доля собственных расходов пациентов на медицинские услуги, получаемые в государственной системе, составляет 7% от общего объема медицинских расходов⁴. Размер доплат пациентов за медицинское обслуживание в государственных учреждениях зависит от их доходов, демографической нагрузки и установленных общенациональных тарифов на услуги (Uniform national fee schedule, UNFS). Выделяются, по меньшей мере, три основные группы пациентов: а) полностью оплачивающие стоимость услуг (например иностранцы, пользующиеся государственной системой здравоохранения); б) частично покрывающие стоимость услуг; в) освобожденные от доплат. К последней категории относятся беременные женщины, дети до 6 лет, пациенты с низкими доходами, попавшие в стационары через систему первичной медицинской помощи, и некоторые другие категории.

⁴ URL: [https://Health topics/WHO/Regional office for Africa](https://Health%20topics/WHO/Regional%20office%20for%20Africa).

В настоящее время организация первичной медицинской помощи (3,5 тыс. медицинских пунктов и небольших поликлиник и стационары) находится в ведении местных органов власти, служба скорой помощи и высокоспециализированные больницы управляются органами исполнительной власти провинций, которые имеют широкую автономию в принятии решений о распределении поступающих из центра средств между отдельными сферами социальной деятельности. При обследованных в 2021 г. государственным Управлением по контролю за качеством обслуживания (Office of Health Standards Compliance) 780 структур первичной медицинской помощи прошли проверку на соответствие национальным нормативам качества услуг только 65%, в значительной части оставшихся были выявлены проблемы с инфекционным и санитарным контролем, отношением персонала, обеспечением лекарствами и медикаментами, безопасностью медиков и пациентов⁵.

В ЮАР развито добровольное частное медицинское страхование, которое охватывает около 16–17% наиболее обеспеченного населения страны. В частном секторе занято около 79% медицинских специалистов и на него приходится, по разным оценкам, от 1/2 до почти 60% общих расходов на медицинское обслуживание. В стране действует более 100 медицинских программ с разным набором услуг и льгот для участников, никак не связанных с государственной системой медицинской помощи.

Ключевыми направлениями реформирования финансирования системы здравоохранения страны на ближайшую перспективу являются формирование общего фонда финансирования здравоохранения, интеграция в общую систему частных страховых схем, а также создание единого стратегического покупателя, находящегося в государственной собственности и управляемого государством, который будет приобретать медицинские услуги для населения у аккредитованных государственных и частных поставщиков [19]. Однако реализация данного проекта может столкнуться с серьезными препятствиями. Высокие уровни безработицы и бедности ограничивают возможности широких слоев населения участвовать в финансировании здравоохранения, выплачивая налоги и страховые взносы. Далеко не преодолено и наследие апартеида – расовая и гендерная дискриминация, огромное неравенство в доходах, а также нестабильность политических институтов, коррупция и часто некомпетентное руководство, низкий уровень доверия более обеспеченного населения к государственным институтам.

После длительного периода обсуждений и проведения пилотных исследований в 11 провинциях в 2023 г. в стране был принят закон «О национальном медицинском страховании», предусматривающий организацию Национального страхового фонда для оплаты лечения всего населения у аккредитованных поставщиков услуг по установленным государством тарифам. Источниками средств Национального страхового фонда должны стать страховые взносы социальных партнеров на заработную плату работников, государственные субсидии, часть налогов на доходы физических лиц, перераспределение средств за счет рационализации налоговых льгот и др. Основные цели данной масштабной

⁵ URL: <https://www.blomberg.com/news/articles/2023-12/08/why-south-africa's-plan-for-Universal-Health-Care-Stirs-Opposition>.

перестройки — привлечь дополнительные ресурсы в систему здравоохранения, отладить механизмы объединения рисков и перекрестного субсидирования, обеспечить предоставление всем гражданам качественных медицинских услуг и постепенно повысить результаты функционирования общественного здравоохранения. Частные страховщики теоретически смогут продолжить финансировать получение услуг, не входящих в базовый пакет национального страхования. Однако, поскольку реформа еще только стартовала, в настоящее время оценить ее результаты пока не представляется возможным.

Заключение. В силу существенных различий исторических, социально-экономических, политических и демографических условий развития в странах ядра БРИКС сформировались различные национальные модели организации и финансирования здравоохранения. Общим для рассматриваемых государств является то, что при сочетании государственного и частного финансирования единой тенденцией является усиление за рассматриваемый период государственного участия. Последнее направлено на решение проблемы фрагментарности здравоохранения, когда различные условия оказания медицинской помощи для разных категорий граждан ведут к формированию прямой связи между доступностью и доходами, когда действуют плюралистические схемы, в которых оказываются высокотехнологические услуги относительно немногочисленному среднему классу и медицинским туристам, а большинство населения имеет ограниченный доступ к качественному медицинскому обслуживанию и сохраняются ареалы крайне неблагоприятной среды обитания.

Опыт стран ядра БРИКС показывает, что сам по себе экономический рост не гарантирует достижения уровня здравоохранения, позволяющего удовлетворять потребности населения. Высокая степень коммерциализации медицинского обслуживания и низкие государственные расходы ведут к росту прямых платежей населения, углублению неравенства в доступе к медицинским услугам и состоянии здоровья различных групп населения. Возникают и серьезные диспропорции в кадровом и материальном обеспечении государственного и частного сегментов здравоохранения. Особенно важна роль государства в секторах здравоохранения, требующих больших инвестиций: в создании сети общедоступных лечебно-профилактических медицинских центров первичной медицинской помощи, в финансировании крупных проектов по борьбе с наиболее опасными инфекционными заболеваниями, вакцинации населения.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются системы здравоохранения стран ядра БРИКС в области финансирования, схожи. Это прежде всего высокие собственные расходы населения на медицину «из кармана»; низкий уровень объединения ресурсов и, соответственно, распределения рисков, на который накладывается социальное разделение город/село, что в результате оборачивается ограниченным охватом сельского населения страховыми схемами, и даже его фактическим отсутствием; низкая доля государства в финансировании медицинских расходов.

Во всех рассмотренных странах государство активно занимается вопросами здравоохранения. Они проводят реформы в поисках оптимальных путей финансового обеспечения здравоохранения с учетом национальной специфики и гло-

бальных угроз. За счет расширения охвата медицинским страхованием и повышения устойчивости финансирования общественного здравоохранения значительных успехов в этом направлении добилась КНР. Реализация масштабных программ обязательного медицинского страхования с участием работодателей в разных штатах меняет, хотя и не очень быстро, сценарий финансирования здравоохранения в Индии. В Бразилии приоритет отдается прямому бюджетному финансированию основных секторов здравоохранения. В ЮАР намечена кардинальная трансформация системы финансирования здравоохранения: формирование Национального страхового фонда, который будет отвечать за приобретение и оплату всех медицинских услуг в стране, входящих в национальную страховую программу.

Однако в связи с усилением роли государства в финансовом обеспечении здравоохранения возникает и ряд проблем, связанных с особенностями функционирования и регулирования государственного сектора. Прежде всего здравоохранение конкурирует за бюджетные средства с другими направлениями государственных расходов, в том числе с такими приоритетными на современном этапе, как образование, экология и др. Встает вопрос об эффективности использования государственных ресурсов, что может повлечь за собой институциональные изменения в организации медицинского обслуживания населения.

Литература

1. Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Политика стран БРИКС в сфере здравоохранения: поворот к новым концептуальным основам и практическим действиям // В сборнике Многосторонние институты и диалоговые форматы. Материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.) / Под. ред. А.В. Мальгина. МГИМО-Университет. Москва, 2016. С. 29–39.
2. Конохова В. Развитие системы здравоохранения в странах БРИКС // Гуманитарный акцент. 2019. № 1. С. 55–61.
3. Костин К.Б. Перспективы развития фармацевтического рынка в странах БРИКС // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4 (118). Специальный выпуск по итогам Петербургского международного экономического форума – 2019. С. 32–39.
4. Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Сахаров А. Г., Шелепов А.В. Формирование повестки дня БРИКС в сфере здравоохранения // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 4. С. 102–125.
5. Стратегия развития БРИКС и приоритеты для России: доклад к XXI Апр. международной науч. конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / М. Л. Баталина, Т. В. Бордачев, М. С. Бочкова и др.; под науч. ред. Т. А. Мешковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 194 с.
6. Чубарова Т.В. Развитие сотрудничества стран ядра БРИКС в условиях мультиаспектного кризиса: пример здравоохранения. Доклад на XXII Международных Лихачевских научных чтениях «БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций». СПб, 2024. URL: https://www.lihachev.ru/chten/2024/sec3/Chubarova_TV_2024.pdf
7. Чугунков П.И. Международное сотрудничество в сфере здравоохранения в странах БРИКС: правовые аспекты // Молодой ученый. 2015. № 17 (97).
8. Яковлевич М., Эккерт Н.В., Микерова М.С., Решетников В.А. Растущее влияние стран БРИКС на глобальный сектор здравоохранения // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 6. С.150–166.
9. Arango E.C., Lobo M.S., Medici A.C. Efficiency and sustainability of public health spending in Brazil // J. Bras. Econ. Saude. 2022. Vol. 4. N.1. P. 86–95. URL: [http://doi.org/10.21115/JBES14n1.\(supp.1\):86-95](http://doi.org/10.21115/JBES14n1.(supp.1):86-95)
10. Fung H. Enhancing financial protection under China's social health insurance to achieve universal health coverage // BMJ. 2019. 365:12278. P. 16–18. URL: <http://doi.org/10.1136/bmj12378>

11. *Gupta I.* Financing for a resilient health system in India: lessons from the COVID Pandemic // In Pachauri S. and Pachauri A (eds.) Health dimensions of COVID-19 in India and beyond. Springer 2022. P. 245–259. URL: <https://doi.org/10.1007/978-981-16-7385-6>
12. Health at a glance Asia/Pacific. Measuring progress towards universal health coverage. 2022. Paris: OECD Publishing. URL: <https://doi.org/10.1787/c7467f62-en>
13. India Health System Review // A. Mahal (ed.) Health Systems in Transition WHO. 2022. Vol 11. № 1.
14. *Jakovljevic M., Milovanovic O.* Growing burden of non-communicable diseases in the emerging health markets: the case of BRICS // Front Public Health. 2015. № 3. P.65.
15. *Jakovljevic M., Potapchik E., Popovich L., Barik D., Getzen T.* Evolving health expenditure landscape of the BRICS nations and projections to 2025 // Health Econ. 2017. № 26. P. 844–852.
16. *Massuda A.* (2020) Brazil- international health care system profiles. Commonwealth fund URL: <http://www.commonwealthfund.org/international-health-policy-center/countries/brazil>
17. *Mathauer I., Torres L.V., Kutzin J., Jakabo M., Hansond K.* Poling financial resources for universal health coverage. Options for reform // Bulletin of the World Health Organization. 2020. P. 132–139.
18. *Meng Q.* What can we learn from China’s health system reform? // BMJ. 2019. Vol. 365. Issue 12349. P. 2–6. URL: <https://doi.org/101136/bmj12349>
19. *Michel J., Tediosi F., Egger M., Barnighausen T., McIntyre D., Tanner M., Evans D.* Universal health coverage financing in South Africa: wishes vs reality // Journal of global health reports. 2020. № 4. URL: <https://doi.org/10.29392/001c.13509>
20. *Miotto B.* Physician ‘s sociodemographic profile and distribution across public and private health care: an insight into physicians’ dual practice in Brazil // BMC Health Services Research. 2018. Vol. 18/299. URL: <https://doi.org/10.1186/s12913-018-3076-z>
21. *Moore C.* BRICS and global health diplomacy in the COVID-19 pandemic: situating BRICS’ diplomacy within the prevailing global health governance context // Rev. Bras. Polít. Int. 2023. Vol. 65. P. e022.
22. *Nair K.S., Pasha S.A.* Unregulated private health sector: India’s challenges in realizing universal health coverage. //Public Policy Administration Research. 2020. Vol. 10. N. 3. P. 51–60.
23. On the Momentum Toward Vaccine Self-Sufficiency in the BRICS: // An Integrative Review of the Role of Pharmaceutical Entrepreneurship and Innovation. Frontiers in Public Health. 2023. October 9. Дата обращения: 20.06.2024.
24. OECD Reviews of health systems: Brazil. 2021. P. 51. URL: <http://doi.org/10.1787/146d0dea-en>
25. *Petrie D, Ki Tang K.* Relative health performance in BRICS over the past 20 years: the winners and losers // Bull. World Health Organ. 2014. Vol. 92. P. 396–404. URL: <https://doi.org/10.2471/BLT.13.132480>
26. Poverty, vulnerability and fiscal sustainability in the People’s Republic of China. 2021 Manila: Asian Development Bank. URL: <http://doi.org/10.22617/TCS10217-2>
27. Primary health care in Brazil. Paris: OECD Publishing. 2021. URL: <https://doi.org/10.1787/120e170e-en>
28. *Qian J.* Health reform in China: recent developments // EAI Background Brief. 2022. № 1646.
29. *Romaniuk P., Poznanska A., Brukalo K., Holecki T.* Health system outcomes in BRICS countries and their association with the economic context // Fronters in public health 2020. Vol 8. URL: <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00080>. URL: http://www.FAIBB-N-1646-Chinas-health-system_resent-devts-2.pdf
30. *Sadani P.R., Nair K.S., Agarwal K.* Health system financing: a comparative analysis of India and Saudi Arabia // Journal of health management. 2023.Vol. 25, Issue 1. URL: <https://doi.org/10.1177/09720634231153210>
31. *Wu D., Lam T., Lam K., Zhou X., Sun K.* Challenges to healthcare reform in China: profit-oriented medical practices, patients’ choice of care and guanxi culture in Zhejiang province // Health policy and planning. 2017. Vol. 32. P. 1241–1247.
32. *Xu J.* Reforming public hospital financing in China: progress and challenges // BMJ. 2019. Vol. 365:14015.
33. *Yuan B.* Strengthening public health services to achieve universal health coverage in China // BMJ. 2019. Vol. 365:12378. URL: <http://doi.org/101136/bmj12358>

Tatiana Chubarova (e-mail: t_chubarova@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

Yelena Shestakova (e-mail: eeshestakowa@gmail.com)

Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

HEALTHCARE FINANCING IN CORE COUNTRIES OF BRICS: DEVELOPING A MIXED SYSTEM

The article examines healthcare financing in the core countries of BRICS in the current multi-faceted crisis, touching upon two aspects, namely the total volume of financing and the organizational framework in which it is carried out. It is shown that in the countries under consideration, despite the differences in the socio-economic situation, the government attaches great importance to the development of healthcare systems, and with a combination of public and private financing, the general trend is to strengthen state participation. This should help to overcome fragmentation of healthcare, considering the need to ensure universal access of the population to medical care. At the same time, the combinations of financing mechanisms used differ by country; the prevailing trend is the widespread use of social health insurance while in the private financing sector the share of “out of pocket” payments is decreasing. The active reforms of healthcare systems in the core countries of BRICS are at various stages of implementation and many of the tasks set are still far from being completed.

Keywords: health care financing, BRICS core countries, public health expenditures, private health expenditures, social health insurance.

DOI: 10.31857/S0207367624090017, **EDN:** ANDDJO

Александр Тюриков

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, главный научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: agtyurikov@fa.ru)

Диана Кунижева

кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии, младший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: dakunizheva@fa.ru)

ОЦЕНКА ФИНАНСОВО ГРАМОТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОТ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ К ФОРМИРОВАНИЮ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются научные подходы к исследованию финансового поведения, российский опыт исследования финансово грамотного поведения, приведены определения основных понятий. Обоснована актуальность изучения и формирования финансовой культуры населения. Представлены слабые стороны в исследованиях финансово грамотного поведения. Авторами разработана методика социологического измерения финансово грамотного поведения на основании результатов экспертных полуструктурированных интервью. Определена высокая значимость социокультурного критерия в оценке финансово грамотного поведения. В работе исследуются возможности разработки методических подходов к измерению уровня финансовой культуры взрослого населения, интерпретации сформированности финансовой культуры через категории «высокий уровень», «средний уровень», «низкий уровень», выявлен ранг и вес каждого из показателей, необходимых для расчета индекса развития финансовой культуры.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовая культура, финансово грамотное поведение, субъектность, экспертные опросы, стратегия, финансовые знания, навыки, установки.

DOI: 10.31857/S0207367624090029, **EDN:** AMVLKB

В рамках «Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» для достижения поставленных задач реализуется система мер на федеральном и региональном уровнях. Развиваются инструменты продвижения финансово грамотного поведения, укрепления системы финансового образования и просвещения, создается базовая архитектура работы со взрослыми гражданами через информационно-просветительские каналы. Ранее реализации этой задачи содействовала Стратегия повышения финансовой грамотности населения России [1], однако финансовая грамотность является недостаточным условием для повышения благополучия граждан и их проактивного поведения, соответствующего реалиям российской экономики.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, по государственному заданию Финансового университета в 2024 г.

В связи с этим Правительство Российской Федерации расширило целевую установку, утвердив в новой Стратегии необходимость формирования финансовой культуры, разработки индекса развития финансовой культуры для мониторинга оценки эффективности принимаемых мер [2]. Ожидается, что Стратегия поможет россиянам освоить позитивные сберегательные, потребительские, страховые, инвестиционные практики и приобрести способность защищать свои права и личные финансы от мошенников, минимизировать финансовые риски. В документе закреплены следующие определения: финансовая грамотность — «основные знания, умения и навыки, необходимые для принятия финансовых решений в целях достижения финансового благополучия и управления финансовыми рисками»; финансовая культура — «ценности, установки и поведенческие практики граждан в финансовой сфере, зависящие от воспитания, уровня финансовой грамотности, опыта принятия финансовых решений, уровня развития финансового рынка и общественных институтов» [2].

Новой Стратегией обоснована целесообразность расчета индекса развития финансовой культуры взрослого населения на основе регулярных репрезентативных всероссийских социологических исследований и статистических данных, отражающих реальное поведение и активность граждан в отдельных секторах финансовой сферы.

Опыт анализа финансового поведения имеется у представителей институционального (неоинституционального) подхода, деятельностно-феноменологического подхода, экономико-социологического подхода.

Применение институционального подхода в анализе финансового поведения подразумевает учет социокультурных аспектов, особенностей социальных институтов, где институты — сложившееся общественное сознание, воплощённое в традициях и практиках [3, 4]. Экономические и финансовые институты — фундамент экономического поведения, который должен эволюционировать в соответствии с меняющейся внешней средой и представлять собой привычные реакции на новые стимулы, создаваемые этими изменениями [5, 6].

В результате переосмысления понятия «рациональность» зародился неоинституциональный подход [7], согласно которому рациональность институционального человека является не абсолютной, а формирующейся под влиянием культурной среды. Индивид не выбирает альтернативу X, не потому что существует более экономически выгодная альтернатива Y [8], а потому что им движут другие более глубокие институциональные причины [9, 10]. В исследованиях природы институционального человека используется «институциональная матрица» — устойчивая, исторически сложившаяся сеть основных институтов, которые регулируют функционирование сфер общества [11, 12]. Институты формируют условия, способствующие либо экономическому росту и процветанию, либо, напротив, стагнации и упадку (Д. Норт).

Деятельностно-феноменологический подход представляет социальную реальность как множество миров, их создают сами акторы [17]. Подход позволяет выделить следующие аспекты:

1) культура представляет собой жизненный мир, который конституируется intersubъективно, в то время как финансовая культура включает в себя intersubъективно сложенные смыслы, связанные с разнообразными финансовыми обстоятельствами;

2) интерсубъективность, лежащая в основе культуры, дарит людям возможность быть субъектами, т.е. управлять своими жизненными ситуациями в соответствии с социокультурными значениями;

3) смыслы финансовых решений поддаются исследованию и помогают интерпретировать сформировавшуюся личную и общественную финансовую культуру [10];

4) общественная финансовая культура есть повторяющиеся во времени и месте действия [18].

Дж. Акерлоф и Р. Шиллер усиливают своими трудами важность человеческого участия в экономических событиях, в макроэкономических процессах. Долгое время политика государств выстраивалась с учетом особенностей человеческого поведения в меньшей степени, в результате чего периодически происходят финансовые сбои разной степени рискованности — пузыри, перегрев рынков, депрессии и т.д.

Данные подходы ставят под сомнение традиционное представление о человеке как рациональном максимизаторе [19].

В исследованиях поведения людей в финансовой сфере применяются различные эмпирические методы, включая наблюдение, контент-анализ, социологические опросы и эксперименты. Особенно распространены опросы для оценки уровня финансовой грамотности среди населения, а также для анализа финансово грамотного поведения отдельных граждан и домохозяйств.

В период с 2017 по 2023 г. проделано несколько крупных исследовательских работ с использованием опросных методов для получения данных о финансовом поведении россиян.

1. С 2017 г. для оценки динамики уровня финансовой грамотности населения ФОМ проводятся мониторинговые замеры взрослого населения и молодежи по методике, основанной на показателях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) с учетом российской специфики. В индексе учтены субиндексы — финансовые знания, финансовое поведение и финансовые установки [21].

2. В 2018 г. ФОМ выделили 11 моделей финансового поведения россиян, при этом 43,8% респондентов названы экспертами как демонстрирующие позитивные паттерны поведения, а 56,2% — проблемные [22].

3. С 2018 г. НАФИ измеряет способность индивидов к разумному управлению своими финансами через индекс финансовой грамотности [23]. Индекс измеряется на основании сформированных у граждан финансовых знаний, навыков и установок. С 2022 г. индекс дополнен показателями цифровой финансовой грамотности.

Анализ существующих методик оценки финансово грамотного поведения показал, что на сегодняшний день исследования преимущественно направлены на измерения финансовой грамотности, которые хотя и дают представления о качестве реализуемого финансового поведения, но сформировать целостную ситуацию не позволяют. Оценка уровня финансовой грамотности населения и мониторинг его изменений остаются основой для разработки, оценки и корректировки комплекса мер, направленных на формирование правильных моделей финансового поведения. В отечественной литературе крайне мало трудов, посвященных данной проблематике, методика и система оценивания финансово грамотного поведения не разработана. Таким образом, в научном сообществе к исследованию финансовой грамотности применяется трехкомпонентный подход:

1) установки, формирующие финансово грамотное поведение; 2) финансовые знания; 3) практическое воплощение установок и применение знаний [24].

Финансово грамотное поведение должно строиться не только на основе финансовой грамотности, важно также формирование субъектности, под которой понимается способность человека распорядиться собой, своей жизнью, обстоятельствами своей жизни сообразно своим представлениям о жизненных целях [25].

В период с декабря 2022 г. по февраль 2023 г. учебно-научной социологической лабораторией Финансового университета при Правительстве РФ проведен экспертный опрос с целью разработать методику социологического измерения финансово грамотного поведения. Участниками полуструктурированных интервью стали 28 экспертов от 30 лет и старше со средним стажем работы 15 лет, среди них представителей академической науки – 14 человек, экономистов и финансистов – 7 человек, представителей государственной службы – 5 человек, юристов – 2 человека. География исследования – Российская Федерация. Гипотезой исследования стало предположение, что критериями оценки финансово грамотного поведения являются финансовая культура и финансовая субъектность индивидов.

В результате исследования определены базовые критерии и показатели оценки финансово грамотного поведения. На рис. 1 показано, что экспертами придается высокая значимость критериям: а) высокий уровень сформированности финансовой культуры ($i=0,78$); б) способность разумно распоряжаться обстоятельствами собственной жизни в финансовых ситуациях (субъектность в мире финансов) ($i=0,78$); в) доверие к институтам, субъектам и инструментам финансового рынка ($i=0,73$) [26].

Важно отметить, что финансовая грамотность не попала на первое или второе место среди базовых критериев.

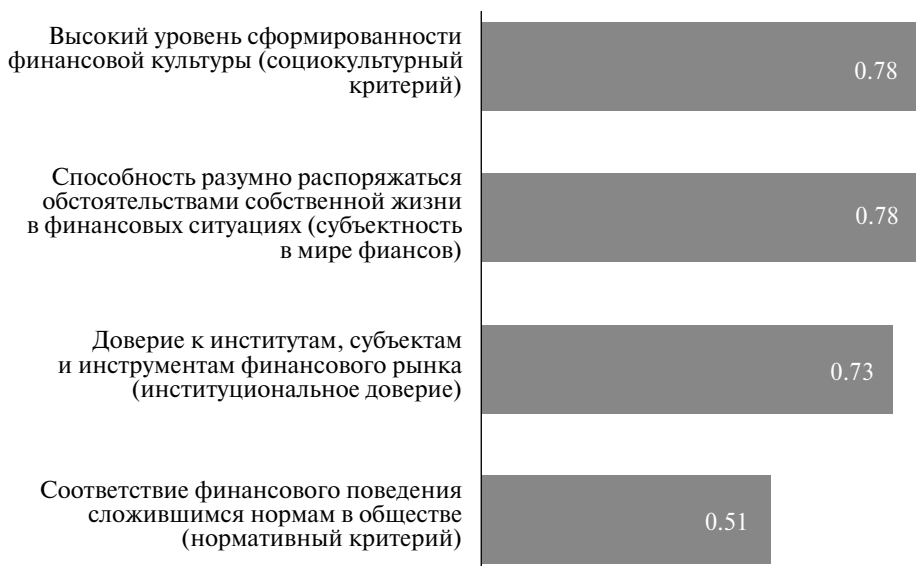

Рис. 1. Индексы значимости базовых критериев оценки финансово грамотного поведения

Источник: составлено авторами.

Учитывая высокую значимость социокультурного критерия в оценке финансово грамотного поведения и возросший интерес Правительства РФ к формированию финансовой культуры граждан, в декабре 2023 г. учебно-научной социологической лабораторией Финансового университета при Правительстве РФ были проведены экспертные полуструктурированные интервью с целью разработки методических подходов к измерению уровня финансовой культуры взрослого населения. Посредством исследования выяснена возможность интерпретации сформированности финансовой культуры через категории «высокий уровень», «средний уровень», «низкий уровень», получены ранги и вес показателей для расчета индекса развития финансовой культуры.

Участники экспертного опроса – 10 человек со стажем работы 18 лет, среди которых: представителей академической науки – 4 человека, экономистов и финансистов – 4 человека, представителей государственной службы – 2 человека. География исследования – Российская Федерация.

Результаты исследования отражены ниже:

1) согласно Стратегии, оценивание сформированности финансовой культуры через уровни (например, на соответствие «высокому уровню», «среднему уровню», «низкому уровню») представляется возможным. Эксперты заключили, что это реализуемо, однако проблема в том, по каким показателям и критериям оценивать финансовую культуру, какие индикаторы позволят определить ее сложившийся уровень. В настоящее время в Стратегии учитывается возраст граждан при исследовании их уровня финансовой культуры, выделяются 4 возрастные категории: дети и подростки, молодежь, взрослые экономически активные и люди старшего возраста. Эксперты считают, что при расчете уровня сформированной финансовой культуры необходимо учитывать возраст, но важны также регион проживания, уровень дохода;

2) эксперты, не разделяющие деления финансовой культуры по уровням ее сформированности, объясняют позицию отсутствием общепринятой уровневой системы в отношении культуры (физической, творческой и т.д.);

3) предложением участников интервью стало разработать более «чувствительную» уровневую шкалу, т.е. увеличить количество уровней для более точной градации уровней финансовой культуры населения, например дифференцировать по уровням: высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий;

4) в Стратегии указано, какие характеристики будут свидетельствовать о повышении уровня финансовой грамотности и финансовой культуры. Другими словами, в документе представлены показатели, определяющие сформированность финансовой культуры на высоком уровне в трех сферах: в сфере личных финансов, в сфере общественных финансов и в сфере финансовой безопасности, в том числе финансовой кибербезопасности.

Высокий уровень финансовой культуры в сфере личных финансов раскрывается двенадцатью показателями, которые ранжировались экспертами по степени значимости. Полученные результаты позволили рассчитать вес каждого показателя для измерения сформированности финансовой культуры в сфере личных финансов. В табл. 1 представлены ранги и вес показателей.

Самый высокий ранг (1) получен по показателю «планирование финансов, ведение учета личных доходов и расходов, умение ставить перед собой краткосрочные

и долгосрочные финансовые цели и выстраивать траекторию достижения этих целей», для экспертов это самый важный показатель того, что у человека сформирован высокий уровень финансовой культуры.

Под вторым рангом оказался показатель «установка на рациональное и ответственное потребление во всех сферах жизнедеятельности, умение отказаться

Таблица 1

Ранги и вес показателей высокого уровня финансовой культуры в сфере личных финансов

Показатель высокого уровня финансовой культуры в сфере личных финансов	Ранг	Вес
1) планирование финансов, ведение учета личных доходов и расходов, умение ставить перед собой краткосрочные и долгосрочные финансовые цели и выстраивать траекторию достижения этих целей	1	0,13
2) установка на рациональное и ответственное потребление во всех сферах жизнедеятельности, умение отказаться от спонтанных трат	2	0,10
3) наличие установки на формирование сбережений для различных жизненных ситуаций (крупные покупки, непредвиденные трудности, будущая пенсия и др.) и умение реализовать эту установку, формирование и поддержание резервного фонда («финансовой подушки безопасности») на 3–6 месяцев	3	0,09
4) умение управлять личными рисками, в том числе путем страхования, осознанный выбор подходящих страховых продуктов	4	0,09
5) ответственное заимствование, умение оценить свои финансовые возможности при принятии решения о получении кредита (займа), дисциплинированное обслуживание кредитов (займов), понимание кредитной истории, индивидуального кредитного рейтинга, условий личного банкротства и его последствий	5	0,08
6) умение защищать свои права потребителя с помощью правовых инструментов, в том числе в цифровой среде	6	0,08
7) умение пользоваться платежными инструментами	7	0,08
8) осознанный выбор финансовой организации и умение проверить ее надежность, умение выбрать финансовые продукты, соответствующие жизненной ситуации и целям гражданина	8	0,07
9) понимание сущности инвестирования и адекватное представление об уровне принимаемых рыночных, кредитных, операционных, инфраструктурных, других внешних и внутренних рисков, умение выбирать подходящие инвестиционные продукты с учетом приемлемого уровня риска, установка на диверсификацию и долгосрочность вложений	9	0,07
10) планирование и регулярное формирование дополнительных накоплений к будущей пенсии	9	0,07
11) понимание сути инфляции, информированность о целевом показателе инфляции и его учет при формировании инфляционных ожиданий, потребительских и сберегательных стратегий	10	0,07
12) готовность к приобретению знаний о новых финансовых технологиях и финансовых инструментах (цифровой рубль, партнерское финансирование, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, криптоактивы, инвестиционные платформы, финансовые платформы, использование искусственного интеллекта в финансовой сфере и др.) и осознанный подход к их использованию в своей практике	11	0,06

Источник: составлено авторами.

от спонтанных трат», под третьим — «наличие установки на формирование сбережений для различных жизненных ситуаций (крупные покупки, непредвиденные трудности, будущая пенсия и др.) и умение реализовать эту установку, формирование и поддержание резервного фонда («финансовой подушки безопасности») на 3–6 месяцев.

О высоком уровне финансовой культуры свидетельствуют также умение управлять личными рисками, в том числе путем страхования, осознанный выбор подходящих страховых продуктов (ранг — 4), ответственное заимствование, умение оценить свои финансовые возможности при принятии решения о получении кредита (займа), дисциплинированное обслуживание кредитов (займов), понимание кредитной истории, индивидуального кредитного рейтинга, условий личного банкротства и его последствий (ранг — 5), умение защищать свои права потребителя с помощью правовых инструментов, в том числе в цифровой среде (ранг — 6), умение пользоваться платежными инструментами (ранг — 7), осознанный выбор финансовой организации и умение проверить ее надежность, умение выбрать финансовые продукты, соответствующие жизненной ситуации и целям гражданина (ранг — 8).

Ранг 9 получили два показателя: понимание сущности инвестирования и адекватное представление об уровне принимаемых рыночных, кредитных, операционных, инфраструктурных, других внешних и внутренних рисков, умение выбирать подходящие инвестиционные продукты с учетом приемлемого уровня риска, установка на диверсификацию и долгосрочность вложений; планирование и регулярное формирование дополнительных накоплений к будущей пенсии.

Закрывают список показателей высокого уровня финансовой культуры характеристики с рангом 10 «понимание сути инфляции, информированность о целевом показателе инфляции и его учет при формировании инфляционных ожиданий, потребительских и сберегательных стратегий» и рангом 11 «готовность к приобретению знаний о новых финансовых технологиях и финансовых инструментах (цифровой рубль, партнерское финансирование, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, криптоактивы, инвестиционные платформы, финансовые платформы, использование искусственного интеллекта в финансовой сфере и др.) и осознанный подход к их использованию в своей практике».

5. Высокий уровень финансовой культуры в сфере общественных финансов определяется семью показателями, самый значимый из них — «понимание смысла уплаты налогов как источника доходов государства, благодаря которому оно предоставляет гражданам необходимые им блага» (ранг — 1). Следующими по значимости эксперты называют: «установка на официальное трудоустройство, понимание взаимосвязи официальной заработной платы и уровня пенсионного обеспечения в будущем» (ранг — 2); «установка на соблюдение положений законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, ориентация на работу с официальной зарплатой, регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя или плательщика налога на профессиональный доход» (ранг — 2); «использование полагающихся по закону государственных и муниципальных услуг и льгот, социальных выплат» (ранг — 3).

Ранг 4 присвоен показателю «выбор подходящего налогового режима для бизнеса, использование полагающихся налоговых льгот», как показано в табл. 2.

Показателем с наименьшей значимостью (ранг – 5) в оценке финансовой культуры граждан, по экспертным оценкам, стал связанный со знаниями граждан о бюджетах бюджетной системы Российской Федерации, о структуре их доходов и направлениях расходов, а также с установками людей на участие в проектах инициативного бюджетирования, иных практиках, с использованием других существующих инструментов участия граждан в бюджетном процессе.

6. Высокий уровень финансовой культуры в сфере финансовой безопасности, в том числе финансовой кибербезопасности определяется пятью показателями (табл.3). Эксперты назвали самым значимым показателем «понимание требований финансовой безопасности как личной ответственности потребителя, соблюдение правил финансовой безопасности при управлении личными финансами» (ранг – 1). На высокий уровень финансовой культуры в сфере финансовой безопасности указывают знание и умение безопасно пользоваться цифровыми финансовыми технологиями (ранг – 2), умение распознавать нелегальных участников финансового рынка и «финансовые пирамиды», распознавать и противостоять угрозе мошенничества, в том числе связанного с использованием социальной инженерии (ранг – 3).

Таблица 2

**Ранги и вес показателей высокого уровня финансовой культуры
в сфере общественных финансов**

Показатель высокого уровня финансовой культуры в сфере общественных финансов	Ранг	Вес
1) понимание смысла уплаты налогов как источника доходов государства, благодаря которому оно предоставляет гражданам необходимые им блага	1	0,19
2) установка на официальное трудоустройство, понимание взаимосвязи официальной заработной платы и уровня пенсионного обеспечения в будущем	2	0,18
3) установка на соблюдение положений законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, ориентация на работу с официальной зарплатой, регистрацией в качестве индивидуального предпринимателя или плательщика налога на профессиональный доход	2	0,18
4) использование полагающихся по закону государственных и муниципальных услуг и льгот, социальных выплат	3	0,15
5) выбор подходящего налогового режима для бизнеса, использование полагающихся налоговых льгот	4	0,12
6) знания о бюджетах бюджетной системы Российской Федерации, о структуре их доходов и направлениях расходов	5	0,09
7) установка на участие в проектах инициативного бюджетирования, иных практиках, а также использование других существующих инструментов участия граждан в бюджетном процессе	5	0,09

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Ранги и вес показателей высокого уровня финансовой культуры в сфере финансовой безопасности, в том числе финансовой кибербезопасности

Показатель высокого уровня финансовой культуры в сфере финансовой безопасности, в том числе финансовой кибербезопасности	Ранг	Вес
1) установка на взаимодействие с финансовыми организациями и правоохранительными органами в случае обнаружения мошеннических действий	1	0,25
2) знание и умение безопасно пользоваться цифровыми финансовыми технологиями	2	0,23
3) умение распознавать нелегальных участников финансового рынка и «финансовые пирамиды», распознавать и противостоять угрозе мошенничества, в том числе связанного с использованием социальной инженерии	3	0,19
4) умение осмотрительно относиться к размещению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» личных данных, в том числе финансовых, сокращать свой «цифровой след»	4	0,17
5) понимание требований финансовой безопасности как личной ответственности потребителя, соблюдение правил финансовой безопасности при управлении личными финансами	5	0,16

Источник: составлено авторами.

Все вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов.

Подходы и методики ориентированы преимущественно на оценку измерения финансовой грамотности, что дает возможность для практического переосмысления методологии и системы измерения финансового поведения, финансовой культуры.

Основополагающими в оценке финансово грамотного поведения должны стать критерии в виде уровня сформированности финансовой культуры и способности разумно распоряжаться обстоятельствами собственной жизни в финансовых ситуациях, т.е. субъектность в мире финансов. Гипотеза исследования подтвердилась.

Выявлена возможность интерпретации сформированности финансовой культуры через 5-уровневые категории «высокий», «выше среднего», «средний», «ниже среднего», «низкий» уровни. Получены ранги и вес показателей для расчета индекса развития финансовой культуры.

Литература

1. Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы: [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2017 года № 2039-п]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/436770389> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года: [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 октября 2023 года № 2958-п]. URL: <http://static.government.ru/media/files/FJj6iZ8geL94xUACfr2s32ZQoUgqP7fd.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).
3. Нуреев Р.М. Очерки по истории институционализма. Ростов-на-Дону : Содействие – XXI век. 2010. 415 с.
4. Гамильтон У.Х. Институциональный подход к экономической теории // Terra Economicus. 2007. Том 5. № 2. С. 110–117.

5. Антонова А.В. Анализ наследия Т.Б. Веблена — основоположника институционализма в контексте современных экономических условий / А.В. Антонова, Л.И. Хайрутдинова, М.В. Мирославская // Форум молодых ученых. 2018. Т. 26. № 10. С. 78–82.
6. Веблен Т.Б. Теория праздного класса: The Theory of the leisure class. An economic study of institutions / Т.Б. Веблен; перевод с английского С.Г. Сорокиной; общая редакция В.В. Мотылева. 4-е издание. М.: Либроком, 2011. 365 с.
7. Клейнер Г.Б. Номо есоnomicus и Номо institutius в российской институциональной среде // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 5.
8. Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 51. ISSN отсутствует.
9. Simon H. A Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69. P. 99–118.
10. Кунижева Д.А. Финансовая субъектность как критерий оценки финансовой культуры // Социально-политические науки. 2022. № 5. Т. 12. С. 71–77.
11. Институциональная экономика. Основные институциональные модели становления и развития капитализма: учебное пособие / под ред. А. Олейника. Москва: ИНФРА-М, 2005. 704 с.
12. Кунижева Д.А. Методологические подходы к исследованию финансово-экономической культуры / Д.А. Кунижева, С.А. Большунова, А.В. Брыкин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 6. С. 73–80.
13. Ивашковский С.Н. Экономика как феномен культуры: теоретико-методологический анализ // Вестник МГИМО Университета. 2017. Т. 54. № 3. С. 268–290.
14. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
15. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Выпуск 2. 31 с.
16. Simon H. Rationality in Psychology and Economics // Journal of Business. 1986. № 59. P. 209–224.
17. Воеводина Е.В. Методологические принципы деятельностно-феноменологического подхода в изучении социальных механизмов формирования доверия в трансформирующихся экономических отношениях / Е.В. Воеводина, П.Ш. Шихгафизов, С.Е. Штепа // Социально-политические науки. 2022. № 4. Т. 12. С. 55–62.
18. Кунижева Д.А. Финансовая культура: многогранность понятия, подходы к исследованию и место в научном дискурсе // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7. С. 107–112.
19. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Альманах THESIS. 1993. Т. 1. Выпуск 3. С. 16–38. URL: <https://igiti.hse.ru/Editions/THESIS/Issue3> (дата обращения: 20.10.2021).
20. Akerlof G.A. Animal spirits: How human psychology drives the economy, and why it matters for global capitalism / G.A. Akerlof, R.J. Shiller. — Princeton: Princeton University Press. 2009. p.268.
21. ФОМ. Измерение уровня финансовой грамотности. URL: https://fincult.info/upload/iblock/4ef/izmerenie_urovnia_fin_gr.pdf (дата обращения: 28.06.2024).
22. ФОМ. Модели финансового поведения россиян. URL: <https://fincult.info/upload/iblock/102/102a67deb26c86c0f40782843ddd89c2.PDF> (дата обращения: 10.06.2024).
23. НАФИ. Финансовая грамотность россиян — 2023. URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/b34/b3472e3a7037f1dc5cbacc9d7b2a25c6.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).
24. Кунижева Д.А. Деятельность консультантов-методистов по формированию финансово грамотного поведения россиян // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 6. С. 88–94.
25. Большунов А.Я. Образование как практика производства субъектности в коммуникациях учителя и учащегося / А.Я. Большунов, С.А. Большунова, А. А. Озеров // Инновации в образовании. 2020. № 6. С. 28–36.
26. Кунижева Д.А. Финансовая субъектность как ключевой показатель финансовой культуры студенческой молодежи : специальность 5.4.2. Экономическая социология : диссертация

на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Кунижева Диана Анзоровна ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Москва, 2024. 199 с.

Alexander Tyurikov (e-mail: agtyurikov@fa.ru)

Grand Ph.D. in Sociology, Professor, Chief Researcher,
Department of Sociology, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering
of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications,
Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

Diana Kunizheva (e-mail: dakunizheva@fa.ru)

Ph.D. in Sociology, Lecturer of the Department of Sociology, Junior Researcher,
Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering of the Faculty of Social
Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the
Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

ASSESSMENT OF FINANCIALLY LITERATE BEHAVIOR: FROM INCREASING FINANCIAL LITERACY TO FORMING FINANCIAL CULTURE

The article discusses scientific approaches to the study of financial behavior, Russian experience in studying financially literate behavior, and provides definitions of basic concepts. The relevance of studying and forming the financial culture of the population is substantiated. Weaknesses in the studies of financially literate behavior are presented. The authors have developed a methodology for the sociological measurement of financially literate behavior based on the results of expert semi-structured interviews. The high significance of the socio-cultural criterion in assessing financially literate behavior is shown. The work explores the possibilities of developing methodological approaches to measuring the level of financial culture of the adult population, interpreting the formation of financial culture through the categories of “high level”, “medium level”, “low level”, and identifies the rank and weight of each of the indicators used to calculate the index of the development of financial culture.

Keywords: financial literacy, financial culture, financially literate behavior, subjectivity, expert surveys, strategy, financial knowledge, skills, attitudes.

DOI: 10.31857/S0207367624090029, **EDN:** AMVLKB

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

© 2024

УДК: 339.72

Игорь Балюк

доктор экономических наук,

профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: iabalyuk@fa.ru)

ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

В статье раскрываются особенности функционирования современного мирового финансового рынка (МФР). Особое внимание уделено анализу специфики цифровизации МФР, которая распространяется на все его сегменты и радикально трансформирует характер их деятельности. В статье сделан вывод о том, что современный МФР не в полной мере обеспечивает эффективное перераспределение финансовых ресурсов между различными контрагентами, что негативно отражается на развитии мировой экономики, в то время как продолжающийся процесс финансовализации мировой экономики еще больше ослабляет связь между операциями на МФР и реальным сектором мировой экономики и повышает уровень глобальной кризисогенности.

Ключевые слова: мировой финансовый рынок, финансовализация мировой экономики, устойчивое финансирование, цифровизация, регулирование мирового финансового рынка.

DOI: 10.31857/S0207367624090037, EDN: AMTPBA

Введение. В условиях финансовализации мировой экономики значительно возросла роль мирового финансового рынка (МФР), который включает в себя совокупность взаимосвязанных национальных и международных рынков, обеспечивающих перераспределение разнообразных финансовых продуктов посредством финансовых институтов [1]. Современный МФР является не только традиционным источником средств для обслуживания реального сектора экономики, но и представляет собой эффективный механизм формирования и наращивания финансового капитала. В настоящее время происходит процесс цифровизации МФР, что требует соответствующей трансформации и совершенствования всех необходимых элементов инфраструктуры, обеспечивающей подготовку, осуществление и последующее обслуживание различных видов финансовых операций.

На развитие современного МФР существенное влияние оказывает обострение различных видов глобальных рисков (политических, экономических, социальных, экологических и др.). В 2024 г., например, в десятках стран мира должны состояться выборы различных уровней, в которых могут принять участие более двух миллиардов человек [2]. Помимо этого, продолжаются вооруженные конфликты в Европе и на Ближнем Востоке. В результате нарастающая геополитическая напряженность в сочетании с замедлением темпов роста мировой экономики усиливает неопределенность на национальных и региональных финансовых рынках, что может стать серьезным препятствием для дальнейшего развития МФР.

В данной статье раскрываются особенности функционирования современного МФР и на основе анализа выявленных автором ключевых проблем и трендов определяются основные направления развития МФР в ближайшей перспективе. Поскольку в мировой научной литературе существуют разные классификации структуры МФР, которая усложнилась в результате цифровизации, автор выделил для проведения научного анализа семь классических базовых сегментов МФР: валютный, кредитный, фондовый, инвестиционный, страховой, деривативный, а также операции с золотом как финансовым инструментом.

Валютный сегмент МФР. Валютный рынок является самым ликвидным сегментом мирового финансового рынка. Причем 98% совокупного объема операций купли-продажи валют приходится на внебиржевой сегмент. В 2010–2022 гг. средний дневной оборот на внебиржевом сегменте мирового валютного рынка увеличился почти в два раза – до 7,5 трлн долл. США¹. Такой рост торговли валютой был связан с продолжающимся процессом финансиализации мировой экономики, увеличением объемов мировой торговли и операций во всех сегментах мирового финансового рынка. Одной из основных причин быстрого роста мирового валютного рынка является рост вложений в более рискованные активы развивающихся стран, требующий повышенного внимания к управлению рисками, включая диверсификацию валютных портфелей и хеджирование [3]. Наряду с этим, в возрастающих объемах проводятся различные операции участниками самого валютного рынка: предпринимателями, хеджерами и спекулянтами. В табл. 1 отражена динамика среднедневного объема торгов на внебиржевом сегменте мирового валютного рынка.

Как видно из табл. 1, в 2010–2022 гг. доля спотовых операций на внебиржевом мировом валютном рынке сократилась с 37 до 28% (в апреле 2016 г. впервые с 2001 г. было отмечено уменьшение стоимостного объема спотовых валютных операций, хотя затем рост возобновился), а удельный вес валютных свопов,

Таблица 1

Динамика среднедневного объема торгов на внебиржевом мировом валютном рынке, млрд долл. США

Инструмент	Апрель 2010 г.	Апрель 2013 г.	Апрель 2016 г.	Апрель 2019 г.	Апрель 2022 г.
Спотовые контракты	1 489	2 047	1 652	1 979	2 107
Форвардные контракты	475	679	700	998	1 163
Валютные свопы	1 759	2 240	2 378	3 198	3 810
Валютно-процентные свопы	43	54	82	108	124
Опционы и другие валютные контракты	207	337	254	298	304
Всего	3 973	5 357	5 066	6 581	7 508

Источник: BIS Triennial Central Bank Survey 2022, p. 9. <https://www.bis.org/statistics/rpfx22.htm>

¹ Triennial Central Bank Survey 2022. Bank for International Settlements. URL: <https://www.bis.org/statistics/rpfx22.htm>.

напротив, возрос с 44 до почти 51%. Это свидетельствует о сохраняющейся нестабильности и кризисогенности мировой валютно-финансовой системы, усилении волатильности валютных курсов и желании участников мирового валютного рынка застраховаться на случай неблагоприятного изменения рыночной конъюнктуры.

В 2010–2022 гг. доллар США укрепил свои позиции в качестве основной мировой валюты (табл. 2).

Таблица 2

**Доли основных валют в структуре внебиржевого мирового валютного рынка
в апреле 2010 г. и в апреле 2022 г., %**

Валюта	Апрель 2022 г.	Апрель 2010 г.
Доллар США	88,5	84,9
Евро	30,5	39,0
Иена	16,7	19,0
Фунт стерлингов	12,9	12,9
Юань	7,0	0,9
Австралийский доллар	6,4	7,6
Канадский доллар	6,2	5,3
Швейцарский франк	5,2	6,3
Гонконгский доллар	2,6	2,4
Сингапурский доллар	2,4	1,4

Примечание: Поскольку в каждой сделке участвуют две валюты, максимальная доля каждой валюты в совокупном обороте мирового внебиржевого рынка равна 200, а не 100%.

Источник: BIS Triennial Central Bank Survey 2022, p. 12. <https://www.bis.org/statistics/rpfx22.htm>

Как видно из табл. 2, заметно возрос удельный вес юаня (с 0,9 до 7,0%), что стало следствием активного развития экономики Китая и расширением масштабов интернационализации национальной валюты (в том числе включение юаня в корзину валют для расчета СДР). На фоне существенного уменьшения доли евро (с 39,0 до 30,5%) и сокращения удельного веса иены возросли доли национальных валют ведущих развивающихся стран (Индия, Бразилия, ЮАР, Мексика, Индонезия, Таиланд), а также развитых стран «второго эшелона» (Канада, Гонконг и Сингапур).

Организацией торговли на внебиржевом мировом валютном рынке занимается относительно небольшое количество маркет-мейкеров. Как правило, к ним относятся крупнейшие банки мира. Однако тенденцией последних лет стало появление на мировом валютном рынке частных компаний, которые специализируются на алгоритмической и высокочастотной торговле. За несколько лет им удалось стать серьезными конкурентами традиционных маркет-мейкеров в лице транснациональных банков. Ведущие маркет-мейкеры на мировом валютном рынке перечислены в табл. 3.

Как видно из табл. 3, на десять ведущих маркет-мейкеров приходится $\frac{2}{3}$ совокупной доли мирового валютного рынка. Кроме того, следует отметить, что в 2022 г. среди ведущих маркет-мейкеров находились две алгоритмические

Таблица 3

Ведущие маркет-мейкеры на мировом валютном рынке в 2022 г.

Название	Доля рынка, %
Deutsche Bank	10,89
UBS	9,69
JP Morgan	8,67
State Street	7,66
XTX Markets	7,14
Jump Trading	5,60
Citi	4,54
Bank of New York Mellon	4,30
Bank of America	3,73
Goldman Sachs	3,65

Источник: Euromoney. URL: <https://assets.euromoneydigital.com/aa/29/5600f1634d7cbef9210e9685e899/euromoney-foreign-exchange-survey-2022-results-press-release.pdf>

торговые компании (XTX Markets и Jump Trading). В настоящее время основной объем мировой торговли валютой приходится на различные специализированные цифровые электронные платформы, которые конкурируют друг с другом, стремясь обеспечить широкому кругу своих клиентов оптимальные условия с точки зрения удобства и скорости проведения валютнообменных операций и минимизации их стоимости.

Кредитный сегмент МФР. В структуре кредитного сегмента МФР по-прежнему доминирует такой традиционный инструмент, как синдицированные кредиты. По данным компании McKinsey, их объем превышает 5 трлн долл. США [4]. При этом более половины совокупного объема составляет доля всего одной страны – США (53%).

Одной из характерных особенностей развития кредитного сегмента МФР в настоящее время является разработка организаторами финансирования сложных структур реализации сделок, связанных с привлечением капитала, в условиях сохраняющихся высоких процентных ставок. Как правило, создаваемые структуры сочетают элементы долговых и квазидолговых инструментов, более строгое ранжирование долга (главный и субординированный долг), а также нетрадиционные схемы уплаты процентов в целях обеспечения различным типам заемщиков оптимальных условий финансирования в действующей макроэкономической среде.

Следует отметить, что последние несколько лет были отмечены ужесточением макроэкономического регулирования финансового рынка. В частности, в декабре 2022 г. в Великобритании было объявлено о принятии пакета нормативных актов, направленных на трансформацию регулирования национального рынка финансовых услуг. Этот пакет получил название «Эдинбургские реформы» (Edinburgh Reforms). Реформы направлены на укрепление суверенитета и независимости Соединенного Королевства в области регулирования своего финансового рынка после выхода из состава Европейского союза. В результате вероятно потенциальные кредиторы в лице банков и небанковских финансовых организаций в ближайшей перспективе займут консервативную выжидательную позицию и будут стараться сдерживать объемы предоставляемых новых кредитов,

предпочитая пролонгировать ранее предоставленные кредиты и максимально ограничивать их сроки.

Можно также предположить, что в нынешних условиях потенциальные кредиторы будут ориентироваться в первую очередь на заемщиков, имеющих международный кредитный рейтинг инвестиционного уровня. При этом данный тип заемщиков может предпочесть заключать двусторонние кредитные соглашения с разными банками, а не многосторонние синдицированные кредиты, поскольку на двусторонней основе заемщики могут добиться для себя более выгодных индивидуальных условий предоставления кредита в отличие от многостороннего кредита, при котором условия для всех кредиторов являются едиными и предъявляются более строгие требования к заемщику.

Одной из особенностей развития современного кредитного рынка является растущее значение кредитов, направляемых на достижение целей устойчивого развития (Sustainable Lending). Наиболее распространены три вида подобных кредитов: «зеленые» кредиты (green loans), социальные кредиты (social loans) и кредиты, связанные с обеспечением устойчивого развития (sustainability-linked loans). Следует отметить, что спрос на инструменты устойчивого финансирования и расширение масштабов их использования был стимулирован пандемией коронавируса [5]. Хотя во второй половине 2023 г. объем данного вида финансирования на кредитном рынке несколько сократился (прежде всего в результате адаптации кредиторов к новым принципам, опубликованным Ассоциацией кредитного рынка (LMA) в начале 2023 г.), тем не менее с учетом глобального стратегического характера данного вида кредитования можно прогнозировать его дальнейший рост.

Наметившаяся тенденция повышения процентных ставок на мировом кредитном рынке на фоне невысоких темпов развития мировой экономики и высокого уровня инфляции может привести к проблемам с рефинансированием кредитов определенной части заемщиков. Во многих странах растет стоимость долгового финансирования для суверенных и корпоративных заемщиков, а также для домохозяйств [6]. В связи с этим можно ожидать увеличения случаев неплатежеспособности и невозврата кредитов, следствием чего, в лучшем случае, станет реструктуризация выданных ранее кредитов, а в худшем — банкротство заемщиков с соответствующими негативными последствиями для кредиторов.

Фондовый сегмент МФР. Фондовый сегмент МФР развивается быстрыми темпами. По нашим расчетам, основанным на официальных статистических данных различных международных финансовых организаций, в 2013–2023 гг. капитализация мирового рынка акций возросла в 1,8 раза, а объем находящихся в обращении долговых ценных бумаг увеличился в 1,4 раза. Если в 2013 г. уровень капитализации мирового рынка акций составлял около 84% величины мирового ВВП, то в 2023 г. этот показатель увеличился до 109%. Что касается объема находящихся в обращении долговых ценных бумаг, то он увеличился в 2013–2023 гг. с 99,8 до 141,0 млрд долл. США, однако по отношению к величине мирового ВВП этот показатель практически не изменился, составляя примерно 134%. Если в 2013 г. объем мирового фондового рынка был равен 217% величины мирового ВВП, то в 2023 г. этот показатель составил уже почти 243%. В табл. 4 содержатся

показатели, характеризующие величину современного мирового фондового рынка с разбивкой на основные страны и группы стран.

Как видно из табл. 4, наибольшая доля мирового фондового рынка принадлежит США. В 2023 г. на США приходилось 42,5% мирового рынка акций и 39,0% мирового рынка долговых ценных бумаг. Причем в 2013–2023 гг. стоимость акций и долговых ценных бумаг эмитентов из США росла быстрее национального ВВП, в результате чего соотношение «Стоимость долевых и долговых ценных бумаг/ВВП» увеличилось с 3,5 до 3,8 раза. Самый значительный рост объема ценных бумаг в обращении (в 3,8 раза) был отмечен в Китае (в первую очередь это касается долговых ценных бумаг, стоимость которых увеличилась в 4,7 раза). Стоимость ценных бумаг эмитентов из Китая росла намного быстрее национального ВВП, и в 2013–2023 гг. соотношение «Стоимость долевых и долговых ценных бумаг/ВВП» увеличилось в 2 раза (с 92,6 до почти 190%). В итоге по стоимости долевых и долговых ценных бумаг Китай вышел на второе место на мировом фондовом рынке, значительно опередив Японию (если не брать в расчет совокупную долю стран еврозоны, в которой указанное выше соотношение почти не изменилось).

В других странах, включенных в табл. 4, итоговые результаты оказались неодинаковыми. Если во Франции и Японии соотношение «Стоимость долевых и долговых ценных бумаг/ВВП» увеличилось (причем в Японии рост частично был обусловлен уменьшением величины ВВП страны), то в Германии и Соединенном Королевстве,

Таблица 4

Объем мирового фондового рынка в 2013 г. и в 2023 г.

Страна/ Группа стран	Капитализация рынка акций, трлн долл. США		Долговые ценные бумаги в обращении, трлн долл. США		Долевые и долговые ценные бумаги, трлн долл. США		Валовый внутренний продукт, трлн долл. США		Долевые и долговые ценные бумаги/ ВВП, %	
	2013	2023	2013	2023	2013	2023	2013	2023	2013	2023
В целом в мире, в том числе:	62,5	115,0	99,8	141,0	162,3	256,0	74,7	105,4	217,3	242,9
США	22,3	48,9	36,9	55,0	59,2	103,9	16,8	27,3	352,4	380,6
Япония	4,6	6,1	12,2	11,5	16,8	17,6	4,9	4,2	342,9	419,0
Страны еврозоны	7,5	12,6	22,5	24,0	30,0	36,6	12,9	15,5	232,6	236,1
Германия	2,0	2,2	4,3	4,6	6,3	6,8	3,6	4,4	175,0	154,5
Франция	2,1	3,6	4,7	6,1	6,8	9,7	2,8	3,0	242,8	323,3
Соединенное Королевство	4,0	3,1	5,8	5,8	9,8	8,9	2,5	3,3	392,0	269,7
Китай	3,9	10,9	4,9	22,9	8,8	33,8	9,5	17,8	92,6	189,9

Источники: данные МВФ, <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2016/12/31/Risk-Taking-Liquidity-and-Shadow-Banking-Curbing-Excess-While-Promoting-Growth>; SIFMA, <https://www.sifma.org/resources/research/fact-book>; CEIC, <https://www.ceicdata.com/en/indicator>; BMP, <https://data.bis.org/topics/DSS/tables-and-dashboards>; Всемирный банк, <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>

напротив, было отмечено уменьшение данного соотношения. Следует отметить, что совокупная стоимость долевых и долговых ценных бумаг Соединенного Королевства в 2013–2023 гг. сократилась на 9,2% (это было обусловлено уменьшением стоимости акций).

В инфраструктуре мирового фондового рынка важную роль играют фондовые биржи (особенно это касается мирового рынка акций). В табл. 5 отражены десять крупнейших фондовых бирж мира в настоящее время.

Как видно из табл. 5, на десять крупнейших фондовых бирж мира приходится 81,3% от совокупной капитализации глобального рынка акций (для сравнения: в 2013 г. доля десяти крупнейших фондовых бирж мира составляла 76,6%). Кроме того, на две крупнейшие фондовые биржи мира приходится 46,8% от совокупной капитализации глобального рынка акций (для сравнения: в 2013 г. доля двух крупнейших фондовых бирж мира составляла 37,4%). Это свидетельствует о набирающей силу тенденции повышения степени концентрации капитала на мировом фондовом рынке.

В 2013 г. в структуре мирового фондового рынка 61,5% приходился на долговые ценные бумаги. Однако к 2023 г. доля долговых ценных бумаг снизилась до 55,0%. Иными словами, в 2023 г. на каждые 100 долл. США рынка акций во всем мире приходилось 122 долл. США в долговых ценных бумагах (для сравнения: в 2013 г. — 160 долл. США). Отмеченное изменение соотношения между долевыми и долговыми ценными бумагами было связано с более активной переориентацией участников мирового фондового рынка (прежде всего нефинансовых корпораций) на выпуск акций в качестве основного и более привлекательного источника привлечения капитала по сравнению с долговым финансированием. В то же время за последнее десятилетие возросли объемы эмиссий государственных облигаций (особенно после начала пандемии коронавируса в 2020 г.) [7].

Инвестиционный сегмент МФР. Мировой рынок прямых иностранных инвестиций (ПИИ) играет крайне важную роль в обеспечении устойчивого развития мировой экономики и реализации ESG-принципов (речь идет о принципах

Таблица 5

Крупнейшие фондовые биржи мира, март 2024 г.

Название	Капитализация, трлн долл. США
Нью-Йоркская фондовая биржа (NYSE)	28,42
НАСДАК (NASDAQ)	25,43
Евронекст (Euronext)	7,22
Биржевая группа Японии (Japan Exchange Group)	6,66
Шанхайская фондовая биржа	6,55
Национальная фондовая биржа Индии	4,65
Шэньчжэньская фондовая биржа	4,10
Биржи Гонконга (Hong Kong Exchanges)	3,87
Группа Лондонской фондовой биржи (LSE Group)	3,42
TMX Group (Канада)	3,21
Всего 10 бирж	93,53

Источник: Statista <https://www.statista.com/statistics/270126/largest-stock-exchange-operators-by-market-capitalization-of-listed-companies>

деятельности компании, основанных на защите окружающей среды, создании благоприятных социальных условий, добросовестном отношении к сотрудникам и клиентам и надлежащем корпоративном управлении). В период с 2000 по 2023 г. максимальные значения глобального объема ПИИ (около 1,8 трлн долл. США) были отмечены в 2007 г. накануне мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и в 2015 г., когда мировая экономика смогла, в основном, восстановиться после кризиса, и одним из главных вопросов повестки дня стало ускорение инвестиционного процесса. На рис. 1 показана динамика величины ПИИ в глобальном масштабе в 2000–2023 гг.

Как видно из рис. 1, глобальные ПИИ отличает заметная волатильность. Так, например, в пандемийном 2020 г. величина ПИИ сократилась с 1,5 до 1,0 трлн долл. США, в 2021 г. произошло существенное увеличение до 1,6 трлн долл. США, а в течение 2022–2023 гг. объем глобальных ПИИ находился на одном и том же уровне (1,3 трлн долл. США). Стагнация на мировом рынке инвестиций обусловлена прежде всего обострением геополитической ситуации, фрагментацией мировой экономики и мировых финансов, усилением протекционистских настроений в сфере международной торговли и ухудшением условий финансирования в глобальном масштабе.

В 2023 г. на 46% сократился объем сделок, связанных со слияниями и поглощениями (M&As), и на 26% уменьшилось количество сделок в сфере проектного финансирования. Однако после десяти лет постепенного спада на 2% увеличилось количество сделок, связанных со строительством новых промышленных объектов (рост был обеспечен за счет развивающихся стран) [8].

В табл. 6 отражена региональная структура глобальных ПИИ в 2023 г.

Как видно из табл. 6, на мировом рынке инвестиций основная доля (около 70%) приходится на развивающиеся страны, а в региональной структуре лидируют

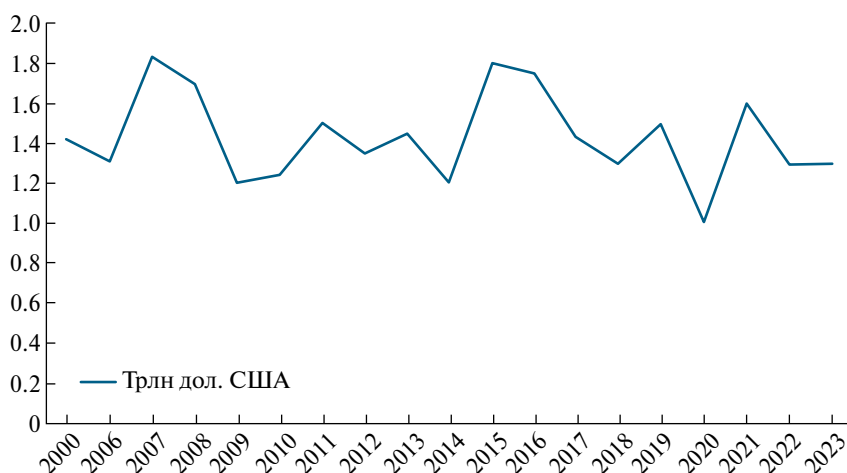

Рис. 1. Динамика величины прямых иностранных инвестиций в глобальном масштабе в 2000–2023 гг.

Источник: данные ЮНКТАД (World Investment Report за соответствующие годы). URL: <https://unctad.org/publications-search?f%5B0%5D=product%3A397>

Таблица 6

**Региональная структура глобальных
прямых иностранных инвестиций и их распределение
по группам стран в 2023 г.**

Регион / Группа стран	Величина ПИИ, млрд долл. США	Изменение по сравнению с 2022 г., %
Европа	16	...
Северная Америка	361	–5
Африка	53	–3
Азия	621	–8
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	193	–1
Развитые страны	464	+9
Развивающиеся страны	867	–7
Наименее развитые страны	31	+17

Источник: данные World Investment Report 2024. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>

страны Азии (примерно половина совокупного объема глобальных ПИИ). В то же время следует отметить, что в 2023 г. было отмечено сокращение объема ПИИ как в страны Азии (на 8%), так и в развивающиеся страны в целом (на 7%).

С точки зрения отраслевой структуры в 2023 г. существенно сократились инвестиции в инфраструктурные проекты и в проекты, связанные с цифровыми технологиями. В то же время выросли объемы инвестиций в проекты, интегрированные в глобальные цепочки создания стоимости, в т.ч. в автомобильной и электронной промышленности, а также в машиностроении. Кроме того, почти в два раза увеличилось количество инвестиционных проектов, связанных с добычей и переработкой важнейших полезных ископаемых.

Сохраняющаяся фрагментация мировой экономики и мировых финансов вносит коррективы в инвестиционные стратегии мультинациональных производственных корпораций (МНК). В последнее время они предпочитают инвестировать в производственные проекты (особенно в стратегических отраслях), реализуемые поблизости от стран, в которых зарегистрированы штаб-квартиры МНК (это прежде всего страны Европы и США), а также сокращать вложения в страны с иным внешнеполитическим курсом [9]. С учетом отмеченных особенностей, в настоящее время наиболее перспективными регионами для развития бизнеса МНК считаются Западная Азия, Северная Африка и Центральная Америка.

Страховой сегмент МФР. На протяжении последних десяти лет страховой сегмент МФР ежегодно рос в среднем почти на 5% (в 2023 г. рост составил 7,5%) [10]. Такой быстрый рост был обусловлен нестабильностью мировой экономики в период после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. [3]. За последние три года совокупный размер страховых премий увеличился на 1,1 трлн евро (или на 21,5%). Однако с учетом инфляции рост страховых премий за указанный период времени был незначительным и составил

всего 0,7%. В 2023 г. величина страховых премий достигла 6,2 трлн евро, из которых 42% пришлось на страхование жизни, 35% – на страхование имущества и страхование от несчастных случаев, а 23% – на страхование здоровья [10].

В сегменте страхования жизни основная доля (39,0% от совокупного объема) приходится на страны Азии. При этом около половины составляет доля Китая. Что касается сегмента страхования имущества и страхования от несчастных случаев, то здесь безоговорочным лидером являются страны Северной Америки (54,2% от совокупного объема).

Следует отметить, что, несмотря на рост удельного веса развивающихся стран и стран с формирующимся рынком в структуре мирового страхового рынка (например, за последние десять лет Китай увеличил свою долю почти в два раза, до 10,6%), США не только сохранили, но и упрочили свое лидерство, увеличив свою долю с 41,2 до 44,2%. При этом уменьшился удельный вес традиционных страховых центров мира в лице стран Западной Европы и Японии (на 6,7 и 2,7 процентных пункта соответственно).

В настоящее время с точки зрения платежеспособности, ликвидности и прибыльности мировой страховой рынок находится в относительно стабильном состоянии, однако прогнозирование перспектив его дальнейшего развития затруднено из-за серьезной неопределенности траектории движения мировой экономики [11]. Обострение геополитических рисков и связанная с этим фрагментация мировой экономики, ограничение возможностей для развития бизнеса, ужесточение норм и стандартов макро- и микрорегулирования, нестабильное состояние мировых финансов, включая быстрый рост глобальной задолженности, а также ряд других факторов могут оказать негативное влияние на устойчивость развития мирового страхового рынка.

Если негативные сценарии развития событий не оправдаются, то в этом случае в ближайшие десять лет, по прогнозу немецкой страховой компании Allianz, совокупная величина страховых премий в мире вырастет на 5 трлн евро. В сегменте страхования жизни половина роста премий будет обеспечена странами Азии. При этом по темпам роста лидером окажется Индия, однако по совокупному объему Китай сохранит за собой первое место. В сегменте страхования имущества и страхования от несчастных случаев темпы роста премий в Азии будут самыми высокими, но по совокупному объему лидером останется Северная Америка.

Деривативный сегмент МФР. На мировом рынке деривативов доминирует внебиржевой сегмент (в конце 2023 г. на его долю приходилось 88,5% мирового рынка деривативов²). Считается, что быстрый и неконтролируемый рост мирового рынка внебиржевых деривативов стал одной из главных причин глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Если в конце 2006 г. номинальная сумма действующих внебиржевых деривативных контрактов, по данным Банка международных расчетов, составляла 418,1 трлн долл. США, то в конце 2007 г. она увеличилась до 585,9 трлн долл. США, а в конце 2009 г. достигла уже почти 604 трлн долл. США (рис. 2), превысив величину мирового ВВП в десять раз.

В посткризисный период национальными и международными регуляторами финансовых рынков были предприняты меры, направленные на усиление

² URL: https://data.bis.org/topics/OTC_DER/tables-and-dashboards

контроля и надзора за внебиржевыми операциями с деривативами. В результате с 2014 г. номинальная сумма действующих внебиржевых деривативных контрактов начала уменьшаться и в конце 2016 г. составила 482,4 трлн долл. США. Однако поскольку основные причины нестабильности мировой экономики и мировых финансов не были устранены, с 2017 г. на мировом рынке деривативов возобновился постепенный рост, и в конце 2023 г. номинальная сумма действующих внебиржевых деривативных контрактов достигла 667,0 трлн долл. США (в 1,4 раза больше по сравнению с концом 2016 г.).

Что касается инструментальной структуры мирового рынка внебиржевых деривативов, то следует отметить, что в конце 2023 г. 97% совокупного объема рынка составляли процентные и валютные деривативы (79,4 и 17,7% соответственно). Для сравнения: на их долю в конце 2006 г. приходилось около 87% (табл. 7). Рост удельного веса процентных и валютных деривативов связан с желанием участников финансового рынка застраховать основные рыночные риски (в данном случае риск неблагоприятного изменения валютного курса и риск неблагоприятного изменения плавающих процентных ставок).

Как видно из табл. 7, в инструментальной структуре мирового рынка внебиржевых деривативов заметно уменьшилась доля кредитных деривативов (с 8,9 до 1,3%). Вероятно, главной причиной этого является невысокая надежность данного финансового инструмента и связанная с этим недостаточная степень страховой защиты покупателя кредитного дериватива от риска неплатежа, поскольку при использовании данного инструмента риск заемщика просто перекладывается на контрагента по кредитному деривативу, который может оказаться не в состоянии выполнить свои обязательства в случае неплатежа заемщика. Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. показал, что «некоторые финансовые организации могут быть чрезмерно оптимистичны по поводу использования кредитных деривативов и могут брать на себя необоснованно высокие риски,

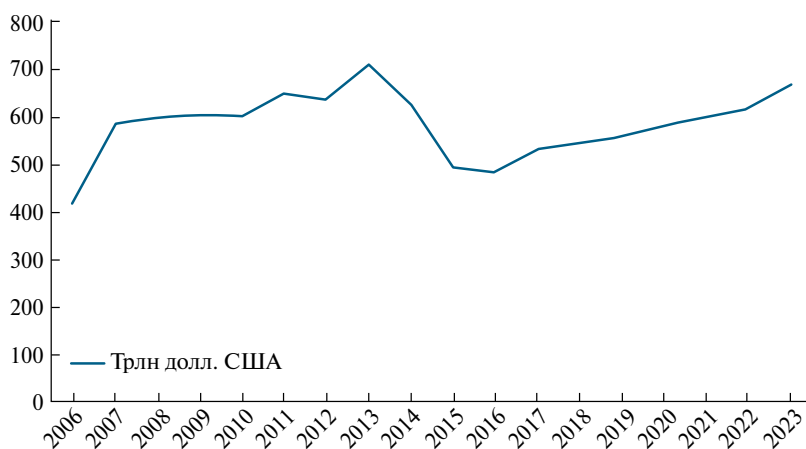

Рис. 2. Динамика рынка внебиржевых деривативных контрактов в 2006–2023 гг. (на конец года)

Источник: данные Банка международных расчетов. URL: https://data.bis.org/topics/OTC_DER/BIS%2CWS_OTC_DERIV2%2C1.0/H.A.A.A.5J.A.5J.A.TO1.TO1.A.A.3.C?view=observations

Таблица 7

**Инструментальная структура мирового рынка внебиржевых деривативов в 2006 г.
и в 2023 г. (на конец года)**

Инструмент	2006 г., трлн долл. США	2006 г., % от сово- купного объема	2023 г., трлн долл. США	2023 г., % от сово- купного объема
Процентные деривативы	315,9	75,5	529,8	79,4
Валютные деривативы	48,8	11,7	118,0	17,7
Деривативы, связанные с акциями	8,6	2,1	7,8	1,2
Товарные деривативы	7,3	1,7	2,2	0,3
Кредитные деривативы	37,1	8,9	8,7	1,3
Прочие деривативы	0,4	0,1	0,5	0,1
Всего	418,1	100,0	667,0	100,0

Источник: данные Банка международных расчетов. URL: https://data.bis.org/topics/OTC_DER/BIS%2CWS_OTC_DERIV2%2C1.0/H.A.A.A.5J.A.5J.A.TO1.TO1.A.A.3.C?view=observations

которые в случае кризиса могут привести к дефолту заемщика и, соответственно, огромным убыткам по кредитным деривативам» [12].

В настоящее время одним из актуальных трендов развития мирового рынка внебиржевых деривативов является уменьшение валовой рыночной стоимости обращающихся внебиржевых деривативов. В первую очередь это связано с процентными деривативами. В 2022 г. повышение базовой ставки ФРС США привело к повышению рыночной стоимости непогашенных деривативных контрактов. Поскольку с середины 2023 г. базовая ставка ФРС США перестала повышаться, рыночная стоимость процентных деривативов стала постепенно снижаться.

Операции с золотом на МФР. Золото является высоколиквидным активом на мировом финансовом рынке наряду с валютами, ценными бумагами и другими финансовыми активами. Так, например, в 2023 г. в среднем ежедневно на биржевом и внебиржевом рынке заключались сделки с золотом на сумму 162,6 млрд долл. США, что превосходит среднедневной объем продаж векселей (U.S. T-Bills) Казначейства США (161,1 млрд долл. США)³.

Главными центрами торговли золотом являются внебиржевой рынок Лондона, фьючерсный рынок в США и Шанхайская биржа золота. На их долю приходится более 90% мирового рынка золота. Ко второстепенным рынкам золота относятся Дубай, Индия, Япония, Сингапур и Гонконг. Они выполняют функции локальных или региональных торговых центров. Например, Гонконг уже давно обслуживает китайский рынок, а Сингапур является центром региональной торговли золотом для стран АСЕАН.

Цена на золото устанавливается в Лондоне как для спотовых сделок, так и для долгосрочных контрактов (LBMA gold price). Эти цены служат ориентиром для

³ URL: <https://www.gold.org/goldhub/data/gold-trading-volumes>

всех участников мирового рынка золота. Цены на золото устанавливаются также отдельно на некоторых локальных и региональных рынках. На рис. 3 показана динамика цены на золото в 2006–2024 гг.

Как видно из рис. 3, цена на золото отличается высокой степенью волатильности. В январе 2006 г. тройская унция стоила 556 долл. США, а в августе 2024 г. – 2415 долл. США. Поскольку золото используется как резервный финансовый актив, спрос на него резко возрастает в периоды кризисов. Когда же ситуация на финансовом рынке стабилизируется, спрос на золото уменьшается и, соответственно, снижается его цена. В табл. 8 показана структура предложения и спроса на золото в 2023–2024 гг.

Как видно из табл. 8, основной спрос на золото формируется на внебиржевом рынке, который вырос за год на 53%, а также со стороны производителей ювелирных изделий и центральных банков разных стран мира, приобретающих золото в качестве резервного актива. Крупнейшим неправительственным держателем золотых резервов является Международный валютный фонд, работающий с правительствами стран-заемщиков и стран-доноров [13]. В настоящее время спрос на золото находится на высоком уровне, о чем свидетельствует повышение цены на золото за год на 18% при росте предложения золота за тот же период на 4%.

По прогнозам экспертов банка J.P. Morgan Chase, в ближайшей перспективе цена на золото снижаться не будет, и в конце 2024 г. тройская унция будет стоить около 2500 долл. США⁴. Сохранение высоких цен на золото будет обусловлено обострением геополитических рисков, ожидаемым снижением базовой ставки ФРС США и увеличением дефицита бюджета США, а также стремлением застраховаться от глобального роста инфляции.

Особенности цифровизации МФР. Как было отмечено во Введении, в настоящее время происходит активная цифровизация МФР, которая распространяется на все

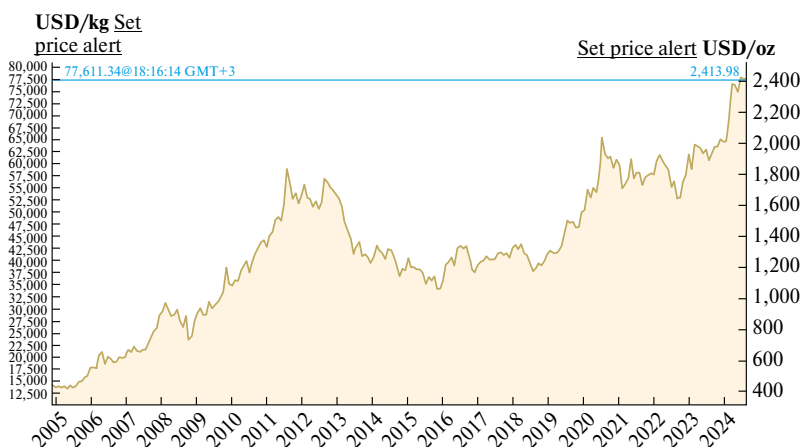

Рис. 3. Динамика цены на золото в 2006–2024 гг., долл. США за 1 тройскую унцию

Источник: Galmarley Limited <https://www.bullionvault.com/gold-price-chart.do>

⁴ Will gold prices hit another all-time high in 2024? 15.07.2024. URL: <https://www.jpmorgan.com/insights/global-research/commodities/gold-prices>

Таблица 8

Структура предложения и спроса на золото, тонны

Предложение	2 кв. 2023 г.	2 кв. 2024 г.	Изменение, %
Добытое золото	899,7	929,1	3
Чистое хеджирование добывающих компаний	–15,7	–6,3	–
Переработанное золото	324,0	335,4	3
Совокупное предложение	1207,9	1258,2	4
<i>Спрос</i>			
Изготовление ювелирных изделий	494,1	410,6	–17
Золото, используемое в производстве	72,8	81,1	11
Инвестиции	252,6	253,9	1
Покупка центральными банками и другими институтами	173,6	183,4	6
Внебиржевой рынок	214,9	329,2	53
Совокупный спрос	1207,9	1258,2	4
Цена, доллары США/тройская унция	1975,9	2338,2	18

Источник: данные World Gold Council. URL: <https://www.gold.org/goldhub/research/gold-demand-trends/gold-demand-trends-q2–2024>

его сегменты и радикально трансформирует характер их деятельности. Цифровизация МФР, системные проявления которой начались в 1990-е годы [14], ведет к формированию глобальной цифровой экосистемы и новых условий функционирования, в рамках которых можно осуществлять одноранговые транзакции без участия традиционных посредников, обеспечивать максимально возможную прозрачность сделок и сохранность информации, совершать операции с любым участником цифровой системы в любое время и из любого места без необходимости получения специального разрешения от соответствующего органа регулирования финансового рынка [15]. Новая финансовая экосистема, получившая название «децентрализованные финансы» (DeFi), предлагает различные финансовые продукты и услуги без участия централизованных финансовых посредников, используя смарт-контракты, основанные на применении технологии блокчейн.

Одним из таких инновационных инструментов привлечения финансирования являются цифровые облигации (digital bonds). Они позволяют сократить расходы и время на подготовку сделки, а также обеспечить доступ широкому кругу потенциальных инвесторов. Следует отметить, что количество эмиссий цифровых облигаций постепенно увеличивается, и, как считают некоторые эксперты, именно облигации в настоящее время являются наиболее развитым финансовым инструментом цифровизации реальных мировых активов [16].

Если после дебютной эмиссии цифровых облигаций в 2018 г. [17] ежегодно размещалось 3–5 выпусков на сумму не более 200 млн долл. США, то в 2023–2024 гг. международное рейтинговое агентство S&P Global присвоило кредитные рейтинги 14 подобным сделкам на сумму около 1,6 млрд долл. США [18]. Принципиально новый уровень в сфере эмиссии цифровых облигаций был достигнут в мае 2024 г.,

когда Всемирный банк разместил не на частной, а на публичной платформе SDX, аффилированной со швейцарской биржей SIX, 7-летние облигации на сумму 200 млн швейцарских франков, расчеты по которым будут проводиться с использованием оптовой цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ), выпущенной Национальным банком Швейцарии. Однако, несмотря на это, рынок цифровых облигаций пока еще находится на стадии тестирования и постепенного формирования необходимой инфраструктуры [19]. Его объем существенно уступает величине рынка традиционных облигаций, составляя всего около 0,01%.

Участники рынка отмечают, что более активное размещение цифровых облигаций сдерживается невозможностью совершать платежи в режиме онлайн (для перевода денег используются традиционные платежные механизмы), а также отсутствием вторичного рынка, функционирующего в режиме онлайн. Кроме того, необходимо решить ряд проблем, связанных с регулированием и юридическим статусом цифровых облигаций, механизмом обращения взыскания в случае необходимости, юридической силой протоколов применяемых смарт-контрактов, надежностью используемых технологий и их устойчивостью к различным кибер-атакам, обеспечением сохранности активов и необходимым залоговым обеспечением функционирования биржи или платформы, на которой будут выпускаться цифровые облигации. Несмотря на устранение банковского посредничества при выпуске цифровых облигаций, существуют определенные требования регуляторов финансового рынка, которые должны соблюдаться при реализации сделки. В частности, эмитентам придется обеспечить выполнение положений по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма.

В настоящее время в структуре рынка DeFi примерно 19% приходится на кредитные операции, связанные с покупкой различных криптоактивов (около 9 млрд долл. США на основе рыночной капитализации⁵). При этом доля трех ведущих кредитных платформ (Internet Computer, Maker и Aave) составляет 72%, что свидетельствует о высокой степени концентрации кредитного сегмента рынка DeFi. Одной из серьезных проблем развития кредитной деятельности на рынке DeFi является невозможность проводить традиционные проверки кредитоспособности потенциальных заемщиков. В связи с этим для снижения кредитного риска и риска мошенничества необходимо поддерживать очень высокий уровень залогового обеспечения.

По существующим оценкам, объем рынка DeFi в 2024 г. составит 46,61 млрд долл. США, а к 2029 г. он увеличится до 78,47 млрд долл. США (ежегодный прирост – около 11%)⁶. В настоящее время основная доля рынка приходится на Азиатско-Тихоокеанский регион, однако, по прогнозу индийской компании Mordor Intelligence, в ближайшие годы рынок DeFi будет развиваться быстрее всего в Северной Америке. В целом следует отметить, что по сравнению с традиционными финансами объем рынка DeFi пока еще является незначительным, а сам рынок находится на начальном этапе своего развития.

На современном мировом финансовом рынке не только применяются инновационные технологии, трансформирующие традиционные формы и способы осуществления различных финансовых операций [20], но и создаются новые

⁵ URL: <https://crypto.com/price/categories/lending>

⁶ URL: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/decentralized-finance-defi-market>

виды цифровых финансовых активов (ЦФА) в виде криптовалют, токенов, ЦВЦБ и др. [21]. В результате у участников мирового финансового рынка возникает необходимость корректировать традиционные подходы к анализу данных и оценке существующих рисков, когда наряду с классическими методами следует принимать во внимание такие новые индикаторы, как, например, скорость хэширования, сетевые эффекты и риск протокола смарт-контракта.

Помимо операционно-технологических проблем возникают также вопросы, связанные с регулированием ЦФА: подготовка бухгалтерской отчетности, налогообложение, корректное применение законодательных положений, касающихся борьбы с отмыыванием денег и финансированием терроризма. На данном этапе пока еще неясно, какие именно органы на национальном и наднациональном уровне должны осуществлять надзор и регулирование рынка ЦФА с учетом отсутствия у него четких границ.

В связи с появлением на мировом финансовом рынке различных видов высокорискованных ЦФА требуется также корректировка традиционных подходов к формированию денежно-кредитной политики, направленная на повышение стабильности и устойчивости мировой финансовой системы. Прежде всего это касается Федеральной резервной системы США и Народного банка Китая, поскольку, как свидетельствуют результаты некоторых недавних научных исследований, две страны мира (США и Китай) оказывают максимальное влияние на функционирование и устойчивое развитие МФР [22].

Выводы. По результатам проведенного исследования можно сделать следующие основные выводы:

1. Современный МФР отличается асимметричностью развития и ярко выраженной фрагментацией. В результате он не в полной мере обеспечивает эффективное перераспределение финансовых ресурсов между различными контрагентами, что негативно отражается на развитии мировой экономики.

2. Процесс финансиализации мировой экономики продолжается, что еще сильнее ослабляет связь между операциями на МФР и реальным сектором мировой экономики и повышает уровень глобальной кризисогенности. Вместе с тем, наметившееся в последнее время на МФР изменение структуры ПИИ означает осознание определенной частью участников рынка необходимости первоочередной финансовой поддержки базовых отраслей экономики. От того, насколько устойчивым и продолжительным окажется данный тренд, будет зависеть стабильность мировой экономики и мировых финансов.

3. Особенности развития современного МФР, включая динамические показатели и структуру его отдельных сегментов, свидетельствуют о растущем желании его участников обеспечить эффективное хеджирование на случай неблагоприятного изменения рыночной конъюнктуры за счет некредитных деривативов, покупки золота, страховых полисов и т.д. в связи с обострением традиционных видов рисков и появлением новых видов рисков, связанных с процессом цифровизации. В связи с этим в настоящее время инвесторы и кредиторы предпочитают придерживаться консервативной стратегии и тактики на МФР, делая выбор в пользу менее рискованных финансовых инструментов и инвестиционных проектов.

4. Современный МФР отличается усиливающимся доминированием США, основанным на использовании развитой и подконтрольной США рыночной инфраструктуры, а также доллара США в качестве ведущей мировой валюты. Прежние мировые финансовые центры в лице Западной Европы и Японии уже не в состоянии реально конкурировать с США, а Китай, хотя постепенно и набирает силу, еще не готов к роли глобального финансового лидера.

5. На современном МФР усиливается тенденция повышения степени концентрации капитала и монополизации. Основные сегменты МФР находятся под контролем ограниченного количества МНК с головными офисами в США, Соединенном Королевстве и других развитых странах. Эти корпорации определяют нормы и стандарты деятельности на МФР, которые могут вступать в противоречие с интересами значительного количества его участников, которые вынуждены соблюдать установленные правила игры.

6. Тенденция повышения стоимости финансирования на МФР на фоне невысоких темпов развития мировой экономики и высокого уровня глобальной инфляции может привести к росту неплатежей со стороны заемщиков, что создаст угрозу дестабилизации мировой финансовой системы.

7. Несмотря на популярный в последние годы тренд усиления роли финансовых инструментов, обеспечивающих финансирование достижения целей устойчивого развития, дальнейшее увеличение глобального объема устойчивого финансирования может столкнуться с серьезными трудностями. В условиях обострения геополитической ситуации, фрагментации мировой экономики и мировых финансов, усиления протекционистских настроений в сфере международной торговли и ухудшения условий финансирования в глобальном масштабе значительная доля потенциальных инвесторов может сократить вложения в социально значимые, но неприбыльные проекты.

8. Внедрение инновационных технологий и финансовых инструментов на МФР и активное использование различных специализированных цифровых платформ трансформирует традиционные формы и способы осуществления различных финансовых операций, создавая определенные преимущества и удобства для участников рынка. Однако наряду с этим появляются новые виды рисков, которые требуют объективной профессиональной оценки как на микро-, так и на макроуровне МФР. В противном случае возникает серьезная угроза дестабилизации глобальной финансовой системы.

9. Перспективы дальнейшего развития МФР в немалой степени будут определяться действиями международных и национальных регуляторов. Последние несколько лет были отмечены ужесточением макроэкономического регулирования. В совокупности с ростом геополитической напряженности, повышением стоимости рыночного финансирования, высоким уровнем глобальной инфляции и др. это привело к сокращению активности или стагнации в некоторых сегментах МФР. Вероятно, в ближайшей перспективе можно ожидать некоторого смягчения глобального макрорегулирования и более активного использования рыночных стимулов, что придаст новый импульс развитию МФР.

Литература

1. Балюк И.А., Балюк М.А. Проблема асимметричности развития мирового финансового рынка // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 6. С. 72–87.

2. Long G., Porter J. What to expect in the syndicated loan market for 2024. 15.01.2024. URL: <https://www.thebanker.com/What-to-expect-in-the-syndicated-loan-market-for-2024-1705307121>
3. Поливалютный стандарт и мировой финансовый рынок / под ред. Кузнецова А.В., Крыловой Л.В. М.: ИНФРА-М, 2022. 208 с.
4. Cheriyan J., Craig C., Seibold S., Skouloudi G. Modernizing corporate-loan operations. 25.01.2024. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/modernizing-corporate-loan-operations>
5. Хмыз О.В. Устойчивые инвестиции и дивестиции институциональных инвесторов глобального уровня // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. № 1. С. 96–108.
6. Deteriorating conditions of global financial markets amid high debt. OECD Business and Finance Policy Papers, No. 15, OECD Publishing, 2022, Paris.
7. Bogdanova B., Chan T., Micic K., Peter G. Enhancing the BIS government bond statistics. BIS Quarterly Review, June 2021. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2106c.htm
8. World Investment Report 2024. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024>
9. Петров М.В. Влияние геополитической напряженности на международное движение капитала // Финансовый журнал. 2024. Т. 16. № 3. С. 8–22.
10. Holzhausen A., Grimm M., Hoffmann P., Pelayo-Romero P., Stoffel K. Transformative years ahead for the insurance sector. Allianz Global Insurance Report 2024. URL: https://www.allianz.com/content/dam/onemarketing/azcom/Allianz_com/economic-research/publications/specials/en/2024/may/2024-05-23-Global-Insurance-Report.pdf
11. Global Insurance Market Report (GIMAR). July 2024. International Association of Insurance Supervisors. URL: <https://www.iaisweb.org/activities-topics/financial-stability/gimar>
12. Кусм Н.Н. Преимущества и недостатки использования кредитных дефолтных свопов // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 1. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2013/01/20348>
13. Мировые финансы в условиях системных, технологических и экологических трансформаций / под ред. Соколовой Е.С., Кузнецова А.В. М.: КНОРУС, 2024. 232 с.
14. The Digitalization of Financial Markets. The Socioeconomic Impact of Financial Technologies / Marszk A., Lechman E. (eds). Routledge, 2021. 220 p.
15. Mounts C., Birry A., Dimitrijevic A. Digitalization of markets: framing the emerging ecosystem. 16.09.2021. URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/pdf-articles/210916-digitalization-of-markets-framing-the-emerging-ecosystem-100494872>
16. Basar S. Digital bonds becoming mainstream. 21.05.2024. URL: <https://www.marketsmedia.com/digital-bonds-becoming-mainstream>
17. Балюк И.А., Туруев И.Б. Трансформация международного долгового рынка в условиях цифровой экономики // Горизонты экономики. 2021. Т. 60. №1. С. 104–115.
18. Basar S. Innovation could boost adoption of digital bonds. 12.06.2024. URL: <https://www.marketsmedia.com/innovations-could-increase-adoption-of-digital-bonds>
19. Asgari N. What are digital bonds and how are they issued? Financial Times, 23.10.2023. URL: <https://www.ft.com/content/3717fe36-1536-43ef-ace4-b63e5efe778e>
20. Smith G. Six trends financial market infrastructures need to know. April 2024. URL: <https://focus.world-exchanges.org/articles/nasdaq-six-trends>
21. Балюк И.А., Балюк М.А. Цифровые финансовые инструменты: международный опыт и перспективы использования // Российский экономический журнал. 2024. № 3. С. 95–108.
22. Lodge D., Manu A.-S., Van Robays I. China's footprint in global financial markets. BOFIT Discussion Papers, No. 1/2024. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/283609/1/1881095487.pdf>

Igor Balyuk (e-mail: iabalyuk@fa.ru)

Grand Ph.D. in Economics,

Financial University under the Government of the Russian Federation

(Moscow, Russian Federation)

MODERN GLOBAL FINANCIAL MARKET: FEATURES AND MAIN DEVELOPMENT TRENDS

The article reveals the features of the modern global financial market (GFM)'s functioning. Special attention is paid to the analysis of the GFM's digitalization, which covers all its segments and radically transforms the nature of the activities. The article concludes that the modern GFM does not fully ensure the effective redistribution of financial resources between various counterparties, which negatively affects the development of the global economy, and financialization of the world economy continues, which further weakens the connection between operations in the financial market and the real sector of the world economy.

Keywords: global financial market, financialization of world economy, sustainable financing, digitalization, regulation of global financial market.

DOI: 10.31857/S0207367624090037, **EDN:** AMTPBA

© 2024

УДК: 339.9

Андрей Волинский

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: volinskii_ai@inecon.ru)

Мария Круглова

кандидат исторических наук, доцент,

старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: mashakruglova999@gmail.com)

КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КНР

В статье анализируется проблема китайских инвестиций в российскую экономику. Вопреки интенсивному развитию российско-китайских торгово-экономических отношений, что особенно характерно для последних двух лет, развитие инвестиционного сотрудничества между странами существенно отстает от иных сфер взаимодействия между странами. Проблема низкого уровня инвестиций китайских компаний в российскую экономику рассматривается в контексте внешне-экономической стратегии КНР. Показано, что российская экономика, с точки зрения китайских инвесторов, интересна преимущественно как страна, богатая природными ресурсами. Однако есть основания предполагать смену имеющейся парадигмы в восприятии российской экономики.

Ключевые слова: российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество, инвестиции, прямые иностранные инвестиции, поворот на Восток.

DOI: 10.31857/S0207367624090042, **EDN:** AMJNGA

Введение. В последние годы большинство наблюдателей оценивает развитие российско-китайских отношений в оптимистичных тонах. Это созвучно позиции Президента России, утверждающего, что «российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия переживают наилучший период в своей истории»¹. В сфере торгово-экономического сотрудничества особый импульс развитию был дан событиями 2022 г., когда из-за санкций российская экономика была вынуждена перенаправить свои внешнеторговые потоки в дружественные страны, лидером в списке которых стал Китай, который для российской внешнеторговой деятельности фактически стал заменой Европейскому союзу [1. С. 146]. Впрочем, несмотря на ощутимые успехи в развитии двустороннего сотрудничества, в отдельных сферах его уровень отстает от ожидаемого. Речь прежде всего может идти о российско-китайском инвестиционном сотрудничестве. Низкий уровень инвестиционной активности как китайских инвесторов в России, так и российских в Китае отмечается в ряде докладов российских аналитических центров, посвященных российско-китайским отношениям в последние годы [2. С. 6; 3. С. 13]. Свидетельства недовольства текущим уровнем

¹ «Отношения России и Китая переживают лучший период», – заявил Путин Си Цзиньпину // Первый канал. 3 июля 2024. URL: https://www.1tv.ru/news/2024-07-03/480008-otnosheniya_rossii_i_kitaya_perezhyvayut_luchshiy_period_zayavil_putin_si_tsinpinu (дата обращения: 02.09.2024).

китайских инвестиций можно обнаружить и в российских отраслевых бизнес-изданиях [4]. Не только уровень, но и структура китайских инвестиций в России не в полной мере соответствует желаемому. Так, например, авторы доклада Национального координационного центра международного делового сотрудничества (НКЦМДС) указывают на то, что китайские компании действительно смогли покрыть потребности российской экономики посредством импорта готовой машиностроительной продукции из Китая. Однако полноценного эффекта замещения ушедших компаний, инвестировавших средства в локализацию производства высокотехнологичной продукции и машиностроение, так и не произошло [3. С. 15]. Китай все еще продолжает восприниматься как страна, направляющая свои инвестиции в российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК) и добывающие отрасли, избегая вкладываться в российский технологический сектор и промышленность.

Сравнительно низкий уровень инвестиционной активности и наличие устойчивых отраслевых предпочтений со стороны Китая отмечались и в прежние годы. Позиция китайских экспертов в вопросе определения причин все прежние годы была едина: инвесторов отпугивает несовершенство российской правовой системы и практики правоприменения: в работах китайских авторов можно встретить указания на произвол со стороны российского бюрократического аппарата, особенно на региональном уровне, низкий уровень развития транспортной инфраструктуры России [5]. Среди существующих рисков инвестирования в Россию китайские эксперты привыкли указывать на:

1) низкий уровень понимания китайскими инвесторами конъюнктуры российского рынка, что провоцирует нацеленность инвесторов на быстрые сроки окупаемости проектов и отраслевую однородность инвестпроектов [6];

2) риски, связанные с российской системой государственного управления: низкий – по мысли китайских экспертов – уровень координации между федеральными и региональными властями, нестабильная политика правительства в сфере регулирования инвестиций [7];

3) геополитические риски, а также «теория китайской угрозы» (中国威胁论, *чжунго вэйселунь*) – опасение части членов российского общества в связи с вероятной экспансией Китая [8].

Однако мы предполагаем, что перечисление рисков, осознание которых, вероятно, объединяет китайское экспертное и академическое сообщество, не до конца может объяснить сравнительно низкий инвестиционный интерес китайских компаний в России: известна активность китайских инвесторов в странах Африки, Средней и Центральной Азии, политические и коррупционные риски в которых более очевидны. С нашей точки зрения, причины расхождения ожидаемого и возможного уровня инвестиционного развития с реальным следует искать, с одной стороны, в имеющемся несовпадении интересов российской и китайской сторон, а с другой – в существующих паттернах зарубежной инвестиционной деятельности китайских компаний. В подтверждение сказанного выше дадим краткий обзор зарубежной инвестиционной активности Китая и рассмотрим структуру китайских инвестиций в российскую экономику.

Инвестиционная активность Китая за рубежом: основные паттерны. Формирование практики зарубежного инвестирования Китая – как государственных,

так и корпоративных акторов — принято связывать с началом реализации стратегии «Выхода вовне» (Go Global Strategy, Go Out policy, 走出去战略; Цзоучую чжаньлюэ). Впервые китайское руководство заявило о необходимости выхода китайских компаний на внешние рынки в 1992 г. [9], а уже к 2002 г. Цзян Цзэминь стал регулярно говорить о «Выходе вовне»: в речи на XVI съезде КПК стратегия была упомянута им три раза, в том числе в контексте необходимости «поощрения зарубежных инвестиций конкурентоспособными компаниями Китая» [10].

За более чем двадцать лет реализации стратегии китайское руководство добилось существенных успехов в стимулировании зарубежных инвестиций китайских компаний. Так, в 2023 г. Китай занял третье место по оттоку прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (Foreign direct investment outflows), пропустив вперед лишь США и Японию. При этом Гонконг в рейтинге оттока ПИИ занял пятое место [11. Р. 20]². В последнее десятилетие политика зарубежных инвестиций приобрела новый политический контекст: в свете растущей геополитической конкуренции Китая и США китайское руководство ярче осознало необходимость в создании собственных производственно-сбытовых цепочек, затрагивающих в особенности экономики развивающихся стран и не подверженных политическому и санкционному давлению со стороны США [12].

Существующими геополитическими противоречиями можно объяснить и рост нефинансовых вложений со стороны китайских транснациональных корпораций (ТНК) в экономики США и ЕС. В политическом дискурсе стран Запада все шире распространяются тезисы об избыточных производственных мощностях в Китае и угрозе со стороны китайской промышленности рынку труда развитых и развивающихся стран, а также о субсидировании правительством КНР производителей из Китая и возникающих в связи с этим существенных искажениях в механизмах ценообразования. Это приводит к повышению ввозных пошлин на продукцию из Китая³, на фоне чего китайские ТНК все чаще стремятся к открытию заводов на территории США и ЕС⁴. Ресурсами инвестиций из Китая становятся и страны, напрямую не вовлеченные в спор между Китаем, США и ЕС. Например, китайский производитель автомобилей на электротяге BYD занят поиском площадки для строительства своего завода в Мексике, что позволит компании открыть для себя североамериканский рынок электромобилей и обойти существующие таможенные барьеры [14]. При этом важно понимать, что выход на один из крупнейших мировых рынков важен для китайской компании не только в силу непосредственно коммерческого интереса, но и потому что от успехов того или иного китайского автоконцерна на внешних рынках зависят его перспективы для получения статуса «национального чемпиона», открывающего для компании более широкие возможности внутри страны [15].

² Согласно данным ежегодного отчета ЮНКТАД, отток ПИИ из Китая в 2023 г. составил 148 млрд долл. [13. Р. 20]. Согласно [20], объем исходящих ПИИ (outward direct investment) составил 147,9 млрд долл.

³ Прежде всего мы говорим о повышенных пошлинах на электромобили из КНР, решение о введении которых было принято Европейским союзом после проведенного Еврокомиссией расследования о предоставлении китайским правительством значительных субсидий производителям электрокаров из Китая [13].

⁴ Chinese Firms Are Investing Abroad at Fastest Pace in Eight Years. Bloomberg. 26.04.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-04-25/china-firms-are-investing-abroad-at-fastest-pace-in-eight-years> (дата обращения: 30.08.2024).

Развитие ситуации в похожем русле можно наблюдать и в иных отраслях. Например, повышенные тарифы на китайские солнечные панели спровоцировали открытие китайскими компаниями заводов по производству солнечных панелей на территории третьих стран [16]. Строительство предприятий за пределами страны, разумеется, не гарантирует возможности избежать повышения тарифов. Так, стекловолокно, производимое египетским филиалом China Jushi Co., ввозимое на территорию стран ЕС, попадает под действие повышенного тарифа. К введению подобной меры привели результаты расследования Еврокомиссии, согласно которым китайско-египетский завод, находясь в зоне TEDA Suez, контролируемой китайской государственной компанией Tianjin Investment Holdings (TEDA Holding), использовал как государственные субсидии, так и существующие преимущества инфраструктуры TEDA Suez, что привело к значительным ценовым искажениям⁵.

Безусловно, санкционный фактор – не решающий в выборе направлений зарубежных инвестиций из Китая, значительная часть которых приходится на финансовые вложения, а также сделки по слияниям и поглощениям. В своем ежегодном исследовании компания EY Global заявляет, что общий объем исходящих ПИИ Китая в 2023 г. составил 147,9 млрд долл. США. Объем исходящих нефинансовых ПИИ достиг 130,1 млрд долл. США. Нефинансовые ПИИ в странах-партнерах инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) составили 31,8 млрд долл. США [17. Р. 3].

Для понимания существующих паттернов в распределении потоков исходящих инвестиций из Китая интересен отраслевой и территориальный разрез, приводимый авторами исследования. В 2023 г. топ-5 отраслей, на которые пришлось финансируемые китайскими компаниями сделки по слияниям и поглощениям за пределами Китая, составили: технологии, медиа и телекоммуникации (TMT), современные виды производства и логистики (advanced manufacturing & mobility), здравоохранение и науки о жизни, недвижимость, гостиничный бизнес и строительство, а также производство и логистика (M&M), причем на первые три сектора из списка пришлось 53% общей стоимости сделок. В распределении проявился и территориальный паттерн: TMT и здравоохранение доминируют в Европе и Северной Америке, энергетика и сектор коммунальных услуг – в Латинской Америке. Если говорить о региональном распределении, то наибольший объем инвестиций по слияниям и поглощениям пришелся на Азию, далее следует Европа и Северная Америка, замыкает же список Африка. Наконец, в топ-10 стран-реципиентов по стоимости сделок входят в порядке убывания: Канада, США, Великобритания, Австралия, Перу, Сингапур, Казахстан, Германия, Южная Корея и Индонезия.

О выявленных на более длительном периоде наблюдения паттернах в распределении инвестиционных потоков из Китая можно говорить, основываясь на базе данных China Global Investment Tracker [18]. Анализ, проведенный исследовательской группой China Power, показал, что реципиентами ПИИ, как правило,

⁵ Document 32020R0492. Commission Implementing Regulation (EU) 2020/492 of 01.04.2020 imposing definitive anti-dumping duties on imports of certain woven and/or stitched glass fibre fabrics originating in the People's Republic of China and Egypt. EUR-lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2020.108.01.0001.01.ENG&toc=OJ:L:2020:108:TOC (дата обращения: 02.09.2024).

выступают развитые страны, тогда как реализация китайских строительных проектов чаще приходится на развивающиеся страны [19]. Интересно, что в период с 2005 по 2019 г. среди стран Северной Америки и Европы наибольшее количество подписанных строительных контрактов привлекли страны Восточной Европы. Более трети инвестиций пришлось на Россию (7,7 млрд долл.), среди крупных проектов на территории которой упоминается строительство газопровода «Сила Сибири».

Анализ и объемов, и характера распределения внешних инвестиционных потоков Китая не будет полным без рассмотрения стратегии китайских государственных банков по предоставлению кредитов внешним заемщикам. Связанные с Китаем крупные строительные проекты за пределами страны зачастую реализуются в рамках ЕРС-контрактов (Engineering, Procurement and Construction). В этом случае техническую сторону реализации берет на себя сам инвестор, выступая в том числе в роли подрядчика [20. С. 71]. Значительная часть такого рода проектов обеспечивается кредитами, предоставляемыми китайскими государственными (как правило, так называемыми «политическими») банками. При этом в исследовательской литературе нет устоявшейся позиции относительно текущих объемов предоставленных Китаем кредитов внешним заемщикам. Согласно данным Всемирного банка, на конец 2022 г. Китай стал крупнейшим суверенным кредитором стран с низким и средним уровнем дохода: совокупные государственные и гарантированные государством обязательства этой группы стран перед Китаем составили 180 млрд долл. США. Большая часть из этой суммы приходится на крупные инфраструктурные проекты, в том числе реализуемые в рамках инициативы ОПОП, и, как правило, связана либо с транспортной отраслью, либо с добывающей промышленностью. Один из ведущих регионов-реципиентов кредитов на развитие – страны Африки южнее Сахары [21. Р. 22–23]. С другой стороны, Китай – не член Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) и не участвует в реализации Соглашения об официально поддерживаемых экспортных кредитах (Arrangement on Officially Supported Export Credits), китайские банки не следуют принятым процедурам прозрачности предоставления государственных кредитов другим странам⁶. Выдаваемые китайскими политическими банками⁷ кредиты отображаются как «иностранная помощь» и кредиты на развитие, хотя условия предоставления кредитов в части льготной процентной ставки, практики реализации и использования проектов, а также залоговых обязательств не раскрываются [21], а имеющаяся информация не всегда носит официальный характер. Как показало исследование,

⁶ What Are the Policy Banks China Uses to Spur Economy?. Bloomberg. 30.06.2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-30/what-are-the-policy-banks-china-uses-to-spur-economy-quicktake> (дата обращения: 02.09.2024).

⁷ «Политические банки» (policy banks): Государственный банк развития Китая (China Development Bank, CDB, 国家开发银行), экспортно-импортный банк Китая (Эксим-банк Китая, the Export-Import Bank of China, CHEXIM, 中国进出口银行), Банк сельскохозяйственного развития Китая (the Agricultural Development Bank of China, ADBC, 中国农业发展银行). Все три банка были созданы для кредитования проектов, направленных на достижение долгосрочных целей развития страны в тех отраслях, где коммерческие банки не стремятся к предоставлению кредитов. Название банков соответствует профилю кредитуемых отраслей, сами банки финансируются государством и находятся в подчинении Госсовета КНР. CDB и CHEXIM активно кредитуют зарубежные проекты, в частности в рамках инициативы ОПОП [19].

в котором проанализировано 100 контрактов между китайскими банковскими учреждениями и государственными заемщиками из 24 развивающихся стран, контракты с китайскими кредитными организациями содержат требования о нераскрытии заемщиками информации об объемах долга, и даже о самом долге, а также содержат дополнительные требования по кризисному управлению [23]. В некоторых исследованиях в число зарубежных кредитов Китая включены «кредиты, обеспеченные нефтью, которые принимают форму авансовых платежей государственными импортерами нефти Китая» [24. Р. 4]: например, утверждается о существовании такого рода сделок между российскими компаниями и китайскими государственными компаниями-импортерами энергоресурсов на сумму 35 млрд долл. США. Добавим, что привязка платежей по кредитам к тому или иному сырью распространена в практике китайского кредитования. В случаях выделения стран-заемщиков с низким уровнем дохода «погашение основной суммы долга часто обеспечивается либо в форме товаров (например, выручка от экспорта сырья и сельскохозяйственной продукции, либо в форме доходов от экспорта сырья и сельскохозяйственной продукции)» [25. Р. 21].

Сюжет с зарубежным кредитованием со стороны китайских банков важен для рассмотрения инвестиционной политики Китая в России. Если в размещении ПИИ из Китая Россия — далеко не мировой лидер⁸, то в отношении привлечения кредитов со стороны китайских государственных банков ситуация выглядит иначе и Россия является крупнейшим «скрытым» заемщиком Китая. На это указывается, в частности, в докладе, подготовленном американской исследовательской лабораторией AidData при William & Mary's Global Research Institut [27]. Он основан на обширной базе данных⁹ по финансированию Китаем крупных проектов, в том числе реализуемых в рамках инициативы ОПОП. Авторы проекта расширенно трактуют понятие кредита и используют понятие «скрытого кредита» (hidden debt), собранные же сведения поделены на две большие группы: официально предоставляемую помощь в целях развития (Official Development Assistance (ODA)) и другие финансовые потоки (Other Official Flows (OOF)), под которыми понимаются кредиты и экспортные кредиты, предоставляемые по рыночным ставкам или вблизи них [27. Р. 19–20]. Характер взаимодействия России с китайскими государственными банками попал во вторую группу, а анализ собранных данных показал, что за 2000–2017 гг. по сделкам OOF Россия стала лидером, получив кредиты на общую сумму 125 млрд долл. Большая часть кредитов была получена российскими государственными компаниями нефтегазового сектора [Ibid. Р. 19–20]. Этот канал получения инвестиций из Китая стоит учитывать в анализе динамики развития российско-китайского

⁸ По данным китайской стороны на 2022 г., Россия заняла двадцатое место по объему накопленных инвестиций. На Россию пришлось 0,3% от общего объема. Цифру не стоит считать окончательной: лидер по привлеченным инвестициям – Гонконг, на него пришлось 57,7% инвестиций из материкового Китая. За ним следуют Британские Виргинские острова, Каймановы острова (на эти территории приходится чуть более 20% от общего объема), и лишь за ними следуют США. Очевидно, что ни Гонконг, ни островные территории не являются конечными получателями [26. Р. 23].

⁹ Aid Data's Global Chinese Development Finance Dataset, Version 2.0. AidData. URL: <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-2-0> (дата обращения: 03.09.2024).

инвестиционного сотрудничества. Имея в виду выявленные исследователями паттерны в распределении потоков исходящих инвестиций из Китая, при которых развитые страны в основном привлекают ПИИ и инвестиции в сделки по слияниям и поглощениям в высокотехнологичных отраслях, а развивающиеся и наименее развитые, как правило, становятся получателями кредитных средств, направленных на обслуживание крупных строительных и инфраструктурных проектов, обеспечиваемых ресурсной базой стран-заемщиков, можно проанализировать место России в инвестиционной стратегии Китая.

Китайские инвестиции в России: сырьем ли единым? В российской специализированной литературе довольно устойчив нарратив, согласно которому, если прежде западные компании направляли свои инвестиции в России в отрасли с высокой добавленной стоимостью, то китайские «капиталовложения преимущественно поступают в топливно-энергетический комплекс, как правило, в производство продукции самых низких переделов» [3. С. 13]. Однако насколько сильно в действительности китайские инвестиции избегают российский высокотехнологичный и производственный сектора?

Обратимся к материалам Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству (МПК). В результате последнего 10 заседания, проведенного в ноябре 2023 г., в перечень были включены 62 значимых и 21 перспективный проект общим заявленным объемом инвестиций более 198 млрд долл. США¹⁰. Фактически представленные на сайте Комиссии данные по реализуемым под ее началом инвестиционным проектам — источник, наиболее приближенный к официальному и позволяющий судить об отраслевом и региональном разрезе распределения китайских инвестиций в России. Региональная структура портфеля МПК в России демонстрирует доминирование Дальневосточного федерального округа (ДФО) по числу и стоимости реализуемых инвестиционных проектов (45 380 млн долл., 34 проекта), далее следуют Северо-Западный ФО (СЗФО) — 27 720 млн долл., 4 проекта, Приволжский ФО (ПФО) — 25 млн долл., 13 проектов и Центральный ФО (ЦФО) — 24 млн долл., 22 проекта. Отраслевое распределение демонстрирует лидерство производства химических веществ и продуктов — чуть более 80 млн долл. в 15 проектах и инфраструктурные проекты — 40 млн долл. и 15 проектов¹¹. Будет справедливым отметить, что в представленном на сайте МПК перечне значимых проектов можно обнаружить и те, что не связаны напрямую с переработкой природных ресурсов, химической промышленностью или инфраструктурой. К ним относятся: строительство завода по производству холодильников в Татарстане, завода по производству автомобилей под маркой Haval в Туле, совместное производство двигателей для грузовиков в Ярославле при участии КАМАЗ, создание российско-китайских инновационных технологических парков, российско-китайского венчурного фонда, агропромышленный парк в Пензенской области, создание Российско-Китайского совместного научно-технического инновационного фонда,

¹⁰ Протокол десятого заседания межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. Российский сайт межправительственной комиссии. URL: https://mpk-cn.ru/content/docs/O%20проектах%20комиссии_10%20МПК.pdf (дата обращения: 02.09.2024).

¹¹ МПК в цифрах. Российский сайт межправительственной комиссии. URL: <https://mpk-cn.ru/dashboard> (дата обращения: 03.09.2024).

сотрудничество в области производства вакцин, строительство завода Haier в Татарстане, и это лишь неполный список.

Согласно данным самого РФПИ, 60% реализуемых российско-китайских инвестиционных проектов проходят через фонд, за последние 10 лет РФПИ было реализовано 50 проектов с участием партнеров из КНР с общим объемом инвестиций 780 млрд руб. [28]. В настоящий момент в числе крупных обсуждаемых с китайской стороны проектов значатся: первый российский морской терминал по перевалке сжиженных углеводородных газов (СУГ), создание в партнерстве с китайской инновационной компанией технопарка, который позволит российским технологическим компаниям выходить на китайский рынок, и партнерство в сфере фармацевтики, — предполагается как выпуск российских вакцин в КНР, так и перенос китайских фармацевтических технологий в Россию [Ibid]. Добавим, что, помимо реализуемых самим РФПИ проектов, РФПИ совместно с Китайской инвестиционной корпорацией (CIC) создан Российско-китайский инвестиционный фонд (РКИФ), который, в свою очередь, стал инициатором создания совместного с китайской технологической корпорацией Tus-Holdings Российско-китайского венчурного фонда¹². В 2021 г. РКИФ, например, стал участником консорциума инвесторов при создании фармацевтического холдинга «Биннофарм групп»¹³.

Помимо фондов, связанных с РФПИ, функционирует также Российско-китайский инвестиционный фонд регионального развития, стратегическими инвесторами которого, согласно информации, размещенной на сайте фонда, являются «крупные государственные и частные корпорации Китая, в том числе Государственная энергетическая инвестиционная корпорация (SPIC), Китайская национальная ядерная корпорация (CNNC), Китайская строительная и инжиниринговая корпорация (СМЕС)». В руководящий совет фонда «входят представители Государственного комитета по развитию и реформам КНР, Министерства иностранных дел КНР, Министерства торговли КНР, Министерства финансов КНР, Народного банка КНР, крупнейших китайских государственных групп компаний»¹⁴. В открытом доступе нам удалось найти сведения об одном реализуемом при участии фонда проекте по добыче урана¹⁵.

Мы видим, что среди отраслей-лидеров по привлечению инвестиций из Китая доминирует химическая промышленность. Причем зачастую реализуемые в этой сфере проекты связаны с переработкой российского природного сырья. Последний известный пример такого сотрудничества — строительство китайской стороной химического комплекса по производству метанола из природного газа в районе Балтийского моря¹⁶.

¹² Российско-китайский венчурный фонд объявит о первой сделке до конца года. РИА Новости. 11.09.2018. URL: <https://ria.ru/20180911/1528246553.html> (дата обращения: 02.09.2024).

¹³ В РФПИ сообщили о создании фармхолдинга «Биннофарм групп». РИА новости. 19.02.2021. URL: <https://ria.ru/20210219/kholding-1598141315.html> (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁴ Российско-китайский Инвестиционный Фонд Регионального Развития. URL: <https://ifrd.ru> (дата обращения: 04.09.2024).

¹⁵ Топорков А. «Росатом» впервые допустит иностранцев к добыче урана в России. Ведомости. 13.03.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/03/13/753279-rosatom-dopustit-inostrantsev> (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁶ China National Chemical Engineering Co unit in 8.4 bln euro Russian deal. Reuters. 08.10.2023. URL: <https://www.reuters.com/article/cncec-russia-contract/china-national-chemical-engineering-co-unit-in-8-4-bl-euro-russian-deal-idUKL1N3BE07W/> (дата обращения: 02.09.2024).

Впрочем, говорить об отсутствии инвестиций в иные отрасли нельзя. Более того, анализ показывает, что успех в привлечении инвестиций из Китая в промышленность зачастую зависит от активной работы в этом направлении российских не только федеральных, но и региональных властей. Существующие рейтинги: продуктивности инвестиционного взаимодействия регионов России с Китаем¹⁷, подготовленный Российско-Китайским комитетом дружбы, мира и развития совместно с фондом Петербургская политика, и Российско-Китайский инвестиционный индекс, выпускаемый НКЦМДС¹⁸, отчасти подтверждают первенство ДФО в привлечении китайских инвестиций. Оба рейтинга возглавляет Амурская область с крупными инвестиционными проектами, такими как Амурский газоперерабатывающий завод, фабрика по переработке древесины и крупные инфраструктурные проекты, в том числе мост Благовещенск–Хэйхэ. Помимо регионов ДФО, в числе лидеров – Республика Татарстан. На ее территории реализован целый ряд крупных промышленных проектов с участием китайской стороны. Так, в Набережных Челнах действует завод одного из крупнейших мировых производителей крупной бытовой техники Haier. Предприятие специализируется на производстве стиральных машин и холодильников и даже поставляет свою продукцию в третьи страны¹⁹. Однако необходимо понимать, что успех Татарстана – во многом результат деятельности руководства республики и отраслевых организаций по налаживанию контактов с китайской стороной, в том числе на уровне сотрудничества между Татарстаном и провинциями КНР²⁰.

Еще один несырьевой регион России, добившийся успехов в привлечении инвестиций из Китая – Тула. Это и завод полного цикла по производству автомобилей Naval, и логистические проекты²¹, и примеры сотрудничества китайских компаний и тульских производителей в области машиностроения²². Известная своим благоприятным инвестиционным климатом Калужская область также привлекла в последние годы инвестиции в промышленный сектор области: завод по производству стекол

¹⁷ Борис Титов представил очередной рейтинг продуктивности инвестиционного взаимодействия регионов России с Китаем. Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития. 17.05.2024. URL: <http://russian-chinese.com/2024/05/17/boris-titov-predstavil-ocherednoj-rejting-produktivnosti-investicionnogo-vzaimodejstviya-regionov-rossii-s-kitaem/> (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁸ Российско-китайский инвестиционный индекс (Индекс А1). ИКСА РАН. 01.03.2024. URL: [https://www.iccaras.ru/news/v-rossii-razrabotan-pervyj-rossijsko-kitajskij-investitsionnyj-indeks.html#:~:text=Российско%2Дкитайский%20инвестиционный%20индекс%20\(Индекс, исходя%20из%20различных%20статистических%20показателей](https://www.iccaras.ru/news/v-rossii-razrabotan-pervyj-rossijsko-kitajskij-investitsionnyj-indeks.html#:~:text=Российско%2Дкитайский%20инвестиционный%20индекс%20(Индекс, исходя%20из%20различных%20статистических%20показателей) (дата обращения: 02.09.2024).

¹⁹ Haier начнет поставки техники из Челнов в торговую сеть Узбекистана. Chelny-biz.ru. 19.05.2023. URL: <https://chelny-biz.ru/news/581018/> (дата обращения: 02.09.2024).

²⁰ Олег Коробченко: «Татарстан рад совместным проектам с Китаем и готов к плодотворному сотрудничеству». Реальное время. 17.07.2024. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/313020-tatarstanskij-i-kitajskij-biznes-dogovorilsya-o-sotrudnicestve> (дата обращения: 20.07.2024).

АИР посетил внук Лю Шаоци – второго Председателя КНР. Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан. 20.06.2024. URL: <https://tida.tatarstan.ru/index.htm/news/2319702.htm> (дата обращения: 20.07.2024).

²¹ Китайская компания создаст в Тульской области торгово-логистический центр. Интерфакс. 08.06.2024. URL: <https://www.interfax.ru/spief2024/965808> (дата обращения: 02.09.2024).

²² Тульская область привлекает дополнительные инвестиции из Китая. Аргументы и факты. Тула. 06.06.2024. URL: <https://tula.aif.ru/money/tulskaya-oblast-privekaet-dopolnitelnye-investicii-iz-kitaya> (дата обращения: 02.09.2024).

для автомобилей²³, завод по производству паровых турбин и турбогенераторов для энергоблоков 200, 300, 500 и 800 МВт тепловых электрических станций²⁴, завод по производству оборудования для теплоэнергетики, нефтегазовой и геотермальной промышленности²⁵. Об успехах в привлечении инвестиций из Китая заявляет и Москва: по состоянию на май 2023 г. объем накопленных китайских инвестиций в Москву составил более 900 млн долл., более половины из которых пришлось на строительство и сектор недвижимости, треть — на финансовую и страховую деятельность, а 16% получил московский промышленный сектор²⁶.

Трудности перевода или расхождение интересов? Однако насколько решающее воздействие на структуру привлеченных инвестиций оказывает фактор стратегий российских региональных и федеральных властей? В российском экспертном сообществе бытует уверенность в том, что многие нынешние сложности в инвестиционном сотрудничестве — следствие непонимания российской бюрократией особенностей работы с Китаем [29], взаимного недопонимания и даже недоверия. Это и возникшие в прежние годы обиды, когда китайским инвесторам предлагали проекты, из которых вышли западные инвесторы²⁷, и, как указывает А.А. Маслов, нежелание китайских инвесторов вкладываться в проекты «с нуля» [30] (впрочем, статистика показывает, что в последние годы объем китайских зарубежных инвестиций в проекты, реализуемые с нуля, растет²⁸). В этом смысле мы предполагаем, что основные проблемы в привлечении китайских инвестиций и в трансформации их отраслевой структуры заключаются в частичном несовпадении интересов российской и китайской сторон.

Особенно ярко проявляется в последние годы тот факт, что Россия не может стать выгодной территорией для размещения китайских производственных мощностей с целью снижения пошлин на китайские экспортные товары и доступа на рынки третьих стран ввиду существующего санкционного давления в отношении российской экономики, сложностей, с которыми сталкивается Россия в логистике и международных расчетах. Направления инвестиций в части

²³ Калужский завод «ФУЯО СТЕКЛО РУС» инвестировал около 1 млрд руб. в установку нового оборудования. Инвестиционный портал Калужской области. 22.01.2019. URL: <https://investkaluga.com/media/media/news/kaluzhskiy-zavod-fuyao-steklo-rus-investiroval-okolo-1-mlrd-rublely-v-ustanovku-novogo-oborudovaniya/> (дата обращения: 02.09.2024).

²⁴ В Калужской области реализуется проект харбинской электрической корпорации с объемом инвестиций более 10 млрд руб. Инвестиционный портал Калужской области. 03.06.2020. URL: <https://investkaluga.com/media/media/news/v-kaluzhskoy-oblasti-realizuyetsya-proekt-harbinskoy-elektricheskoy-korporatsii-s-obemom-investitsiy-bolee-10-mlrd-rublely/> (дата обращения: 02.09.2024).

²⁵ Китайская компания построит в Калужской области завод по выпуску оборудования для нефтесервиса. Инвестиционный портал Калужской области. 19.04.2023. URL: <https://investkaluga.com/media/media/news/kitayskaya-kompaniya-postroit-v-kaluzhskoy-oblasti-zavod-po-vypusku-oborudovaniya-dlya-nefteservisa/> (дата обращения: 02.09.2024).

²⁶ Китайские инвесторы вложили в экономику Москвы более \$900 млн. Тасс. 23.05.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17821399> (дата обращения: 20.07.2024).

²⁷ «Наши отношения с Китаем напрямую зависят от эффективности нашей внутренней экономической политики». Кедр. 14.03.2014. URL: <https://mustread.kept.ru/interviews/nashi-otnosheniya-s-kitaem-napryamuyu-zavisyat-ot-effektivnosti-nashey-vnutrenney-ekonomicheskoy-pol/> (дата обращения: 30.08.2024).

²⁸ Number of announced outward greenfield foreign direct investment (FDI) projects from China from 2013 to 2023. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1286982/china-number-outward-greenfield-fdi-projects/> (дата обращения: 04.09.2024).

слияний и поглощений также неочевидны: среди топ-5 выделенных выше отраслевых направлений китайских зарубежных инвестиций российская экономика может представлять интерес для китайских инвесторов лишь в двух отраслях: недвижимости и логистике. Другие отрасли привлекательны для китайской стороны прежде всего в силу стремления китайских инвесторов получить доступ к передовым технологическим решениям, тогда как российские компании в этих отраслях не являются мировыми лидерами. Напротив, в тех отраслях российской экономики, где отечественный научно-технический комплекс традиционно силен, действуют существенные ограничения режима иностранных инвестиций: речь идет прежде всего о ВПК и атомной энергетике: о наличии с китайской стороны интереса к ряду российских разработок в сфере критических технологий говорит периодическое открытие российскими правоохранительными органами уголовных дел о госизмене в отношении российских ученых и обвинении последних в передаче Китаю сведений, составляющих государственную тайну²⁹.

Интерес России к инвестициям в высокотехнологичные отрасли экономики и к созданию передовых предприятий китайских компаний на российской территории связан с потребностью российской экономики в импорте части необходимых технологий и компетенций [3. С. 15]. Однако в самом Китае действует достаточно жесткий режим экспортного контроля: существующий в Китае каталог запрещенных и ограниченных к экспорту технологий и высокотехнологичной продукции широк³⁰. Помимо этого документа меры экспортного контроля могут вводиться и отдельными решениями соответствующих министерств и ведомств. Последнее подобное ограничение затронуло такие существенные товары и технологии, как оборудование и программное обеспечение для производства авиационных и космических двигателей, газотурбинных установок³¹. Стоит, кроме этого, учесть, что инвестиционные проекты китайских компаний за пределами страны нуждаются в согласовании с китайскими правительственными регуляторами.

Помимо соображений национальной безопасности, существуют и иные факторы, сдерживающие импорт производственных технологий: китайские компании, в том числе в силу политической специфики внутри страны, нацелены на развитие экспорта своей готовой продукции и отдают себе отчет в том, что экспорт технологий в отложенной перспективе приведет к сокращению внешних рынков за счет появления конкурентов из других стран. Приведем яркое высказывание С.С. Собянина на Московском экономическом форуме, где, впрочем, подразумевается не только Китай, но и «восточные рынки» как таковые: «...нам открыто говорят: хотите получить какие-то технологии — покупайте в целом продукт. Мы говорим: да нет, нам нужны в лучшем случае комплектующие, которые мы заменим в скором времени.

²⁹ Громкие дела о госизмене в отношении российских ученых. ТАСС. 05.08.2022. URL: <https://tass.ru/info/15406673> (дата обращения: 30.08.2024).

³⁰ Объявление Министерства торговли и Министерства науки и технологий № 57 от 2023 г. Объявление о выпуске «Китайского каталога запрещенных и ограниченных к экспорту технологий». Министерство торговли КНР. 21.12.2023. URL: <http://m.mofcom.gov.cn/article/zwgk/gkzcfb/202312/20231203462079.shtml> (дата обращения: 04.09.2024).

³¹ Объявление № 21 от 2024 г. Министерства торговли, Главного таможенного управления и Департамента разработки оборудования Центральной военной комиссии. Объявление о введении экспортного контроля над сопутствующими товарами. Главное таможенное управление КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/2480148/5904338/index.html> (дата обращения: 04.09.2024).

Нам говорят: мы это понимаем, поэтому не собираемся это делать, по крайней мере, не собираемся по нормальным ценам. Вот двойная цена — пожалуйста»³².

Приток инвестиций в обрабатывающий сектор и производство товаров высоких переделов, в чем заинтересованы и российский бизнес, и российские власти, зачастую противоречит интересам китайской промышленности, а часто затруднен и особенностями российского законодательства. Яркий тому пример — российско-китайское сотрудничество в области рыбного хозяйства. Россия долгие годы находится на лидирующих позициях среди стран-экспортеров рыбы и морепродуктов в Китай, однако, вопреки официальным заявлениям о намерениях по интенсификации инвестиционного сотрудничества в отрасли³³, уровень взаимных инвестиций низкий. Это объясняется рядом причин. Во-первых, в России действуют жесткие ограничения на иностранные инвестиции в добычу водных биоресурсов³⁴, и даже в таких нуждающихся во внешних инвестициях и притоке технологий сферах, как марикультура, продолжают действовать юридические барьеры, препятствующие притоку иностранных инвестиций³⁵. Во-вторых, китайские производители рыбной продукции нуждаются в сравнительно дешевом сырье из России, предоставление же российским производителям китайских технологий по рыбопереработке потенциально создаст конкуренцию на внутреннем китайском рынке для китайских производителей. Введенные Китаем в 2020—2022 гг. ограничения на импорт замороженной рыбы из России в связи с обнаружением вируса COVID-19 на упаковках с замороженной продукцией стимулировали развитие дальневосточными производителями предприятий по переработке рыбы. Последнее, как полагали отдельные эксперты, побудило к снятию ограничений со стороны Китая [31]. Несостыковка интересов Китая и России в части соотношения обработанной продукции/необработанного сырья в торговле между странами наблюдается и в других отраслях, например, Китай заинтересован в российском необработанном сырье для деревообрабатывающей промышленности, Россия же, напротив, стремится к загрузке собственных производственных мощностей и, исходя из этого, вводит соответствующие экспортные ограничения³⁶. Таким образом, очевидно, что нежелание создавать излишнюю конкуренцию собственным производственным мощностям ограничивает инвестиционную активность китайских компаний в России, чье сравнительное преимущество как реципиента инвестиций видится китайской стороне прежде всего в ее ресурсном потенциале.

³² Собянин заявил об экономической войне с восточными странами. РБК. 28.09.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/09/2023/651555689a79471cf509e712> (дата обращения: 04.09.2024).

³³ Россия и Китай отметили важность «рыбных» инвестиций. Азово-Черноморский филиал («АзНИИРХ») ФГБНУ «ВНИРО». 13.06.2018. URL: <https://azniir.kh.vniro.ru/content/read/archive/otdel-akvakulturyi/rossiya-i-kitay-otmetili-vazhnost-ryibnyih-investitsiy> (дата обращения: 04.09.2024).

³⁴ Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20.12.2004 № 166-ФЗ (последняя редакция). КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/ (дата обращения: 04.09.2024).

³⁵ Эксперты: китайским инвестициям в марикультуру ДФО мешают административные барьеры. EastRussia. 12.07.2024. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/eksperty-kitayskim-investitsiyam-v-marikulturu-dfo-meshayut-administrativnye-barery/> (дата обращения: 27.08.2024).

³⁶ Круглый лес: везти или не везти в Китай? Портал о лесозаготовке. URL: <https://forestcomplex.ru/04.06.2024>. URL: <https://forestcomplex.ru/obrabotka-drevesiny/kruglyj-les-vezti-ili-ne-vezti-v-kitaj/> (дата обращения: 17.07.2024).

Открытию производств китайской продукции на российской территории мешает и санкционное давление. Санкции в отношении российского авиационного сектора усложнили и без того полный противоречий российский-китайский проект создания широкофюзеляжного самолета³⁷. Санкционное давление на российскую автомобильную промышленность и попадание крупнейших российских производителей в санкционные списки США и ЕС сдерживает работу с китайскими компаниями в этой отрасли: так, срыв сотрудничества одного из крупнейших китайских автопроизводителей — концерна FAW — с попавшим под санкции АвтоВАЗом многие эксперты объясняли в том числе фактором санкционного давления³⁸. Одна из наиболее активных на российском рынке компания Chery, находясь в поиске площадки для производства своих автомобилей в России, вела переговоры с УАЗом, однако после введения санкций в отношении последнего переключилась на поиск новых партнеров³⁹. Существуют и сложности с реализацией такого крупного инвестиционного проекта с участием китайских инвесторов, как «Арктик СПГ-2», попавшего под санкции США, в связи с чем технический партнер проекта — китайская Wison New Energies — вышла из проекта⁴⁰.

Выводы. Обзор инвестиционной стратегии Китая за рубежом позволяет предположить наличие двух паттернов, определяющих распределение исходящих инвестиций. Развитые страны привлекают ПИИ из Китая, среди которых — средства, направленные на строительство китайских предприятий по выпуску высокотехнологичной продукции. Это позволяет китайским ТНК снизить риски попадания их продукции под действие повышенных таможенных тарифов и открыть для себя рынки развитых стран. С другой стороны, развитые страны привлекают значительные инвестиции из Китая, направленные на обеспечение сделок по слияниям и поглощениям в высокотехнологичных отраслях. Напротив, развивающиеся страны чаще привлекают заемные средства от китайских банков для реализации инфраструктурных проектов и проектов, связанных с добычей сырья. Российская экономика в последние десятилетия соответствовала паттерну развивающихся стран, привлекая кредиты от китайских государственных банков в развитие проектов в добывающих отраслях.

Изменение сложившейся ситуации и привлечение китайских инвестиций в высокотехнологичные отрасли — задача, далекая от своего решения. С одной стороны, китайские компании склонны инвестировать в сектор высоких технологий за рубежом, но чаще это делается для обеспечения переноса технологий в Китай. В России подобные инвестиции со стороны Китая едва ли желательны с точки зрения государственной безопасности: например, даже сохраняющаяся активность китайской Huawei в части инвестирования в российские исследовательские центры

³⁷ Фактчекинг: Россию исключили из программы широкофюзеляжного самолета CR929? HSE.RU. 17.07.2023. URL: <https://www.hse.ru/expertise/news/846967127.html> (дата обращения: 04.09.2024).

³⁸ «Очень чувствительная тема». Выпуск «китайской» Lada может сорваться. Газета.ru. 19.10.2023. URL: <https://www.gazeta.ru/auto/2023/10/19/17750371.shtml> (дата обращения: 04.09.2024).

³⁹ Ильюшенков Д. Китайская Chery рассчитывает до конца года выбрать место для сборки машин в России. Ведомости. 23.09.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2023/08/23/991433-kitayskaya-chery-rasschitivaet-do-kontsa-goda-vybrat-mesto-dlya-sborki-mashin-v-rossii> (дата обращения: 05.09.2024).

⁴⁰ Китайский партнер по «Арктик СПГ-2» решил приостановить дела в России. РБК. 21.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/06/2024/6674fe809a79471b664e613f> (дата обращения: 17.07.2024).

сталкивается с необходимостью избегать конфликта и конкуренции с российскими компаниями и органами государственной власти за кадровый состав⁴¹.

С другой стороны, после 2022 г. российский рынок открылся по отношению к китайским товарам: если прежде перспективы китайской продукции под китайскими брендами на российском рынке были сомнительны, то сейчас, при отсутствии альтернатив, российский рынок открыт для китайской продукции. Именно с этим связан возросший интерес китайских автопроизводителей к организации сборочных предприятий на территории России. Так, менеджмент Chery Automobile заявлял, что организация производства на территории страны выгодна, если объемы сбыта автомобилей той или иной компании превышают 50000 единиц в год. Занятие значительной доли российского рынка автомобилей компанией Chery позволило компании начать процесс поиска в России партнеров по организации сборки автомобилей на территории страны⁴². Китайская компания Hisense по мере расширения своего присутствия на российском рынке заявила о намерении открыть производство бытовой техники в России⁴³, появляются сообщения о локализации производств сельскохозяйственной техники из Китая в России⁴⁴. Речь идет о длительном процессе смены сложившихся в прежние годы инвестиционных паттернов — результат этого процесса, разумеется, не очевиден в силу сохраняющихся геополитических и санкционных рисков.

Литература

1. Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 58 (1). С. 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142
2. Российско-китайский диалог: модель 2023: доклад № 87 / 2023 [К.В. Бабаев, А.В. Кортунов, Фэн Юйцзюнь, Гао Цзисян и др.; под ред. Е.О. Карпинской, А.П. Александрова, П.В. Бакулиной и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД. 2023. 88 с.
3. Доклад «Россия – Китай, вызовы и решения экономического сотрудничества». Национальный координационный центр международного делового сотрудничества, Институт Китая и современной Азии РАН, Русско-азиатский деловой совет. 2024. URL: <https://aprcenter.ru/doklad-rossiya-kitaj-vyzovy-i-resheniya-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-prezentovan-v-ramkah-pmef/> (дата обращения: 02.09.2024).
4. Аресенин Е. Я обниму китайца: почему бизнес из Поднебесной не торопится на российский рынок недвижимости // Журнал CRE. 05.04.2024. URL: <https://cre.ru/news/94431> (дата обращения: 02.09.2024).
5. Цзоу С. Китайские инвестиции в Россию: состояние дел и перспективы // Современная научная мысль. 2021. №5. С. 199–205. URL: <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2021-5-199-205>
6. 鲁俊辉. «-带-路»背景下中国企业对俄罗斯农业投资的特点、变化及问题 // 对外经贸实务. 2020. № 7. С. 85–88. [Лу Ц. Характеристика, изменения и проблемы инвестиций

⁴¹ Новый В. Научный подход: Huawei продолжает работать и нанимать сотрудников в России. Forbes. 10.10.2023. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/497995-naucnyj-podhod-huawei-prodolzhaet-rabotat-i-nanimat-sotrudnikov-v-rossii> (дата обращения: 04.09.2024).

⁴² Ильющенков Д., Сунь Л.: «Сложившаяся на рынке ситуация дала нам шанс». Ведомости. 23.08.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/characters/2023/08/23/991421-slozhivshayasya-na-rynke-situatsiya-dala-nam-shans> (дата обращения: 04.09.2024).

⁴³ Hisense запустит производство бытовой техники в России. IXTB. 25.06.2023. URL: <https://www.ixbt.com/news/2023/07/25/hisense-zapustit-proizvodstvo-bytovoj-tehniki-v-rossii.html> (дата обращения: 01.09.2024).

⁴⁴ Тракторы Zoomlion планируют собирать на базе Башсельхозтехники. Главпхарь. 29.05.2023. URL: <https://glavpahar.ru/news/traktory-zoomlion-budut-sobirat-na-baze-bashselhoztehniki> (дата обращения: 04.09.2024).

- китайских предприятий в сельское хозяйство России в контексте проекта «Один пояс, один путь» // Практика внешней торговли. 2020. № 7. С. 85–88].
7. 霍继光、马险峰. 内蒙古边境地区赴俄资源类投资中遇到的问题及相关建议 // 俄罗斯研. 2021. № 2. С. 24–26 [Шень В., Яо Ш. Двусторонние инвестиционные соглашения России с точки зрения двойной игры: Эволюция и характеристика (1989–2020) // Российские исследования. 2021. № 2. С. 24–26].
 8. Вэй Ю. «Теории китайской угрозы» можно положить конец. Китайская дипломатия в новую эпоху. 08.04.2024. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2024-04/08/content_117110660.shtml (дата обращения: 04.09.2024).
 9. Yuckyung Yeo. China's Policy of "Going Out" 2.0: Ideas, Interests, and the Rise of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) // The Korean Journal of International Studies 16-3 (December 2018). P. 367–387. URL: <https://www.kjis.org/journal/view.html?uid=224&&vmd=Full> (дата обращения: 01.09.2024).
 10. Full Text of Jiang Zemin's Report at the 16th Party Congress. China Internet Information Center. URL: <http://www.china.org.cn/english/2002/Nov/49107.htm> (дата обращения: 02.09.2024).
 11. World Investment Report 2024. Investment facilitation and digital government. United Nations. 2024. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (дата обращения: 30.08.2024).
 12. Калашников Д. Б. Китай в международном движении капитала // Мировое и национальное хозяйство. 2020. Т. 53. №4. URL: https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-04/china-int-capital?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 30.08.2024).
 13. ЕС ввел пошлины в размере до 37,6% на электромобили из КНР. ТАСС. 04.06.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21274009> (дата обращения: 30.08.2024).
 14. Davis R., Felton R., Cheng S. To Avoid Hefty Tariffs, China's BYD Eyes U.S. Car Market Via Mexico. WSJ. 16.02.2024. URL: https://www.wsj.com/business/autos/chinese-ev-maker-byd-exploring-mexico-factory-as-entry-to-u-s-market-411360fa?reflink=desktopwebshare_permalink (дата обращения: 30.08.2024).
 15. Gregor S. In the driver's seat: China's electric vehicle makers target Europe. MERICS. 01.09.2021. URL: <https://merics.org/en/report/drivers-seat-chinas-electric-vehicle-makers-target-europe> (дата обращения: 02.09.2024).
 16. Robinson Q., Featherston R. Assessing the United States' Solar Power Play. CSIS. 01.07.2024. URL: <https://www.csis.org/analysis/assessing-united-states-solar-power-play> (дата обращения: 02.09.2024).
 17. Overview of China outbound investment of 2023. Non-financial ODI experienced rapid growth, while China overseas M&A value achieved growth with notable increase in large transactions. EY China Overseas Investment Network. 05.02.2024. English version. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_cn/topics/coin/ey-overview-of-china-outbound-investment-of-2023-bilingual.pdf (дата обращения: 02.09.2024).
 18. China Global Investment Tracker. American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (дата обращения: 02.08.2024).
 19. Does China Dominate Global Investment? CHINA POWER PROJECT. Center for Strategic and International Studies. URL: <https://chinapower.csis.org/china-foreign-direct-investment/> (дата обращения: 02.09.2024).
 20. Тураева М. О., Глинкина С. П., Яковлев А. А. Каналы проникновения китайского капитала в республики Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс - один путь» // Journal of new economy. 2018. №4. С. 64–78.
 21. China's Global Investments: Data and Transparency Challenges. Report to Congress on China's Global Investment. The Congressional Research Service (CRS). 22.02.2024. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF12035.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).
 22. What Are the Policy Banks China Uses to Spur Economy?. Bloomberg. 30.06.2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-06-30/what-are-the-policy-banks-china-uses-to-spur-economy-quicktake> (дата обращения: 02.09.2024).
 23. Gelpern A., Horn S., Morris S., Parks B., Trebesch C. How China Lends: A Rare Look into 100 Debt Contracts with Foreign Governments. Peterson Institute for International Economics, Kiel Institute for the World Economy, Center for Global Development, and Aid Data at William & Mary, 2021.

24. *Horn S., Reinhart C., Trebesch Ch.* China's overseas lending // Journal of International Economics. 2021. Vol. 133. 103539, ISSN 0022-1996. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2021.103539> (дата обращения: 02.09.2024).
25. *Horn S., Reinhart C., Christoph T.* China's Overseas Lending. Kiel working Paper No. 2132. June 2019. URL: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/IfW-Publications/Christoph_Trebesch/KWP_2132.pdf (дата обращения: 02.09.2024).
26. 2022 Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. MINISTRY OF COMMERCE, PRC. URL: https://cif.mofcom.gov.cn/cif/html/upload/20231009140131502_2022年度中国对外直接投资统计公报.pdf (дата обращения: 02.09.2024).
27. *Malik A., Parks B., Russell B., Lin J., Walsh K., Solomon K., Zhang S., Elston T., Goodman S.* Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects. Williamsburg, VA: Aid Data at William & Mary, 2021.
28. *Козлов А.* РФПИ расширяет взаимодействие с Китаем // Ведомости. 15.05.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/05/15/1037135-rfpi-rasshiryet-vzaimodestvie-s-kitaem> (дата обращения: 02.09.2024).
29. *Кашин В.Б., Янькова А.Д.* Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем: глубинные препятствия развития // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 41–55. <https://doi.org/10.31857/S013128120021444-9>
30. *Артюшенко Ф.Л.* Сработать на опережение: как России развивать сотрудничество с Китаем. Проектно-учебная лаборатория экономической журналистики. 22.12.2023. URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/881979148.html> (дата обращения: 30.08.2024).
31. *Волынский А.И., Абашина А.Д.* Российско-китайская торговля рыбной продукцией: тренды, проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. No 4. Ч. 3. С. 347–357. URL: <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2023-4-347-357>.

Andrey Volinsky (e-mail: volinskii_ai@inecon.ru)

Research Fellow, Institute of Economics (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

Maria Kruglova (e-mail: mashakruglova999@gmail.com)

Ph.D. in History, Associate Professor, Senior Research Fellow,

Institute of Economics (RAS)

(Moscow, Russian Federation)

CHINESE INVESTMENTS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF CHINA'S FOREIGN ECONOMIC STRATEGY

The article analyzes the problem of Chinese investments in the Russian economy. Despite the intensive development of Russian-Chinese trade and economic relations, which is especially characteristic of the last two years, the development of investment cooperation between the countries lags significantly behind other areas of interaction. The problem of the low level of investment by Chinese companies in the Russian economy is considered in the context of the PRC's foreign economic strategy; it is shown that the Russian economy mainly attracts Chinese investors seeking natural resources. However, there is a reason to assume a change in the existing paradigm in the perception of the Russian economy.

Keywords: Russian-Chinese trade and economic cooperation, investments, foreign direct investment, turn to the East.

DOI: 10.31857/S0207367624090042, **EDN:** AMJNGA

© 2024

УДК: 339.982

Дарья Динец

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Финансы и кредит экономического факультета ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: dinets_da@pfur.ru)

ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МОНГОЛИИ

Статья посвящена оценке текущего состояния развития транспортно-логистической инфраструктуры Монголии. Проведенный анализ носит дескриптивный характер и нацелен на выявление неоднозначных тенденций развития транспортно-логистической инфраструктуры Монголии. Кроме того, в результате проведенной работы, основанной на оценке официальных данных, мнений экспертов о развитии экономики Монголии, а также личных наблюдений автора, сделаны практические выводы о несоответствии направлений развития международного инвестиционного сотрудничества в исследуемой области задачам развития транспортно-логистической инфраструктуры Монголии и тем задачам, которые стоят перед институциональной средой страны. Полученные выводы носят методологический и прикладной характер.

Ключевые слова: экономика Монголии, транспорт Монголии, международная торговля Монголии, политика «Третьего соседа».

DOI: 10.31857/S0207367624090054, **EDN:** AMJEUK

Экономика Монголии сегодня характеризуется в большей степени в терминах последствий тех решений, которые ранее были приняты самой страной, а также ее соседями:

— смешение стилей, религий, культурных и архитектурных решений, особенно заметное при сравнении Улан-Батора с отдаленными аймаками, а также в самой столице: в центре города рядом с дворцами культуры советского типа высятся небоскребы из стекла и бетона. С точки зрения экономиста, это может восприниматься, как зримое выражение стихийности перемен и неоднозначности принимаемых решений в процессе резкого разрушения институтов, оставшихся в наследство после потери тесной связи с Советским Союзом, при фактическом отсутствии институтов современного капитализма (несмотря на наличие некоторых его внешних атрибутов) [1];

— несоответствие инфраструктуры как потребностям, так и возможностям экономики. Улан-Батор, будучи самым густонаселенным городом страны, постоянно страдает от чудовищных пробок, захлебываясь в потоке автомобилей — грузовых и легковых; железнодорожный пограничный переход между Монголией и Китаем, являющийся «узким местом» на пути расширения внешней торговли Монголии и примечательной разницей в ширине железнодорожной колеи, а также резким контрастом между уровнем развития инфраструктуры в той и другой стране.

Если рассмотреть эти характеристики более пристально, учитывая в том числе и геоэкономические интересы России, то может сложиться еще более противоречивая картина развития современной Монголии, как с точки зрения

задач развития экономики страны, так и с точки зрения вовлеченности в международные цепочки добавленной стоимости.

В частности, Монголия характеризуется некоей непоследовательностью принимаемых решений по отношению к антироссийским санкциям. Несмотря на формальный нейтралитет, монгольские банки не осуществляют операций, даже обменных, с российской валютой. Международные официальные переводы также не осуществляются, однако обмен наличности фактически производится в полулегальных пунктах в неограниченных объемах. При этом следует понимать, что одним из системообразующих промышленных звеньев монгольской экономики все еще остается Улан-Баторская железная дорога — дочерняя компания ОАО «РЖД» (50% +1 акция). Взаимодействие с северным соседом для Монголии принципиально привлекательно также и в свете энергетических и других инфраструктурных проектов. В связи с этим возникает ряд вопросов [1].

Инфраструктура УБЖД крайне изношена, требует модернизации как с точки зрения путевого развития, так и с позиции интеграции ее в проектируемую сеть монгольских железных дорог, активно развиваемых другими геостратегическими партнерами страны: Южной Кореей, Китаем, Японией, Сингапуром — это означает потребность в инвестициях в системы сигнализации, централизации и блокировки, в системы управления движением поездов, в энергетику и связь. При этом УБЖД, являясь дорогой, ориентированной изначально на перевозку насыпных грузов в полувагонах (самые низкомаржинальные грузы с точки зрения цен на перевозки), и будучи искусственно переориентированной на перевозку контейнеров для удобства их переноса на границе с Китаем на подвижной состав, предназначенный для более узкой колеи, фактически не имеет собственных инвестиционных ресурсов. Дорога убыточна по определению и с точки зрения той социальной роли, которую она играет, и с точки зрения типов перевозимых грузов, и с учетом потребностей развития инфраструктуры, которая оказывает влияние на объемы работы и среднюю скорость доставки грузов. В связи с этим возникает вопрос, каким образом планируется привлекать финансовые ресурсы ОАО «РЖД», в частности анонсированное в 2023 г. увеличение уставного капитала УБЖД на 2 млрд руб., если официальные каналы финансового обмена с Россией ей недоступны. УБЖД не имеет и не может иметь собственных инвестиционных ресурсов для устранения действующих лимитирующих условий развития инфраструктуры, а вовлекать инвесторов из третьих стран без согласия ОАО «РЖД» юридически и с точки зрения обеспечения национальной безопасности не представляется возможным и целесообразным.

Экстраполируя данную ситуацию на монгольскую экономику в целом, можно предположить, что подобные противоречия разрешаются формально, что приводит фактически к построению нового типа бюрократии. Ряд отчетов международных институтов, например Всемирного банка, ВТО, МВФ, посвященных Монголии, активно хвалит политику за устранение барьеров на пути демократии и построения свободного общества, достижения целей устойчивого развития и т.д. На поверку большинство подобных достижений являются чисто формальными; для иностранных игроков они упрощают вход на монгольский рынок, а монгольскому государству вредят, фактически приводя к усилению экономики коррупции и ослаблению попыток развития индустриальной экономики.

Возвратимся к примеру УБЖД [2]: формальное упрощение процедур входа на монгольский рынок для иностранных капиталов привело к тому, что в разных частях Монголии, в соответствии с интересами зарубежных инвесторов, реализуются слабо связанные между собой проекты развития транспортной инфраструктуры для конкретного вида добываемого сырья: руды, угля, плавикового шпата, золота. При этом проекты, реализуемые с китайской поддержкой, должны быть интегрированы в повестку «Пояса и пути» для обеспечения запасных пропускных и провозных возможностей для китайского экспорта товаров в контейнерах. Иными словами, существует ряд целей, специфических для каждого конкретного проекта развития инфраструктуры, но не учитывающих потребности развития экономики Монголии и ее выхода из институциональной ловушки.

В частности, нашумевшее открытие в 2022 г. новой железнодорожной линии Тавантолгой—Гашуунсухайт — это железная дорога от каменноугольного месторождения, часть железнодорожных путей соответствует циклу обогащения руды (Арцсуурь—Нарийнсухайт и Шивээхурэн, Чойбалсан—Хоот—Бичигт и т.д.). Все эти проекты ориентированы на продолжение практики вывоза природных ресурсов, истощения ресурсной базы, усиления износа инфраструктуры, роста бюрократической и коррупционной надстройки над процессами присвоения результатов эксплуатации природных ресурсов Монголии, но никоим образом не на структурные изменения на пользу монгольскому обществу.

Получаем один из классических примеров наличия крайнего неравенства в обществе, за счет того что предписания международных финансовых институтов сводятся к построению благоприятного инвестиционного климата в духе *doing business*, а именно к сокращению времени на регистрацию бизнеса, упрощению разрешительной деятельности, сокращению числа недовольных, обеспечению гендерного равенства в численности гражданских служащих и прочих в целом не абсолютно бесполезных предписаний, но при отсутствии четкой программы действий, приводящих к бюрократическому подходу к выполнению установленных показателей ради самих показателей, а не для развития реальной производственной базы страны.

Противоречия такого рода могут привести только к негативным в целом последствиям для монгольской экономики, а также для потенциала российско-монгольского сотрудничества. В частности, перед монгольской экономикой стоят задачи расширения рынков сбыта, диверсификации продукции и производств, более равномерного использования географического потенциала страны.

К примеру, по данным Всемирного банка, степень диверсификации активов в распоряжении монгольской экономики составляет порядка 0,4 (из 1), тогда как диверсификация производимых продуктов оценена в 0,2¹. При этом следует понимать, что активы, которыми располагают резиденты монгольской экономики, отчасти представляют собой наследие советской эпохи, а отчасти — результат соглашений с Китаем и «Третьим соседом». В частности, свободная торговля с Японией приводит к тому, что в Монголии на крайне выгодных условиях можно приобрести поддержанные японские автомобили и погрузочную технику, что, как

¹ URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099122923235632685/pdf/P17967910273eb-0291bc5713261695a6599.pdf>.

представляется, стало не последней причиной печально известных улан-баторских пробок. Однако вместо строительства надежной сети наземного скоростного пассажирского железнодорожного транспорта для столиц (действующей и проектируемой) и их пригородов сооружаются и поощряются железные дороги для связи угольных месторождений.

Иначе говоря, действующая система, ориентированная на частное обогащение и формальное исполнение предписаний «Третьего соседа», создает структуру, более неэффективную по своей природе, чем морально и физически устаревшие мощности Улан-Баторской железной дороги.

В этом контексте необходимо отметить и социальную сторону реализуемых инвестиций. Для управления развивающейся ныне сетью железных дорог решением правительства создан Единый центр управления движением. Сами по себе подобные центры не являются чем-то экстраординарным, они обеспечивают некоторую скоординированность и единство диспетчеризации перевозочного процесса сети железных дорог. В настоящее время Центр уже функционирует, но на полную проектную мощность пока не вышел, ввиду того что не все железные дороги фактически построены. Обращает на себя внимание кадровый состав Центра: большую часть его работников представляют специалисты IT-сферы, тогда как в номенклатуре инженеров железнодорожного транспорта имеется специальность «Управление движением поездов», специально предназначенная для овладения навыками эффективной диспетчеризации. Следует сказать, что в России, несмотря на автоматизацию процессов управления движением, студенты по-прежнему обучаются этой специальности 5 лет. Монгольский центр управления движением приглашает магистров в области IT для работы в названном Центре.

В самой Монголии отсутствуют информационные и цифровые технологии уровня, достаточного для полной автоматизации процессов управления движением поездов, полная передача этого функционала зарубежным вендорам — это серьезная угроза безопасности государства; возможность перехода всего штата диспетчеров УБЖД в штат Единого центра для обеспечения управления всей проектируемой сетью железных дорог Монголии — это риск с точки зрения российско-монгольских отношений в сфере развития инфраструктуры, сложности в сопряжении работы на российско-монгольской границе. Кроме того, кадровый ресурс УБЖД на сегодняшний день недостаточен даже для обеспечения нужд одной железной дороги, и сложно представить себе возможность координации работы пяти дорог. Этот пример в очередной раз доказывает формальность проводимых реформ и несоответствие их реальным задачам реструктуризации монгольской экономики. С формальной точки зрения система единой диспетчеризации признана наиболее эффективной схемой координации работы нескольких перевозчиков и владельцев инфраструктуры. Однако реальные условия для достижения этой эффективности остались за скобками проводимых реформ: равномерность пропускной способности, единые требования к инфраструктуре и подвижному составу, наличие способов обхода наиболее грузонапряженных участков и т.д.

Итогом таких неравномерных тенденций развития транспортно-логистической инфраструктуры Монголии становится крайне высокая стоимость потерь при попытке реализации любой меры, направленной на структурную трансформацию.

В подтверждение тезиса о высокой стоимости потерь можно привести еще один весьма показательный пример: цены на ввозимые из Китая продукты питания, например овощи и фрукты. Низкая эффективность логистики применительно к ввозу продукции южного соседа отражается в высоких ценах на базовое продовольствие для монгольских потребителей, тогда как затраты на транспортировку товаров из Японии, с которой у Монголии нет границ, не в пример ниже. Иными словами, выгоды и потери Монголии от трансграничной торговли напрямую зависят от готовности торгового партнера вкладывать средства в развитие соответствующей логистической инфраструктуры.

Развитие логистической инфраструктуры Монголии в целом соответствует описанной логике: складские мощности, средства коммуникации ориентированы на достижение интересов торговых партнеров Монголии: так, китайский терминально-складской комплекс на границе с Монголией обеспечен перевалочными мощностями для грузов в контейнерах для удобства смены железнодорожной колеи, тогда как фактически в нем отсутствуют необходимые мощности для эффективной перевалки и хранения продуктов питания, в импорте которых по более приемлемым ценам заинтересована Монголия. Кроме того, обслуживание контейнерных составов под давлением требований приграничной инфраструктуры Китая приводит к росту затрат монгольской стороны. Также следует отметить, что логистическая инфраструктура, навязываемая третьими странами, не учитывает интересов Монголии в области продовольственной безопасности и развития национальной промышленности внутри страны: партнеры Монголии не испытывают потребности в развитии инфраструктуры для хранения стратегически важных для Монголии продуктов, а в большей степени ориентированы на то, чтобы монгольские потребители закупали товары промышленного экспорта развитых стран и обеспечивали ритмичные поставки насыпных грузов. При этом промышленный потенциал Монголии требует интегрированной логистики, позволяющей объединять малотоннажные отправки грузов с ограниченным сроком годности и сложными условиями хранения. Для этого необходимы распределяющие логистические мощности, снабженные специальным складским оборудованием для хранения продукции сельского хозяйства, текстильной и кожевенной промышленности с возможностями хабового перераспределения логистических потоков для обеспечения как внутреннего потребления, так и экспорта готовой продукции.

Развитие воздушного сообщения, и в том числе – аэропортовых мощностей, выгодно для Японии, инвестирующей в этот процесс серьезные ресурсы, тогда как развитие автомобильного и железнодорожного сообщения, обеспечивающего продовольственную безопасность государства, неинтересно торговым партнерам, в связи с чем возникают серьезные перебои с поставками продовольствия, а цены включают в себя колоссальную транспортную надбавку, являющуюся прямыми потерями для монгольской стороны.

Для иллюстрации этого примера можно обратиться к графикам доходов и расходов Монголии от оказания транспортных услуг во внешней торговле, по данным сервиса Statista (рис. 1, 2).

Соотношение между доходами и расходами составляет более чем 10 раз в пользу расходов, что, разумеется, не может быть свидетельством эффективно налаженной

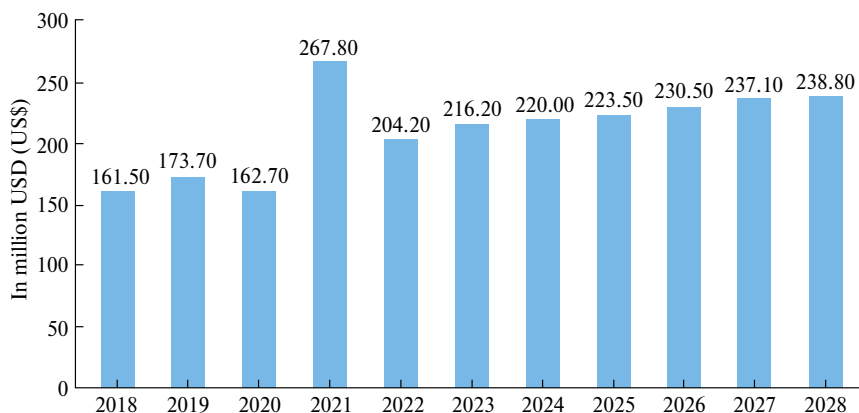

Рис. 1. Прогноз динамики доходов Монголии от оказания транспортных услуг, млн долл.

Источник: URL: <https://www.statista.com/outlook/mmo/third-party-logistics-3pl/mongolia#revenue> (дата обращения: 20.05.2024).

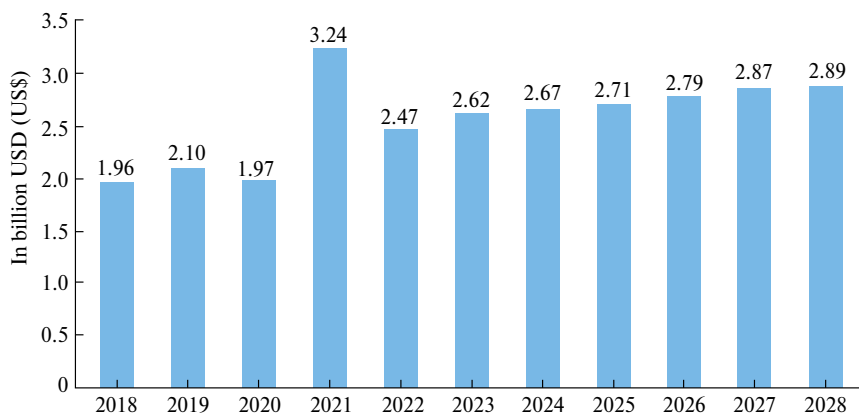

Рис. 2. Прогноз динамики расходов Монголии от оказания транспортных услуг, млрд долл.

Источник: URL: <https://www.statista.com/outlook/mmo/third-party-logistics-3pl/mongolia#logistics-cost> (дата обращения: 20.05.2024).

логистики. Более того, такая ситуация говорит не о логистике как таковой — вопрос в неравномерности торговых отношений Монголии с третьими странами, а также о явном перекосе выгод от внешней торговли в пользу партнеров Монголии. Еще более пагубным следствием можно считать и противоречия в развитии внутреннего транспортного рынка страны, возникающие в результате проводимой политики, что подтачивает нарождающийся промышленный потенциал и экономическую безопасность Монголии.

Уже упомянутые противоречия в развитии транспортной инфраструктуры и их направленность на решение задач, которые внешние инвесторы ставят перед Монголией, происходит в ущерб развитию собственного промышленного и торгового потенциала. Монголия имеет возможности для развития и внешней экспансии сельскохозяйственных производителей. Одной из специфических характеристик сельского хозяйства Монголии можно считать крайне низкую степень интеграции производителей: пастбища и фермы являются частными

небольшими предприятиями либо индивидуальными хозяйствами, сложившимися исторически на местах своего пребывания. Для того чтобы накопленный потенциал производства сельскохозяйственной продукции направить как на развитие собственного рынка, так и на развитие глубокой переработки и продажи на внешних рынках, необходима соответствующая сельскохозяйственная и транспортная инфраструктура. Для этого должны быть организованы некие подобия кооперативов, способных закупать сельскохозяйственное сырье у мелких частных производителей, обеспечивать обработку, хранение, переработку и транспортировку на рынки сбыта. Фактически подобного рода институты отсутствуют и в целом не приветствуются как факторы возникновения монополии, порицаемой международными финансовыми организациями. В итоге возникают как пресловутые потери, обуславливающие неэффективность всей системы сельскохозяйственного производства, так и реальные источники монополии в виде преобразованных и захваченных в процессе стихийного перехода к рынку редких сельхозпредприятий, устанавливающих невыгодные цены для производителей. Такие предприятия обычно имеют недостаточные мощности для наращивания промышленного потенциала и, самое главное, ввиду установления монопольных цен не испытывают потребности в усовершенствовании своих производственных мощностей и получения положительного эффекта масштаба.

То же самое можно сказать и о производстве кашемира. Производственный цикл изделий из кашемира довольно капиталоемок, если речь идет о производстве готовых изделий, поэтому экспортируется по большей части сырье, тогда как на рынке готовых изделий главенствует гигант GOBI, привлекающий международные капиталы и высокооплачиваемую рабочую силу. На сегодняшний день крайне низка вероятность возникновения альтернативы GOBI на рынке изделий из кашемира Монголии: небольшие кустарные производства не имеют ресурсов для того, чтобы навязать этому гиганту конкурентную борьбу, что выражается в крайне высоких ценах на готовые изделия из кашемира для потребителей внутри Монголии.

Можно уловить определенную зависимость. Неразвитость институтов, возникающая из-за противоречий соседей Монголии и их инвестиционного потенциала и способности тратить деньги в этой стране для решения собственных задач, ведет к несогласованности и формальности проводимых в стране реформ, что, в свою очередь, ведет к росту бюрократического аппарата. Для развития монгольской экономики последнее чревато постоянными подменами программных решений — проектными; повсеместный примат проектного подхода при потребности в капитальных вложениях определяет завышенные требования к окупаемости вложений, что приводит к потере возможностей для решения задач диверсификации экономики — задач, которые должны решаться программно.

Низкий уровень диверсификации воспроизводится постоянно за счет реализуемых проектов, в том числе транспортно-логистических. Ориентация на проекты сырьевой направленности, а также на проекты диверсификации торговых и геополитических каналов влияния соседей (главным образом — «третьего соседа») за счет Монголии, приводит к росту неравенства в доходах, ресурсах, политическом влиянии. Все это поддерживает низкую диверсификацию через

механизм неравенства: иллюзия капитализма, создаваемая риторикой международных финансовых институтов, приводит к расслоению в обществе за счет высокой разницы в возможности выбирать место работы, место жительства, место получения образования. Наслоение бюрократического аппарата приводит к практически полной невозможности изменений в структуре производства, определенной направлениями инвестиций, в том числе иностранных.

Отсутствие выхода к морю также является фактором, подавляющим возможности независимого развития монгольских отраслей промышленности, помимо сырьевых. Зависимость в каналах поставки на внешние рынки определяет и зависимость от транспортных средств для перемещения грузов. И хотя Монголия имеет офшорный морской флот, его развитие мало способствует налаживанию устойчивых торговых цепочек с третьими странами независимо от воли «соседей» [2].

Зависимость Монголии в определении внутренней политики является одновременно локальной и глобальной. Локальная зависимость состоит в конкуренции за использование пропускной способности. На сегодняшний день поистине трансмонгольской является только УБЖД, строящиеся и построенные новые железнодорожные линии соединяют лишь регионы в рамках цикла обработки и транспортировки ресурсов. Использование мощностей УБЖД при имеющихся инфраструктурных ограничениях нельзя назвать конкурентным: в основном, дорога используется для транзита китайских грузов экспорта сырья. Это определяет локальную зависимость промышленного развития страны от транспортно-логистической инфраструктуры. Говоря о глобальной зависимости, следует понимать зависимость от условий, на которых предоставляются инвестиции в развитие тех или иных отраслей экономики Монголии. Условия эти касаются и Вашингтонского консенсуса, и тех формальных признаков, которые отмечены выше: изменение условий заявительной деятельности, свобода входа на монгольские рынки, отношение к антироссийским санкциям, которые формально не поддержаны, но фактически ограничивают российский бизнес в Монголии. Таким образом, Монголия зависима в проводимой политике как от внутренних институциональных противоречий, так и от геополитической повестки дня.

Транспортно-логистические потоки, сегодня опосредующие торговлю Монголии, не соответствуют направлениям финансовых потоков. Ограничения в финансовом обращении с Россией добавили остроты таким противоречиям. Транспортно-логистические потоки из Монголии в Китай имеют высокий уровень износа инфраструктуры, что способствует отложенному эффекту роста транспортных расходов. Логистические потоки из третьих стран представляют собой транспортировку более легких грузов, оказывающих менее деструктивное влияние на развитие инфраструктуры, однако потенциал таких перевозок с точки зрения влияния на цены ограничен ценовой политикой третьих стран и теми международными обязательствами, которые взяла на себя Монголия в части упрощенного доступа иностранных компаний на монгольские рынки. Таким образом, суммируя отложенный эффект возросшей амортизации и неконкурентных цен на продукцию собственного производства, мы получаем глобальный скрытый вывоз ресурсов из страны в силу неразвитости институтов, обеспечивающих векторы транспортного развития.

Сказанное в совокупности не означает невозможности позитивных перемен как для развития торговли и транспорта Монголии, так и для интенсивного российско-монгольского сотрудничества. Однако для реализации подобной повестки необходим плавный пересмотр совокупного эффекта от проводимых реформ и реализуемых проектов. Во-первых, и это актуально в том числе и для российских инфраструктурных проектов, следует четко ограничить область применения проектного подхода к решению тех или иных задач, в первую очередь — развития транспортной инфраструктуры [3]. Во-вторых, следует на этапе становления приоритетных отраслей (например, сельского хозяйства, текстильной промышленности) создать институты промышленной кооперации, в том числе международной — на паритетных началах. Речь не идет о возникновении монополистов в сбыте и логистике, речь идет именно о производительной интеграции для получения положительного эффекта масштаба, способного сообщить импульс развития мелким индивидуальным хозяйствам. В-третьих, пересмотра требует инвестиционная программа развития УБЖД. Освоение параллельных и сопутствующих маршрутов за счет средств внешних инвесторов не противоречит идее развития инфраструктурного комплекса трансмонгольской магистрали — на сегодняшний день только эта сеть при наличии подвижного состава нужных типов может в кратчайшие сроки обеспечить необходимый задел для диверсификации монгольской экономики. В-четвертых, бюрократический аппарат реализации экономических реформ должен быть умеренно сокращен и нацелен не на достижение внешних КРІ, а на рост объемных показателей и сокращение уровня внутренних структурных цен.

Применительно к последнему следует обратить внимание и на денежно-кредитную и бюджетную политику Монголии. Навязанная бюджетная консолидация и таргетирование инфляции при независимости денежного регулятора — это меры, которые теоретически могут сработать при более широком среднем классе и более высоком уровне доходов рядового населения. В условиях же, сложившихся в монгольской экономике на сегодня, такие меры усиливают неравенство доходов за счет инфляционного налога и принципиально разных возможностей разных децилей трудоспособного населения. Иными словами, условия Вашингтонского консенсуса, жестко применяемые к странам-получателям помощи МВФ и других институтов развития, приводят только к усугублению эксплуатации природных и человеческих ресурсов страны, низкой ликвидности бюджетных расходов и слабости банковской системы и финансового рынка.

Перечисленные проблемы и векторы решений, которые потенциально могут быть направлены на исправление ситуации, зависят как от политической воли, так и от возрастающей зависимости Монголии от прямых иностранных инвестиций: ценовые перекосы предопределяют постоянный рост потребности в финансовых ресурсах, что в случае консолидации бюджетных трат усиливает зависимость от внешних средств, а следовательно — от внешних источников финансирования. Как бы то ни было, транспортные издержки ложатся на монгольских производителей и потребителей, а последние нуждаются в бюджетных расходах для обеспечения покупательной способности в условиях импортированной и внутренней структурной инфляции. Круг замыкается, и без развития институтов,

направленных на поддержку торговли и кооперации, сложно ожидать помощи в выходе из сложившейся ситуации извне.

Литература

1. *Мигранян А.А., Динец Д.А.* Векторы российско-монгольского сотрудничества // Геоэкономика энергетики. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). 2023. Т. 24. С. 55–76.
2. *Грайворонский В.В.* Китайский мегапроект «Экономический пояс Шелкового пути»: место и роль Монголии // Восточная аналитика. 2018. № 3. С. 49–59.
3. *Егоров В.Г., Белоногова А.А.* Российско-монгольские отношения: новый этап // Геоэкономика энергетики. 2024. Т. 25. № 1. С. 61–79.

Daria Dinets (e-mail: dinets_da@pfur.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Head of the Department of Finance and Credit,

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

(Moscow, Russian Federation)

CONTRADICTIONS IN THE DEVELOPMENT OF TRANSPORT AND LOGISTICS INFRASTRUCTURE OF MONGOLIA

The article is devoted to the assessment of the current state of development of transport and logistics infrastructure of Mongolia. The analysis is descriptive and aimed at identifying ambiguous trends in the development of transport and logistics infrastructure of Mongolia. In addition, as a result of the work carried out, based on the assessment of official data, expert opinions on the development of the economy of Mongolia, as well as personal observations of the author, practical conclusions are made about the discrepancy between the directions of development of international investment cooperation in the studied area and the need for developing transport and logistics infrastructure in Mongolia and for improving the institutional environment. The findings are methodological and applied in nature.

Keywords: economy of Mongolia, transport of Mongolia, international trade of Mongolia, “Third Neighbor” policy.

DOI: 10.31857/S0207367624090054, **EDN:** AMJEUK

© 2024

УДК: 339.97

Ксения Дармина

аспирант экономического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: shilinaks@yandex.ru)

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ГЕРМАНИИ

В статье рассматриваются направления развития цифровых технологий в промышленном секторе Германии. Цель настоящей статьи – определить уровень цифровизации отраслей и регионов страны. В качестве основных методов при изучении отраслей и структуры экономики использован абстрактно-логический метод; при изучении технологий и регионов, в которых наиболее или наименее активна цифровизация – сравнительный анализ. Системный анализ применен при изучении технологий и влияния цифровизации на развитие экономики Германии в целом.

В работе исследованы отрасли, которые активнее всего использовали мероприятия по цифровизации, и определены отрасли, которые по цифровизации отстают. В статье представлены основные практики и мероприятия по цифровизации, позволяющие улучшить экономическую ситуацию в Германии. Также проанализированы регионы по степени цифровизации и проведен анализ динамики ВВП и влияния цифровизации на экономический рост в стране.

В результате рассмотрены основные тенденции цифровизации, которые сказываются на структурных изменениях в экономике Германии. Определено, что экономика страны находится в стабильном, но слабо растущем состоянии на фоне нестабильности мировых рынков сбыта и повышения общемировой инфляции.

Ключевые слова: экономика Германии, цифровизация, народное хозяйство, государственное регулирование, ФРГ.

DOI: 10.31857/S0207367624090067, **EDN:** AMDWHI

Введение. Изменения в структуре экономики Германии происходят в условиях ее цифровизации. Для определения уровня цифровизации используются такие показатели, как распространение Интернета, доля использования мобильных устройств, частота использования «больших данных» и искусственного интеллекта (ИИ), доля внедрения и интеграции «электронного правительства», а также степень кибербезопасности в стране.

Актуальность темы обусловлена тем, что после 2020 г. в результате пандемии экономика Германии перешла в фазу активной цифровизации, а в 2023 г. на фоне общемировой нестабильности регионы Германии значительно изменили показатели экономики за счет замедления темпов цифровизации из-за общемирового роста цен на сырье, на оборудование и обслуживание мероприятий по цифровизации.

В связи с этим необходимо определить, какие отрасли в разных федеральных землях Германии активнее всего проводят мероприятия по цифровизации, какие технологии и практики в регионах Германии применяются за счет цифровизации.

В настоящее время вопросам цифровизации посвящены труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов и специалистов-практиков, таких как

В. Зубенко¹, В. Белов², Е. Пашук³, Л. Тарарышкина, Я. Рымкевич⁴, С. Толкачев⁵, Д. Морковкин, Е. Ботеновская⁶ и многих других, Вопросы цифровизации мировой экономической системы, и в частности экономики Германии, отражены в трудах немецких экономистов К. Шваба, Х. Кагерманна, В. Люкаса и В. Вальстера. Актуальность темы указывает на необходимость продолжения дальнейших исследований. При подготовке данного исследования было выявлено, что в материалах отечественных и зарубежных ученых не приводится современного анализа отраслей и регионов Германии на основе материалов немецких статистических сборников и публикаций аналитических материалов и исследований в стране. В этом, по мнению автора, заключается уникальность данного исследования.

Таким образом, цель данной статьи — определить уровень цифровизации ведущих отраслей и федеральных земель Германии.

Задачи для достижения цели:

- 1) выявить наиболее широко применяемые в Германии цифровые технологии и практики;
- 2) определить отрасли с наиболее активным процессом цифровизации в разных федеральных землях Германии;
- 3) провести анализ динамики ВВП и влияния цифровизации на экономический рост в стране.

Материалы и методы. В статье используются государственные федеральные статистические ресурсы, исследования отечественных и немецких ученых, а также актуальные отчеты ведомственных учреждений по федеральным землям.

Абстрактно-логический научный метод применен для изучения отраслей и структуры экономики, сравнительный анализ использован для сопоставления регионов по интенсивности процессов цифровизации, системный анализ применен при изучении технологий и влияния цифровизации на развитие экономики Германии в целом.

Результаты и обсуждение. С 2022 г. Германия расширила долю государственных онлайн-услуг, число которых к 2024 г. должно было достичь более пятисот. Однако к началу 2024 г. число государственных онлайн-услуг не превысило 150 единиц [3].

Немецкие исследования подтверждают неясность перспектив выполнения требований OZG (германского Закона о доступе в Интернет, принятого в 2021 г.

¹ В.А. Зубенко. Цифровая трансформация экономики Германии. Статья в сборнике трудов конференции. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Казахстанского филиала Московского университета. Нур-Султан, 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46551617>

² В. Белов. Цифровая повестка российско-германской хозяйственной кооперации // Современная Европа. 2018. № 2. С. 120–128. URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22018120128>

³ Е.А. Пашук, Л.И. Тарарышкина. Опыт Германии в цифровой трансформации экономики. Белорусский государственный университет. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/287647/1/280-286.pdf>

⁴ Я.А. Рымкевич. Основные направления цифровой трансформации в Федеративной Республике Германия // Образование и право № 7. 2023. URL: <http://dx.doi.org/10.24412/2076-1503-2023-7-417-422>

⁵ С.А. Толкачев, Д.Е. Морковкин. Тренды цифровизации обрабатывающих отраслей промышленности Германии и России // Труды ВЭО России, 218 том. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trendy-tsifrovizatsii-obrabatyvayushih-otrasley-promyshlennosti-germanii-i-rossii>

⁶ Е. Ботеновская, Д. Наумова. Дигитализация экономики Германии // Журнал международного права и международных отношений, 2020. № 1–2 (92–93). С. 97–105. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2020-1-2/2020-1-2-botenovskayanaumova>

и имеющего целью улучшение качества государственных услуг для населения). Кроме того, к концу года возможно введение европейского «Регламента о едином цифровом шлюзе» (SDGVO), предусматривающего единый цифровой доступ к государственным услугам во всему ЕС [3, 4].

Региональные сопоставления показывают, что оказание государственных онлайн-услуг больше всего развито в Баварии, Гамбурге, Гессене и Берлине. Средний темп прироста услуг составил +20 услуг, т.е. за год данные регионы прибавили около 20 государственных услуг в формате онлайн [3]. В соответствии с этим можно сказать, что названные четыре федеральные земли являются наиболее активными в Германии, они же задают тренды для других территорий.

При изучении отраслей используется так называемый индекс цифровизации. В Германии можно увидеть, что наибольший рост индекса был достигнут в таких отраслях, как электроника и машиностроение, информационные технологии, обрабатывающая промышленность, а также предоставление корпоративных услуг. Динамика роста индекса отраслей с 2020 по 2023 г. представлена ниже (рис. 1).

Изменения индекса демонстрируют рост ИТ-отрасли, а также машиностроения, поскольку в Германии продолжает успешно развиваться машиностроительная отрасль. Продукция данной отрасли успешно экспортируется в страны Европейского союза. Однако в динамике можно отметить, что присутствует общее замедление цифровизации в отраслях туризма, поставщиков корпоративных услуг, электроники и машиностроения.

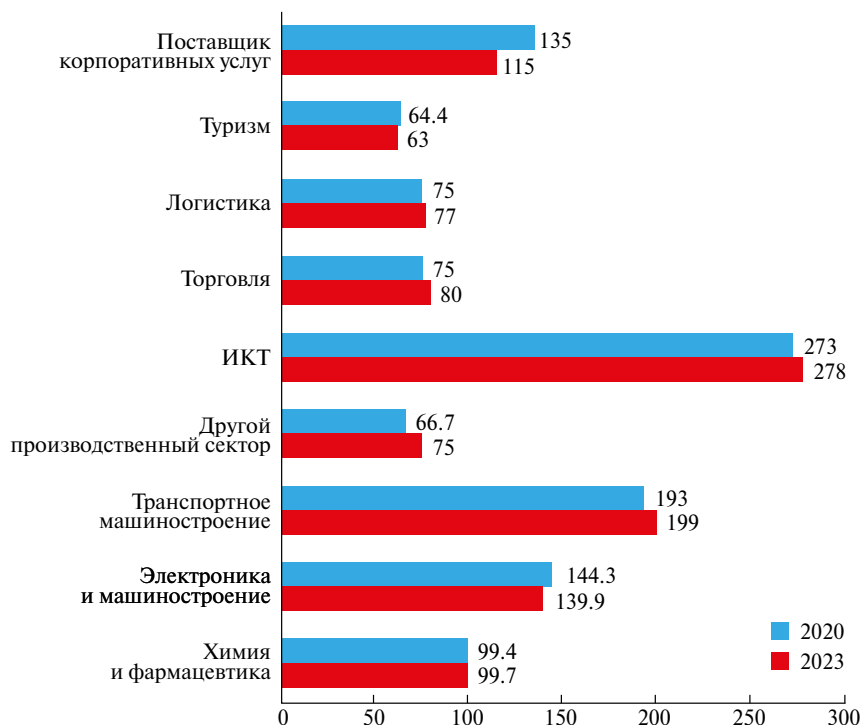

Рис. 1. Динамика индекса цифровизации в основных отраслях Германии

Источник: составлено автором по [3, 4, 6].

Наиболее уверенно себя чувствует отрасль транспортного машиностроения, поскольку стоимость оборудования, автомобилей и сырья продолжает расти, а средний спрос на продукцию лишь незначительно снижен на фоне подорожания продукции отрасли.

В химической и фармацевтической отраслях наблюдается незначительный рост индекса цифровизации с 99,4 в 2020 г. до 99,7 в 2023 г. Электроника и машиностроение, наоборот, показывают снижение индекса со 144,3 до 139,9, что свидетельствует о снижении цифровизации в данной области.

Транспортное машиностроение демонстрирует рост индекса с 193 до 199, что указывает на увеличение использования цифровых технологий в данной отрасли. Другие производственные секторы также показывают положительную динамику с ростом индекса с 66,7 до 75 [5].

Отрасль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) показала увеличение индекса с 273 до 278, что говорит о дополнительном внедрении цифровых технологий в этом секторе. Торговля и логистика также демонстрируют увеличение индекса, с 75 до 80 и с 75 до 77 соответственно.

Туристическая отрасль демонстрирует снижение индекса цифровизации с 64,4 до 63 на фоне общего снижения спроса на туризм, но в целом отрасль остается стабильной.

Поставщики корпоративных услуг выделяются заметным снижением индекса с 135 до 115, поскольку число стартапов и услуг начинает уменьшаться на фоне подорожания этих услуг.

Отрасли, которые в итоге выросли по уровню цифровизации за рассматриваемый период:

1. Химия и фармацевтика (+0,3).
2. Транспортное машиностроение (+6).
3. Производственный сектор (+8,3).
4. ИКТ (+5).
5. Торговля (+5).
6. Логистика (+2) [4, 5].

В остальных отраслях отмечается спад, но в целом в экономике Германии продолжается рост в транспортном машиностроении и электронике, поскольку компании в данной отрасли используют развитие технологий Индустрии 4.0 [7]. Таким образом, машиностроение остается основным направлением, где цифровизация активно применяется.

Согласно государственному отчету о цифровых технологиях, в экономике Германии используются следующие мероприятия и практики цифровизации:

1. Add2Log. Децентрализованное производство на основе аддитивного производства и гибкой логистики.
2. M3D. Мобильное 3D-зондирование для 3D-печати на месте.
3. SAMPL. Безопасная платформа данных для процессов 3D-печати.
4. EMuDig 4.0. Повышение эффективности массового производства за счет интеграции цифровых технологий в инжиниринг.
5. IC4F. Модуль построения надежной промышленной коммуникационной и вычислительной инфраструктуры.

6. AutMRK. Автономная вспомогательная система для поддержки процессов сборки MRK.
7. Bake R. Модульная система для экономичных модульных роботов-уборщиков.
8. QBIK. Автономный обучающийся логистический робот с системой захвата и человеко-машинным интерфейсом.
9. RoboPORT. Крауд-инжиниринг в робототехнике: веб-платформа для разработки идей и прототипов.
10. ROBOTOP. Открытая платформа для применения роботов в промышленности и сфере услуг.
11. SeRoNet. Платформа для разработки решений для сервисных роботов [8].

Для лучшего понимания каждой из технологий и практик ниже представлен анализ их использования и влияния на экономику Германии.

Технология Add2Log направлена на разработку программной платформы между предприятиями. Платформа является интерфейсом между производителями, логистами и третьими сторонами. Разработанная технологическая платформа создает центральную координационную структуру, объединяющую всех участников. На основе платформы компании получают доступ к возможностям аддитивного производства со стороны третьих лиц. Это позволит децентрализованно производить новые и запасные детали, чтобы снизить сроки поставок в условиях их частых нарушений из-за общемировой нестабильности и геополитической напряженности. Платформа также обеспечивает быстрое реагирование на изменение потребностей клиентов.

После получения заказа от заказчика производитель может просматривать конструкционные данные деталей, которые должны быть произведены на платформе Add2Log через безопасные и стандартизированные интерфейсы. С учетом загруженности и расположения децентрализованных производственных объектов через платформу обрабатываются производственные заказы и одновременно оформляются заказы на транспортировку деталей к заказчику.

В практическом применении проекта предусмотрено два сценария. Первый случай касается интеграции аддитивных производственных установок в существующее производство и логистику запасных частей партнера проекта.

Так, в 2024 г. запасные части производятся децентрализованно на нескольких распределенных по всему миру производственных площадках, упаковываются, передаются различным логистическим партнерам и затем доставляются клиентам либо напрямую, либо посредством филиалов.

Цель платформы — показать, что использование аддитивных производственных установок можно реализовать экономически эффективно в сетях добавленной стоимости.

Во втором случае использования будет продемонстрировано, что определенные детали можно производить без больших затрат времени и денег. Примером служит быстрое создание прототипов для области исследований и разработок в небольших и средних предприятиях, которые не обладают знаниями или собственным оборудованием для аддитивного производства. Эти детали заказываются компаниями через платформу Add2Log.

В условиях цифровизации цепочки создания стоимости превращаются в сети создания стоимости, в которых производственные компании, промышленные

сервисные предприятия и поставщики программного обеспечения сотрудничают на цифровых платформах. Фактически экономия от использования технологии позволит сократить время простоя при коммуникациях между производителями. Данная технология касается всего производственного сектора.

Цель проекта Add2Log – разработать для связи между предприятиями программную платформу, которая будет служить интерфейсом между производителями, логистическими компаниями и третьими сторонами. Платформа Add2Log координирует процессы в новообразованной сети добавленной стоимости между производителями, логистическими компаниями и заинтересованными лицами.

Технология M3D основана на 3D-печати. Затраты на логистику снижаются за счет индивидуального производства на месте, что особенно выгодно для небольших партий или получения запасных частей. В M3D детали собираются на мобильных устройствах, что позволяет запускать процесс заказа мгновенно, автоматизировано и напрямую. В результате снижается время простоев, а затраты на хранение строительных и запасных частей постепенно уменьшаются.

В Германии наблюдались задержки в поставках запасных частей, из-за которых вырастают логистические, административные и управленческие издержки. Возникают проблемы с распознаванием деталей и их получением в рамках всей сервисной цепочки. Многие установки имеют длительный срок службы – до 50 лет и более [6, 8].

Когда деталь выходит из строя, а идентификационный номер на детали потерян, недоступен или становится нечитаемым из-за загрязнения и механического воздействия, то у технических специалистов возникают трудности с прозрачным распознаванием деталей, и для этого им требуется до недели рабочего времени.

С использованием технологий 3D на месте осуществляется сборка, проектирование и производство оптимизированных объектов.

Для сценария применения 3D-сервиса по запасным частям разрабатываются различные демонстраторы – например для услуг по снабжению запасными частями в области железнодорожного транспорта и производству автозапчастей. На реальном примере весь процесс состоит из 3D-сбора деталей на мобильных устройствах до автоматизированной идентификации деталей, а также 3D-печати деталей на основе оптимизированных конструкций.

В технологии SAMPL разрабатывается система безопасности для обработки данных в 3D-процессах печати. Детали для промышленности, начиная от автомобильных и заканчивая деталями для более узкоспециализированного оборудования, требуют контроля всего процесса. При помощи данной технологии распечатанные детали маркируются для обеспечения возможности их трассировки в любое время. Обмен данными осуществляется с использованием программного обеспечения, причем все необходимые дополнительные сведения сохраняются с использованием технологии блокчейн.

3D-процессы печати имеют потенциал революционизировать цепочки создания стоимости, например в создании прототипов или при поиске запасных частей.

Для того чтобы аддитивное производство стало глобальным, необходимо обеспечить постоянную безопасность данных для 3D-печати. Производственные компании должны гарантировать, что только авторизованные лица имеют доступ к данным 3D-печати и что всегда используются оригинальные данные.

Кроме того, файл 3D-печати должен использоваться столько раз, сколько это лицензировал заказчик. Данные для 3D-печати, которые попадают в чужие руки, могут быть использованы для производства пиратских копий, что может вызвать дополнительные проблемы. Например, если клиент не может отличить пиратскую копию от оригинала и понесет ущерб от ее использования, это приведет к (необоснованным) случаям производственной ответственности и, следовательно, как минимум, к финансовым убыткам для производителя оригинального продукта.

Временные издержки и затраты на хранение или транспортировку запасных частей за счет SAMPL снижаются в среднем на 40–50% за счет мгновенного производства оригинальных деталей на месте [3, 8].

Результаты использования технологии SAMPL апробированы в авиации, но могут быть в будущем применены в других отраслях. К ним относятся производственные компании, которые должны гарантировать, что только авторизованные лица имеют доступ к данным для 3D-печати и что всегда используются только оригинальные данные, с возможностью их восстановления и гарантией для стейкхолдеров [9].

Технология EMuDig 4.0 нацелена на создание взаимосвязи между процессом производства, машинами и оборудованием, людьми и продукцией в объемной штамповке.

Для этого вдоль всей цепочки создания стоимости интегрируются специально разработанные или адаптированные цифровые технологии и методы штамповки. В результате использования EMuDig 4.0 заказчик получает все сведения о продукции и сырье, а также может заблаговременно оценить качество продукции, выходящей на рынок. Благодаря этому возрастает производительность предприятий, они могут оптимизировать объемы продукции в зависимости от загруженности склада и изменения цен на сырье и материалы.

Таким образом, подавляющее большинство технологий и практик в Германии направлено на автоматизацию производства деталей, соединение производителя с поставщиками сырья, с тестировщиками и ИТ-поставщиками.

Основная практика по усилению цифровизации – это создание множества платформ, отвечающих за следующие аспекты:

1. Коммуникация между производителем и его стейкхолдерами.
2. Автоматизация безопасности производства.
3. Автоматизация производства продуктов из альтернативного сырья через 3D-технологии.
4. Развитие Индустрии 5.0 за счет тестирования систем искусственного интеллекта.

Теперь, изучив разницу в отраслях с учетом практик и технологий, можно увидеть разницу в изменениях с точки зрения регионов по индексу цифровизации (табл. 1).

Индекс цифровизации в Западной Германии в среднем на 2,5–3 пункта выше, чем в Восточной Германии. Наименее оцифрованной группой федеральных земель в 2022 г. была группа северных федеральных земель (Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн, Бремен и Гамбург).

При этом продолжается лишь незначительный рост индекса в западном регионе, поскольку общемировая ситуация и распространение китайских конкурентов

Таблица 1

Развитие Индекса цифровизации по регионам

Город / Индекс цифровизации	2022 г.	2023 г.
Западная Германия		
Берлин	64,2	65,9
Гамбург	63,4	64,5
Мюнхен	62,8	63,9
Кёльн	62,6	63,7
Франкфурт-на-Майне	61,9	63,0
Штутгарт	61,7	62,8
Дюссельдорф	61,6	62,7
Восточная Германия		
Лейпциг	59,6	60,7
Дрезден	59,5	60,6
Ганновер	59,3	60,4
Росток	59,2	60,3

Источник: составлено автором по [6, 8].

в промышленности с более привлекательной ценой и быстро адаптируемыми технологиями заставляют производителей в Германии предоставлять гибкие условия или снижать объемы продаж готовой продукции. Это касается не только оборудования, но и производства автомобилей и сопутствующих технологий в телекоммуникациях.

Заметно, что западные регионы немного активнее с точки зрения цифровизации. При этом предполагается, что около 80% всех технологий и практик апробированы только в Западной Германии, но если технологии являются экспериментальными и находятся на этапе первого раунда инвестиций, то их апробация происходит в восточном регионе [9].

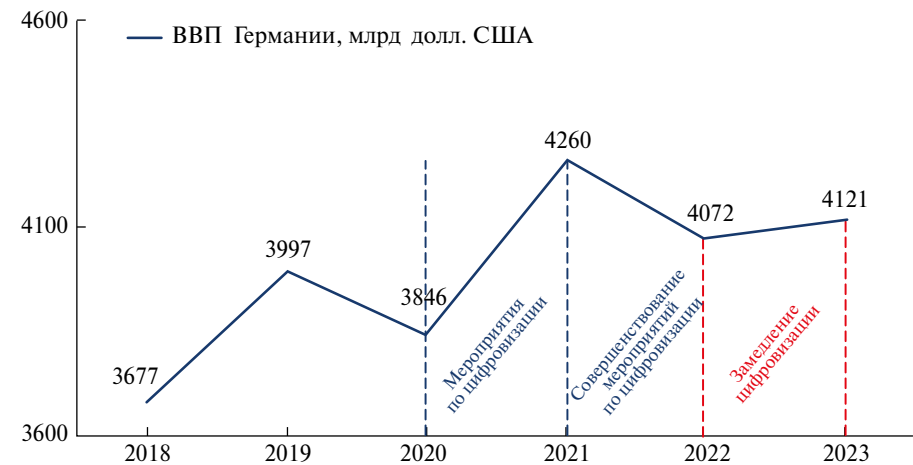

Рис. 2. Влияние цифровизации на динамику ВВП Германии

Источник: составлено автором.

Также видно, что общая тенденция цифровизации показывает некоторое замедление на фоне снижения объемов продаж, которые не могут быть решены напрямую исключительно мероприятиями по цифровизации, а больше связаны с внешнеполитическими разногласиями ведущих стран мира.

При этом слишком медленный рост индекса отражается на ВВП экономики Германии. Так, в 2023 г. ВВП впервые с 2020 г. снизился. Объем ВВП страны увеличился всего на 0,7%, что ниже прогнозируемых значений в диапазоне 1,8–1,9% [1, 2].

Наблюдается общее снижение экспорта и импорта – на 3 и 1,8% [9] соответственно, а также снижение активности в производстве, но всего лишь на 2% [8, 10], что не критично для отрасли и экономики в целом. Можно утверждать, что экономика Германии находится на этапе «турбулентности», а технологии и практики цифровизации позволили избежать серьезного спада экономики, при этом общая динамика ВВП остается стабильной для страны (см. рис. 2).

Таким образом, цифровизация в области промышленности и коммуникаций в корпоративных секторах позволила немецким компаниям оставаться стабильными, хотя в целом экономика Германии продолжает терять стабильность из-за снижения экспорта, импорта и общего снижения производства; заметно также замедление темпов роста индекса цифровизации в стране. При этом восточные регионы продолжают догонять западные, сократив отставание в среднем на 2,5 пункта.

Заключение. Проведенный анализ выявил, что структура экономики Германии претерпевает замедление темпов роста. Поскольку экономика Германии больше всего нацелена на промышленность, а именно машиностроение и электронику, то даже незначительное снижение объемов продаж продукции отражается на экономике. По индексу цифровизации видно, что его темпы роста значительно снизились на фоне общемирового роста инфляции, который обусловлен внешними изменениями – геополитическими конфликтами, срывом поставок, повышением стоимости сырья, доминированием конкурирующих китайских предприятий.

В соответствии с этим видно, что в структурном отношении экономика Германии сохраняет стабильность, но темп роста основных отраслей постепенно снижается, хотя процесс цифровизации машиностроения, телекоммуникаций и производственного сектора продолжается.

Литература

1. Bruttoinlandsprodukt: Ausführliche Ergebnisse zur Wirtschaftsleistung im 3. Quartal 2023 // Destatis. URL: [https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/11/PD23_451_811.html#:~:text=WIESBADEN%20E2%80%933%20Das%20Bruttoinlandsprodukt%20\(BIP\),Schnellmeldung%20vom%2030.%20Oktober%202023](https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/11/PD23_451_811.html#:~:text=WIESBADEN%20E2%80%933%20Das%20Bruttoinlandsprodukt%20(BIP),Schnellmeldung%20vom%2030.%20Oktober%202023) (accessed: 02.01.2024).
2. DeStatis–Germany: Production in August 2023: -2% year on year // Brave New Europe, 12.10.2023. URL: <https://braveneweuropa.com/destatis-germany-production-in-august-2023-2-year-on-year> (accessed: 23.01.2024).
3. Deutschland scheitert beim E-Government // INSM, 10.11.2023. URL: <https://www.insm.de/insm/themen/digitalisierung/deutschland-scheitert-beim-e-government> (accessed: 23.01.2024).
4. Digitalisierung der Branchen in Deutschland – eine empirische Erhebung // Institut Der Deutschen Wirtschaft. URL: <https://www.iwkoeln.de/studien/vera-demary-henry-goecke-digitalisierung-der-branchen-in-deutschland-eine-empirische-erhebung.html> (accessed: 22.01.2024).
5. Einwilligung zur Verwendung von Cookies und ähnlichen Technologien // Destatis, 2024. URL: <https://www.destatis.de/DE/Service/Bibliothek/gesamtkatalog.html> (accessed: 23.01.2024).

6. Index für die digitale Wirtschaft 2022: Deutschland im Mittelfeld // Europäischen Kommission. URL: https://germany.representation.ec.europa.eu/news/index-fur-die-digitale-wirtschaft-2022-deutschland-im-mittelfeld-2022-07-28_de#:~:text=Deutschland%20steht%20im%20Index%20digitale,aber%20relativ%20gute%20Fortschritte%20erzielt (accessed: 24.01.2024).
7. National accounts, domestic product // Destatis, 2024. URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Economy/National-Accounts-Domestic-Product/_node.html (accessed: 23.01.2024).
8. PAiCE – Digitale Technologien für die Wirtschaft // Institut für Innovation und Technik (iit) in der VDI/VDE Innovation + Technik GmbH, Berlin. URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digitale-Welt/paice-digitale-technologien-fuer-die-wirtschaft.pdf?__blob=publicationFile&v=6#:~:text=Das%20produzierende%20Gewerbe%20ist%20eine, die%20Speerspitze%20der%20hiesigen%20Wirtschaft (accessed: 23.01.2024).
9. PressProduction in September 2023: -1.4% on the previous month // Destatis, 2024. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2023/11/PE23_427_421.html (accessed: 23.01.2024).
10. Rund 28.000 Schulen profitieren vom Digitalpakt // Bundesministerium für Bildung und Forschung. URL: <https://www.bmbf.de/bmbf/shareddocs/kurzmeldungen/de/2023/09/230912-digitalpakt.html> (accessed: 02.01.2024).

Ksenia Darmina (e-mail: shilinaks@yandex.ru)

Postgraduate Student,

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russian Federation)

TECHNOLOGICAL TRENDS IN THE DIGITAL DEVELOPMENT OF THE INDUSTRIAL SECTOR IN GERMANY

The article examines the directions of digitalization in the German industrial sector. The article is aimed at determining the level of digitalization of the country's industries and regions. The primary methods used include abstract-logical analysis, employed in the study of industries and the economic structure; comparative analysis in the examination of technologies and regions where digitalization is taking place. System analysis is applied to the study of technologies and of the impact of digitalization on the overall development of the German economy.

Industries that have actively implemented digitalization measures are examined, and those lagging behind in digitalization are identified. The article presents key practices and measures for digitalization that contribute to improving the economic situation in Germany. Regions are also considered based on the degree of digitalization. An analysis of GDP dynamics and the impact of digitalization on economic growth in the country is conducted.

As a result, the main trends in digitalization that have led to structural changes in the German economy are shown. It is determined that the country's economy is stable and weakly growing against the backdrop of instability in global market and rising global inflation.

Keywords: German economy, digitalization, national economy, state regulation, BRD.

DOI: 10.31857/S0207367624090067, **EDN:** AMDWHI

© 2024

УДК: 339.923

Наталья Корж

кандидат социологических наук, доцент кафедры
Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Российская Федерация)
(natalya.korzh@mail.ru)

Алёна Василенко

студент специалитета, Институт экономики и управления ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
(г. Пенза, Российская Федерация)
(vasilenko.alena-58@yandex.ru)

УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И РОССИЕЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

В данной статье рассмотрены перспективы и препятствия, стоящие перед Республикой Беларусь и РФ на пути к укреплению экономических связей. На сегодняшний день углубление сотрудничества играет стратегическую роль для обеих стран в контексте сложившихся глобальных вызовов. Целью исследования является анализ потенциала укрепления экономических связей между Беларусью и Россией для определения перспектив развития, а также идентификации возможных факторов, препятствующих этому процессу. Научная значимость данного исследования состоит в возможности расширения знаний о международных экономических операциях и их влиянии на региональную экономику. Практическая важность работы заключается в том, что в ней дается оценка современного состояния отношений между Беларусью и Россией. Методология данной работы включает в себя изучение политических и торговых отношений, а также анализ таких экономических данных, как объем экспорта и импорта. Для достижения цели были использованы данные с официального веб-ресурса ФТС России, Национального статистического комитета РБ «Белстат». Сведения об основных экспортируемых и импортируемых товарах были получены с сайта «Ru-Stat». Основные результаты и выводы подчеркивают важность углубления экономических отношений между Беларусью и Россией, а также выявляют потенциальные препятствия для данного процесса. Настоящая работа может способствовать более глубокому пониманию динамики экономического сотрудничества между Беларусью и Россией. Концептуальный подход авторов к углублению экономических отношений обеспечивает ключевое понимание динамики сотрудничества.

Ключевые слова: Союзное государство России и Беларуси, геополитика, развитие экономических связей, торговля, интеграция сотрудничества, перспективы развития, препятствия сотрудничеству.

DOI: 10.31857/S0207367624090077, **EDN:** AMAXSQ

В условиях глобализации в экономической системе наблюдаются процессы разнообразного взаимодействия между участниками мирового сообщества. В современном мире все больше стран находят векторы для сотрудничества, в связи с чем интеграция становится одним из распространенных процессов.

В наиболее общем смысле интеграция означает слияние различных элементов в единую систему. Отражение значения данного понятия можно найти у разных авторов, которые в своих подходах подчеркивают объединение и взаимодействие для достижения более эффективного результата. Так, С.Н. Растворцев, А.О. Лебедев определяют интеграцию как «новую форму межгосударственного

взаимодействия, нацеленную на повышение конкурентоспособности» [1. С. 16]. Бобылев Д.С. в своем исследовании представляет интеграцию как процесс сотрудничества для достижения заданной цели [2. С. 24]. Он описывает интеграцию как систему сотрудничества экономических агентов, основанную на корпоративных принципах, взаимной зависимости, взаимовыгодности. Как отмечает Г.Д. Боуш, объединение усилий ведет к улучшению общего социально-экономического прогресса, что означает получение более выгодных результатов по сравнению с теми, которые могли бы быть достигнуты в случае изоляции участников [3. С. 68]. В своей работе он также подчеркивает, что экономическое взаимодействие опирается на ряд основных принципов. Эти принципы включают концентрацию усилий, что позволяет достичь большего объема производства и услуг; специализацию, которая способствует повышению качества и эффективности; кооперирование, обеспечивающее взаимовыгодное сотрудничество; комбинирование, позволяющее интегрировать различные ресурсы для достижения цели.

На основе вышеизложенных интерпретаций процесса интеграции можно выделить ключевые аспекты, характерные для данного процесса (рис. 1).

Интеграция является одним из важных элементов экономических отношений, которые на международном уровне образуют сеть связей, включающую в себя научно-техническое, производственное и коммерческое взаимодействие, а также финансовые и валютные отношения. Эти связи определяют позицию страны в мировой экономике и оказывают влияние на ее прогресс.

На примере государств постсоветского пространства можно видеть, что расположение страны на геополитической карте мира также является важным фактором, влияющим на развитие ее внешнеэкономических связей.

В период, когда экономические и политические интересы республик решались централизованно, это способствовало тесному взаимодействию всех промышленных предприятий, вне зависимости от их местоположения. В результате возникла взаимная зависимость экономик стран, которая продолжает влиять на их развитие и в настоящее время [4. С. 7].

В условиях геополитической напряженности Россия начинает сотрудничать в различных областях со странами Востока, Африки, Латинской Америки и др.

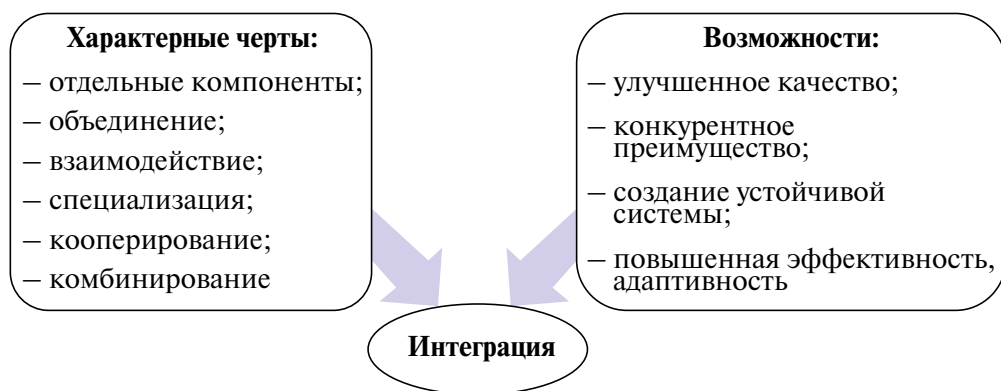

Рис. 1. Ключевые аспекты интеграции

Источник: составлено авторами.

Однако важными в стратегическом и экономическом плане для РФ остаются страны постсоветского пространства. Историческое прошлое объединяет все страны бывшего СССР в различных областях и направлениях, но более подробно стоит остановиться на анализе экономической интеграции России и Республики Беларусь.

Сотрудничество России и Беларуси, несмотря на общие исторические и культурные связи, сталкивается с определенными трудностями, в частности с различиями в экономическом управлении. Беларусь предпочитает централизованный подход к экономике, в то время как Россия делает акцент на либерализации, рыночных реформах. Эти отличия в стратегиях способны стать источником трений и осложнений в процессе интеграции, создавая предпосылки для экономического неравенства и потенциальных конфликтов интересов в рамках совместных инициатив и программ [5. С. 122].

Однако, несмотря на внешние и внутренние факторы, оказывающие влияние на сотрудничество двух стран за последние два десятилетия, взаимозависимость России и Беларуси увеличилась, что видно из табл. 1.

В современном мире углубление и укрепление экономических отношений между Беларусью и Россией является стратегически значимым в сложившейся геополитической ситуации, именно поэтому направления сотрудничества представляют интерес как для российских, так и для зарубежных экспертов и исследователей.

В рамках осуществления Специальной военной операции (СВО) РФ на территории Украины происходит трансформация экономической ситуации. Сложившиеся условия оказывают влияние на динамику интеграционных процессов между Россией и Беларусью, которые приобретают все более очевидный

Таблица 1

Экономическое взаимодействие РФ и РБ

Период	Характеристика
Период трансформации	– Формирование новых экономических связей после распада СССР; – Подписание Договора о создании Союзного государства (1999 г.); – Разные представления о реализации целей Союзного государства; – Товарооборот к 2010 г. составил около 23 млрд долл.; – Экономический кризис 2014 г.: отток капитала, усиление недоверия между странами.
Период углубленной интеграции	– Усиление экономических взаимосвязей; – Товарооборот к 2023 г. 53 млрд долл.; – Продвижение интеграционных процессов, в том числе в сфере энергетики, сельского хозяйства, промышленности и т.д.; – Активное развитие импортозамещения; – Политические факторы (уступки в суверенитете) отходят на второй план перед необходимостью обеспечить экономическую безопасность; – Договор о создании Союзного государства на 2024–2026 г., подтверждающий намерение углубить интеграцию.

Источник: составлено авторами на основе данных ресурсов [6. С. 206], [14].

характер. Рост изоляции от западного мира и усиление санкционного давления на обе страны заставляют их переосмыслить свои стратегии. Сегодня перед ними стоит не только задача углубить экономическое сотрудничество, но и разработать эффективные инструменты, которые помогут минимизировать негативные последствия финансово-экономических ограничений, наложенных Западом [7. С. 3]. Обеим странам необходима и адаптация к новым условиям, и поиск инновационных подходов к развитию экономики и финансовой системы в будущем.

Исследование перспектив и препятствий на пути развития экономических отношений между этими двумя странами представляет значительный интерес для понимания динамики исходной конфигурации и потенциала дальнейшего развития.

Сегодня Республика Беларусь занимает одно из главных мест среди партнеров Российской Федерации в сфере торговли, что подчеркивает особую значимость их сотрудничества. Российская Федерация и Республика Беларусь представляют уникальный экономической союз, где первая страна занимает, несомненно, доминирующее положение среди торговых партнеров второй, что особенно ярко проявляется в том, что ее доля в общем объеме внешнеторговых операций Белоруссии превышает, по официальным данным, отметку в 50% [8]. Не менее важно отметить, что Беларусь также вносит значительный вклад в экономическое сотрудничество с Россией, занимая четвертую позицию в мировом рейтинге торговых партнеров России и лидируя среди стран Содружества Независимых Государств (СНГ) [9].

Экономическая интеграция между этими двумя государствами опирается на прочный юридический фундамент, зафиксированный в Договоре о формировании Союзного государства, принятом 8 декабря 1999 г. Кроме того, этот договор дополняется целым рядом других нормативных актов, которые детализируют и конкретизируют ключевые задачи и цели, стоящие перед двумя странами в рамках их экономического взаимодействия. Среди этих задач особое место занимает цель создания и укрепления единого экономического и таможенного пространства, а также необходимость согласования национальных законодательных актов в экономической сфере. Не менее важными являются задачи по подготовке к переходу на единую валюту и формированию совместных энергетических и транспортных систем, что является основой для дальнейшего развития и укрепления экономических связей между двумя странами [10. С. 64].

В качестве основных направлений сотрудничества необходимо проанализировать торговую и финансовую сферу.

В последние годы наблюдается рост объема товарооборота между странами. Так, согласно статистике, в 2019 г. этот показатель составлял 33,9 млрд долл., в то время как к 2022 г. он вырос до 43,4 млрд долл., что свидетельствует об экономической связанности и взаимной выгоде для обеих сторон (табл. 2).

Таблица 2

Динамика товарооборота РБ и РФ в 2020–2022 гг. (долл. США)

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Товарооборот	33,9 млрд	30,1 млрд	40,1 млрд	43,4 млрд
Экспорт из РФ	20,8 млрд	16,4 млрд	23,7 млрд	21,3 млрд
Импорт из РБ	13,1 млрд	12,6 млрд	16,4 млрд	22 млрд

Источник: данные веб-ресурса ФТС России [11].

Анализируя данные 2022 г., следует отметить, что экспорт товаров из России в Беларусь показал снижение на 7,7%, достигнув отметки в 21,3 млрд долл. В то же время поставки товаров из Беларуси в Россию выросли на 41,2%, достигнув отметки в 22 млрд долл. Этот дисбаланс привел к избытку экспорта товаров в связи с уменьшением объема импорта в Минск. Согласно заявлению министра экономического развития РФ М.Г. Решетникова, Москва оказала поддержку столице Республики Беларусь в организации альтернативных путей транзита товаров, используя собственную транспортную сеть [12].

Республика Беларусь поддерживает внешнюю политику РФ в отношении западных стран как в стратегическом, так и в тактическом плане. Поскольку Россия и Беларусь являются союзниками, экономические ограничения, применяемые против РФ, также деструктивны и для Республики Беларусь.

Специалисты констатируют, что в свете Специальной военной операции (СВО) на Украине произошли существенные изменения в динамике экономических связей между странами Запада, Беларусью и Россией. Подчеркивается развитие отраслей, ориентированных на внутренний рынок и требования внутренней логистики в тот период, когда внимание к экспортно-ориентированным отраслям снизилось. В таком контексте увеличилась значимость Союзного государства как ведущей платформы для российско-белорусской кооперации [13. С. 105].

В 2023 г. торговый оборот между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, который всегда был и остается одним из важнейших показателей экономического сотрудничества, вырос на 6%, а общий объем торговли достиг впечатляющего уровня в 53 млрд долл. США.

В нынешнем году состоялось такое мероприятие, как бизнес-форум «Беларусь—Башкортостан», участие в котором принял премьер-министр Республики Беларусь Р.А. Головченко. В ходе своего выступления он подчеркнул, что достигнутые показатели двустороннего товарооборота России и Беларуси являются результатом плодотворного сотрудничества и взаимовыгодных экономических отношений, которые были заложены на долгие годы вперед. Премьер-министр также выразил уверенность в том, что в будущем объемы торговли между данными странами будут продолжать расти, что, безусловно, будет способствовать дальнейшему укреплению экономической стабильности и прогресса [14].

В 2022 г. объем экспорта из Беларуси в денежном эквиваленте опередил уровень докризисного 2019 г., достигнув отметки в 37,56 млрд долл. США. Это на 1,55 млрд долл. меньше, чем в период восстановления экономики в 2021 г., когда объем составил 39,1 млрд долл. Тем не менее, осуществить подробный анализ не представляется возможным из-за ограничений в публикации данных со стороны Национального статистического комитета Беларуси, обусловленных необходимостью защиты национальных интересов [15. С. 24].

По последним данным, зафиксированным на заседании Межведомственной рабочей группы по наблюдению за поставками в Российскую Федерацию, можно отметить значительный рост объема экспорта товаров из Беларуси в Россию. Официальная статистика подтверждает, что экспорт в 2023 г. увеличился на 9,1%, что привело к достижению исторического показателя в 25 млрд долл. в эквиваленте. Эти важные цифры были представлены белорусским послом

в России, который отметил положительную динамику в торговых отношениях между двумя странами.

Санкционные меры, наложенные на Беларусь, оказались менее ощутимыми по сравнению с теми, что были направлены против России. Подразделения банковской сферы Беларуси подверглись меньшим испытаниям и многие транснациональные корпорации продолжают свою деятельность на местном рынке, — за исключением украинских предприятий, которые занимали второе место после России среди торговых партнёров страны и объявили о закрытии или приостановке своих операций (например, АО «Фармак» и ООО «Эргопак»).

Экономические ограничения, наложенные на обе страны, заметно повлияли на укрепление внутреннего потенциала Беларуси и России, направленного на создание совместной продукции в рамках процесса замещения импорта. Это очевидно подтверждается текущими событиями: активно развиваются совместные предприятия, реализуются инновационные инициативы и научные исследования, торгово-экономические отношения становятся более простыми и эффективными, а корпоративные связи укрепляются в различных секторах, включая образование, культуру, промышленность и аграрный сектор [16. С. 4].

Экспортно-импортные операции Беларуси сократились на 40%, особенно в отношении торговли с ЕС и Украиной, при этом импорт также снизился на аналогичную величину [17. С. 13].

Ассортимент товаров, которые поставляются из Беларуси в Россию, довольно широк. Их большая часть приходится на продукты животного происхождения, транспортные средства, техническое оборудование, каучук и резину, продукты питания, металлы и изделия из них (рис. 2).

Более 85% всего объема белорусского экспорта молочной продукции направляется в Россию. Помимо этого, из России в Беларусь экспортируется готовая продукция с высокой добавленной стоимостью: изделия из черных металлов, шины, а также машиностроительное оборудование, в т.ч. сельскохозяйственные машины (рис. 3).

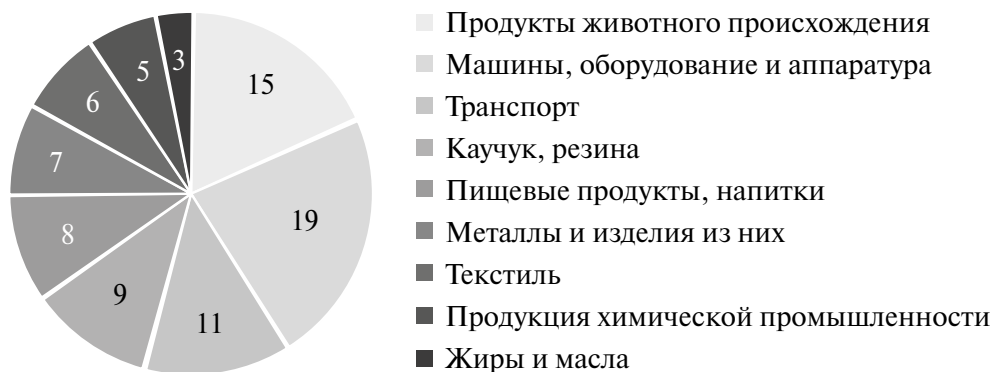

Рис. 2. Основные товары, экспортируемые в Россию из Беларуси, %

Источник: данные «Ru-Stat», экспорт и импорт России по товарам и странам [18].

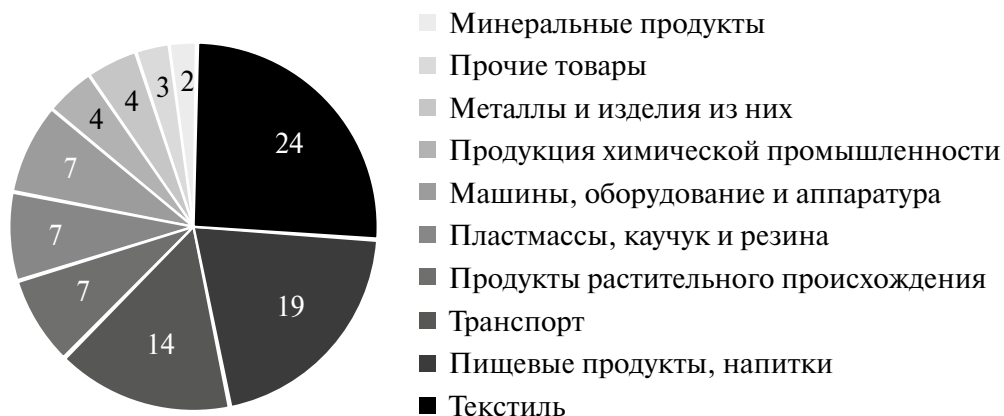

Рис. 3. Основные товары, экспортируемые из России в Беларусь, %

Источник: данные «Ru-Stat», экспорт и импорт России по товарам и странам [18].

США и Европейский союз приняли решение объявить о ряде санкций в отношении Беларуси, направленных на сферу финансов, оборонной промышленности и высоких технологий. В перечень запретов попали товары и инновационные разработки, потенциально имеющие двойное назначение. Поддержав эти действия, Всемирный банк объявил о своем решении прекратить финансирование всех проектов в стране [19].

В ответ на эти меры Беларусь и Россия начали отказываться от использования валют США и Еврозоны в рамках своих торговых операций. Это решение приобрело актуальность, когда стало ясно, что зависимость от западных валют представляет реальную угрозу. Замораживание активов России в западных странах подорвало доверие к доллару и евро, что привело к утрате их прежнего положения в качестве резервных средств в Союзном государстве. Этот процесс стимулировал Беларусь к поиску альтернативных валютных стратегий, в результате чего страна начала сокращать долю доллара и евро в своих золотовалютных резервах, отдавая предпочтение российскому рублю и китайскому юаню.

В современной экономической ситуации банковская система Союзного государства эффективно справляется с западными санкциями, используя сложившуюся обстановку для укрепления торговых связей. Более 80% внешнеторговых операций в Союзном государстве проводятся с использованием российского и белорусского рубля, а оставшиеся 20% осуществляются с применением валют партнерских стран.

Отказ от западных финансовых инструментов вынудил Союзное государство разработать собственную финансово-экономическую систему [13. С. 105].

Внедрение российского рубля в торгово-экономические отношения между Россией и Беларусью оказалось стратегическим шагом, существенно повысившим эффективность обмена. Этот ход помог обеим странам снизить воздействие изменения валютного курса доллара, а также уменьшить зависимость обеих стран от международных платежных систем. Благодаря этому удалось успешно реализовать союзные программы и укрепить сотрудничество между странами в финансовой области. Такой подход способствует укреплению экономической

стабильности и независимости государств, что важно для обеспечения устойчивого развития и процветания на долгосрочную перспективу.

Как итог совместных действий по согласованию законодательства в финансовой сфере, было осуществлено около 90% от 28 союзных программ в рамках Союзного государства. Результаты внедрения этих стратегических инициатив были одобрены в ходе заседания Высшего государственного совета, состоявшегося в конце января 2023 г. в Санкт-Петербурге.

Конфликт с Западом проявляется не только в информационной плоскости, но имеет и идеологические корни. Обеими странами ведется активная работа по легитимации своей политики как в рамках международного права, так и вне его пределов. РФ и РБ следует укрепить двусторонние отношения, особенно в аспекте анализа применения международно-правовых норм к системе международных связей, включая военные и политические аспекты [16. С. 6].

Для России союзнические отношения с Беларусью имеют стратегическое значение прежде всего на геополитическом уровне. Партнерство с Беларусью значительно снижает затраты на формирование мощной сдерживающей оборонительной системы на западном рубеже. Одним из ключевых элементов этого взаимодействия является установка систем противовоздушной обороны на белорусской земле, что гарантирует защиту всего пространства, объединяющего Россию и Беларусь.

Военная кооперация сегодня играет решающую роль в создании системы безопасности на постсоветском пространстве. В контексте Союзного государства разработаны Военная доктрина и соглашение о формировании Единой региональной системы ПВО. Вдобавок совместно осуществляется подготовка специалистов, укрепление пограничной инфраструктуры и таможенное развитие. Эти шаги подчеркивают прочное и взаимовыгодное сотрудничество между Россией и Беларусью в сфере обороны [21. С. 99].

В 2023 г. силовые структуры Беларуси и России эффективно начали реализацию новых программ, направленных на укрепление Союзного государства. В их число входит «Развитие пограничной безопасности Союзного государства» (2023–2027 г.) [22].

Таким образом, за короткое время достигнуто многое. Введены в действие совместные системы отслеживания продукции животного и растительного происхождения, система маркировки товаров QR-кодами, система налоговой отчетности, которая напрямую защищает рынок и потребителей от нелегальных и опасных товаров, а также способствует повышению прозрачности ценообразования. В контексте унифицированного экономического пространства Союзного государства уже реализован принцип свободы торговли как товарами, так и услугами, с соблюдением общих технических стандартов, регулирующих процессы производства, хранения, транспортировки, продажи и утилизации продукции. С 31 января 2023 г. запущена уникальная интегрированная система управления косвенными налогами (ИСА КН), которая включает в себя данные о плательщиках НДС и проводимых сделках. Эти шаги способствуют не только стандартизации и унификации косвенного налогообложения, но и создают равноправные условия для торговли и формирования цен. По данным белорусских

специалистов, ИСА КН уже привела к увеличению доходов бюджета Республики Беларусь на несколько десятков миллионов белорусских рублей [20].

Заключение

В то время как связи между Россией и Беларусью укрепляются, обе страны сталкиваются с определенными препятствиями. Государства не смогли завершить некоторые из 28 запланированных совместных проектов. Ключевыми препятствиями являются: различия между Россией и Беларусью в управлении экономикой; начальное несоответствие масштабов экономического влияния России и Беларуси на международной арене; особая роль России для Беларуси в контексте безопасности.

Введенные Западом санкции способствуют разработке и применению новых методов стимулирования социально-экономического прогресса, а также помогают определить ключевые направления для совместной деятельности. Можно утверждать, что укрепление социально-экономической интеграции между Россией и Беларусью является основой для дальнейшего сотрудничества.

Одна из основных задач интеграции России и Белоруссии заключается в достижении экономической независимости на фоне усиливающейся международной конкуренции. На экспертном уровне важно развить концепцию экономического суверенитета Союзного государства, что позволит достичь максимальной степени независимости. России и Беларуси необходим целый ряд мер, охватывающих институциональные, организационные и экономические аспекты, направленных на уменьшение неопределенности в системе межгосударственных отношений.

В современных обстоятельствах санкционного давления и неопределенности в геополитической сфере интеграция происходит не только на экономическом направлении, но и на других, затрагивающих как Россию, так и Беларусь.

В теории интеграционные процессы дают странам возможность гибко реагировать на перемены в мировой экономике, способствуя созданию более прочных и взаимоприемлемых экономических отношений. Экономическая взаимозависимость Беларуси и России открывает двери для коллективного противостояния внешним трудностям и поддержания экономической стабильности в период неопределенности.

За три года (с 2021 по 2023 г.), благодаря достижению успеха в реализации большей части 28 программ, удалось значительно ускорить процесс создания единой социально-экономической зоны между двумя государствами.

В числе ключевых достижений стоит выделить значительный рост объемов взаимной торговли, который достиг рекордных значений в истории двусторонних отношений. Кроме того, следует отметить успешную достройку Белорусской атомной электростанции, что стало важным шагом в обеспечении энергетической безопасности страны. Также достигнуто согласование российского и белорусского законодательства, установлены правовые и организационные основы для общего экономического пространства. Совместные усилия России и Беларуси направлены на снижение ущерба от западных ограничений.

Переход на новый уровень интеграционных программ в виде декрета «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы» свидетельствует о готовности обеих стран продолжить

совершенствование их сотрудничества, а также об укреплении уже существующих и создании новых взаимовыгодных связей [23]. Основными направлениями стали промышленность, сельское хозяйство, энергетика, транспорт и логистика, а также информационные технологии (рис. 4) [24].

По словам первого заместителя премьер-министра Республики Беларусь Н.Г. Снопкова, приоритетной составляющей стало обеспечение технологической самостоятельности, включая анализ импортозамещения. Этот подход направлен на укрепление экономики через сотрудничество в различных отраслях, включая микроэлектронику, станкостроение, космос и авиастроение [26].

Вторым ключевым элементом является создание единой цифровой среды. Такой шаг существен в процессе цифровой трансформации экономики и достижении мировой конкурентоспособности, начиная с признания белорусской электронной подписи.

Следующий аспект новой программы заключается в снятии оставшихся препятствий и ограничений. Цель заключается в ускорении процесса интеграции и развитии межрегиональных проектов, чтобы избежать дефицита продукции и услуг. Главное внимание уделяется потребностям простых людей, которым важны доступные и качественные товары и услуги.

Таким образом, изучив взаимодействие Беларуси и России в укреплении экономических отношений, можно отметить заметные достижения, которые были осуществлены за последнее время. Совместная работа над формированием единой экономической системы и решительный отказ от доллара и евро в торговле способствовали снижению влияния внешних экономических санкций и рыночных колебаний.

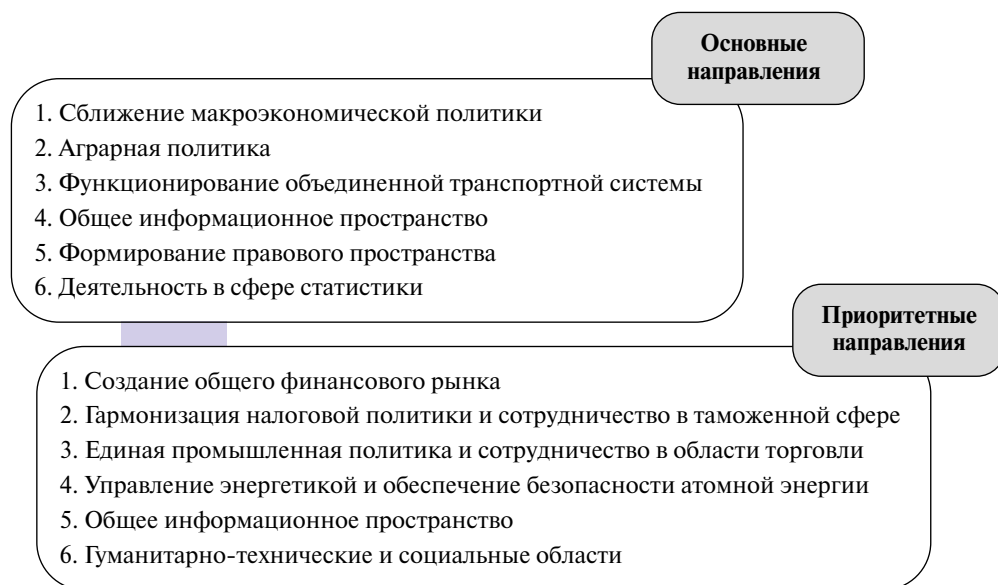

Рис. 4. Направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг.

Источник: документ «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы» [25].

Внедрение общих методов контроля за продукцией, систем маркировки и налогового учета стало фундаментальным для обеспечения открытости и защиты рыночных интересов и прав потребителей. Эти инициативы улучшают надзор за качеством продукции и её безопасностью, укрепляя взаимное доверие между двумя государствами.

Тем не менее, несмотря на положительные сдвиги, Беларуси и России предстоит преодолеть новые препятствия. Переход к независимой экономической системе требует дополнительных усилий по её улучшению и адаптации к текущим глобальным экономическим трендам, также важно искать новые пути сотрудничества, чтобы гарантировать стабильное экономическое будущее обеих стран.

Сотрудничая и устанавливая стратегическое партнерство, эти две страны способны эффективно справляться с экономическими трудностями и двигаться в направлении совместного развития и благосостояния своих граждан.

Литература

1. *Растворцева С.Н., Лебедев А.О.* Развитие методов оценки факторов и форм межрегиональной экономической интеграции: Монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. С. 213.
2. *Бобылев Д.С.* Интеграция как результат эволюции производительных сил и производственных отношений в рыночных условиях хозяйствования // Аграрный вестник Урала. 2009. Т. 57. № 3. С. 23–25.
3. *Боуш Г.Д.* Изменение роли интеграционных структур в современной экономике / Г. Д. Боуш, Д. И. Мадгазин, С. С. Павлюкович // Интеграция России в мировую экономику: новые парадигмы экономической культуры: материалы V Международной научно-практической конференции: в 4-х ч. Екатеринбург: УрФУ, 2011. Ч. 1. С. 65–74.
4. *Аттокурова Н.С.* Современные внешнеэкономические связи. Монография // Вестник КРСУ. 2013. С. 102.
5. *Ху Юйчао.* Статус, факторы влияния и перспективы союза России и Беларуси // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 2А. С. 115–124.
6. *Красильников К.Е.* Становление российско-белорусских отношений и их политический аспект на современном этапе / К. Е. Красильников, А. А. Зиятдинова // Молодой ученый. 2023. Т. 448. № 1. С. 205–207.
7. *Жуков Д.С.* СВО открыла новый этап российской и мировой истории / Специальная военная операция: влияние на Россию и мир. Аналитический центр РОП, 2023. С. 2–8.
8. *Соколова М.А.* Доля России во внешнеторговом обороте Белоруссии составляет 50%, сообщили в Минпромторге // Парламентская газета 28.01.2020. URL: <https://www.pnp.ru/economics/dolya-rossii-vo-vneshnetorgovom-oborote-belorussii-sostavlyayet-50-soobshhili-v-minpromtorge.html>.
9. Официальный сайт Посольства России в Республике Беларусь. Торгово-экономическое сотрудничество. URL: <https://belarus.mid.ru/>
10. *Бобков В.А.* Союзное государство: модель интеграции и стратегия развития // Белорусская думка. 2022. № 6. С. 62–68.
11. Официальный сайт ФТС. URL: <https://limited.customs.gov.ru/statistic/>
12. Экспорт белорусских нефтепродуктов в третьи страны через РФ в 2022 году составил более 3 млн т // БЕЛТА 19.12.2022. URL: <https://www.belta.by/economics/view/eksport-belorusskih-nefteproduktov-v-tretji-strany-cherez-rf-v-2023-godu-sostavil-bolee-3-mln-t-540800-2022/>.
13. *Астахова С.В.* Белоруссия: Сотрудничество с Россией в условиях санкций // Белоруссия: геополитическое будущее. 2023. №2. С. 103–111.
14. Головченко: двусторонний товарооборот Беларуси и России в 2023 году составил около 53 млрд долл. // БЕЛТА 9.02.2024. URL: <https://www.belta.by/economics/view/golovchenko-dvustoronnij-tovarooborot-belarusi-i-rossii-v-2023-godu-sostavil-okolo-53-mlrd-614527-2024/>.

15. *Приходько А.А.* Экспорт Белоруссии в условиях внешних ограничений // Белоруссия: геополитическое будущее. 2023. С. 22–37.
16. Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции: Аналитический доклад. М.: Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко. Институт Европы РАН, 2022. С. 20.
17. *Синаро К.А.* Проблемы и перспективы экономического сотрудничества России и Республики Беларусь // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 2. С. 7–14.
18. Ru-stat. База данных экспорта и импорта России (ВЭД). URL: <https://ru-stat.su/analitics/9318>.
19. *Ходасевич А.* Белорусские товары попали под санкции ЕС // Независимая газета. 03.03.2022. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-03-03/1_8385_belorussia.
20. Замглавы МЭР Вольвач: Товарооборот между РФ и Беларусью может превысить 4 трлн рублей // Пресс-служба 12.03.2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/press/stati_i_intervyu/zamglavy.
21. *Борисова О.А., Кравченко К.В.* 2024. Дорожная карта в контексте развития Союзного государства Беларуси и России (2022–2023 годы) // Геоэкономика энергетики. 2024. № 1 (25). С. 96–110.
22. *Шеткина М.А.* Оборона и безопасность Союзного государства – важнейший фактор стабильности // Информационно-аналитический портал Союзного государства 17.11.2024. URL: <https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/shchetkina-oborona-i-bezopasnost-soyuznogo-gosudarstva-vazhneyshiy-faktor-stabilnosti>.
23. Декрет от 29 января 2024 г. № 2 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы». URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url/> (accessed 05.03.2024).
24. МИД России: Путин и Лукашенко утверждают новые программы интеграции на 2024–2026 годы // ТАСС 28.01.2023. URL: <https://tass.ru/politika/19837677>.
25. «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы». Утверждены Декретом Высшего государственного совета Союзного государства от 29 января 2024 г. № 2. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/>
26. Снопков назвал важнейшие направления развития Союзного государства на 2024–2026 годы // БЕЛТА 28.06.2023. URL: <https://www.belta.by/economics/view/snopkov-nazval-vazhnejshie-napravleniya-razvitiya-sojuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody-574223-2023/>

Natalia Korzh (e-mail: natalya.korzh@mail.ru)

Ph.D. in Sociology, Associate Professor,

Department of Sociology, Economic Theory and International Processes,

Institute of Economics and Management, PSU

(Penza, Russian Federation)

Alyona Vasilenko (e-mail: vasilenko.alena-58@yandex.ru)

student, Institute of Economics and Management, PSU

(Penza, Russian Federation)

STRENGTHENING ECONOMIC TIES BETWEEN BELARUS AND RUSSIA: PROSPECTS AND CHALLENGES

The article examines the prospects and obstacles to strengthening economic ties between the Republic of Belarus and the Russian Federation. Today, the deepening of cooperation between them plays a strategic role for both countries in the current geopolitical situation, especially in the context of the prevailing global challenges. The objective of the research is to examine the potential for strengthening economic ties between Belarus and Russia in order to determine development prospects and reveal potential hindrances to this process. The scientific importance of the study lies in the expanding of knowledge about international economic transactions and their impact on regional economy. The practical importance of this work lies in the fact that it provides an assessment of the current state of relations between Belarus and Russia. The methodology of this work includes analytical coverage of economic data such as the volume of exports, imports, as well as the study of political and trade relations; data from the official web resource of the Federal Customs Service of Russia and the National Statistical Committee of the Republic of Belarus ("Belstat") have been used. The information about the most exported and imported commodities has been collected from the Ru-Stat website. The main results and conclusions emphasize the importance of deepening economic relations between Belarus and Russia, as well as identify potential obstacles to this process. The article can contribute to a deeper understanding of the dynamics of economic cooperation within the Belarusian and Russian territories. In general, the conceptual approach to deepening economic relations provides understanding of the cooperation dynamics.

Keywords: The Union state of Russia and Belarus, geopolitics, development of economic ties, trade, integration of cooperation, development prospects, obstacles to cooperation.

DOI: 10.31857/S0207367624090077, **EDN:** AMAXSQ

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах tiff, eps. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться сведения об авторе (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);

2) в меню «Мои публикации» станет активной кнопка «Добавление публикации», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «Комментарии для редактора». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «Сохранить и отправить».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. На электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/>;

2. Через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати xx.xx.2024 г.

Дата выхода в свет: xx.xx.2024 г.

Тираж 150 экз. Зак. 14/7а. Цена свободная
70*100/16. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»:
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.